

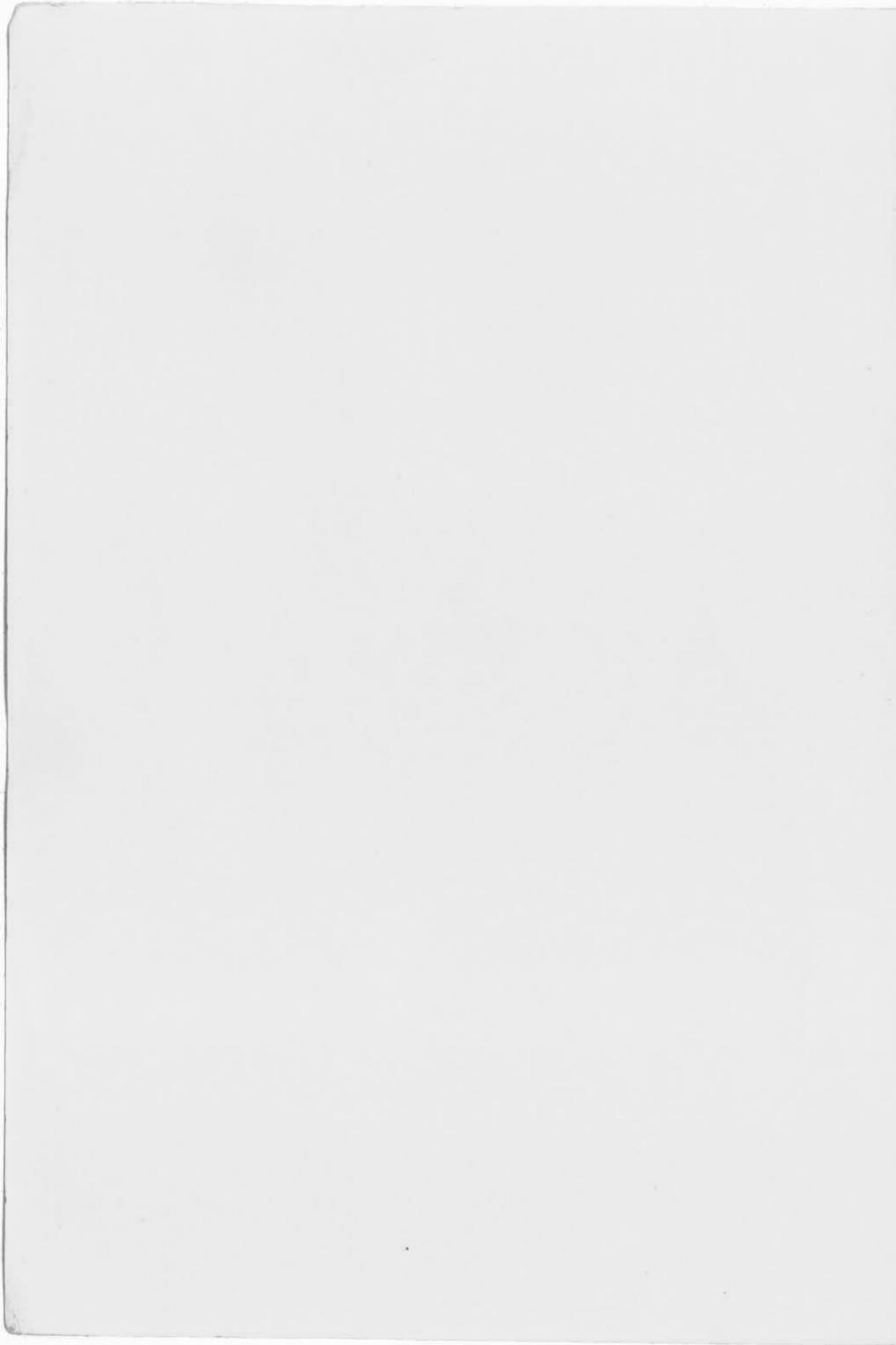
Российский Фонд культуры
Ивановское областное краеведческое общество
Приход Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа
Администрация Южского муниципального района

НОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ альманах

Выпуск 1
«К 450-летию Южи»

Иваново – Южа
2006

Российский Фонд культуры
Ивановское областное краеведческое общество
Приход Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа
Администрация Южского муниципального района

ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ альманах

Выпуск 1

«К 450-летию Южи»

2006
Иваново – Южа

ББК 63.3 (2)44
УДК 9 (47)13

Пожарский юбилейный альманах посвящён подготовке к 400-летию славного освободительного похода ополчения под руководством князя Д.М.Пожарского, чья родовая вотчина Мугреево располагается на земле Южского района Ивановской области.

Выпуск 1 посвящается 450-летию первого письменного упоминания села Южа (1556/7 г.). Материалы альманаха были представлены в докладах на южских краеведческих чтениях 2005 г., организованных Ивановским областным краеведческим обществом и приходом Смоленской иконы Божией Матери.

Выпуск подготовлен под общей редакцией доктора исторических наук, профессора К.Е.Балдина.

ISBN 5-902022-14-2

© Приход Смоленской иконы
Божией Матери

© ИД «РЕФЕРЕНТ»

Предисловие

По данной грамоте князей Пожарских Спасо-Евфимьеву Сузdalьскому монастырю от 1556/57 года, за монастырём закреплялась «пустошь Клестовская... со всем угодьем в Белоусове... к Южскому рубежу лес и селища». Это – первое известное упоминание о Юже как «Южском рубеже» в письменных исторических источниках, и именно это упоминание должно служить точкой отсчёта исторического существования Южи.

На данной грамоте нет даты передачи, кроме означения года, который начинался 1 сентября по Юлианскому календарю. Следовательно, с 14 сентября 2006 года по 13 сентября 2007 года – это тот промежуток времени, в который с исторической точностью может быть отпраздновано 450-летие нашего города. Сегодня, когда страна претерпевает нелёгкие изменения, и, хотя с трудом, но возрождается историческое самосознание русского народа, особенно важно обратить внимание южского населения на эту юбилейную дату.

Важным вкладом в празднование 450-летия Южи может стать увековечивание исторической памяти через публикацию исследований, связанных с историей Южской земли. Эта земля включает в себя Мугреевскую вотчину – родовое поместье князя Д.М.Пожарского. По данным архивных исследований предполагается, что именно сюда из Нижнего Новгорода осенью 1611 г. приходило посольство, в том числе К.З.Минин, с просьбой князю возглавить создаваемое ополчение. Отсюда Пожарский вышел в свой славный освободительный поход 1612 г., которому в ноябре 2012 года будет отмечаться 400-летие. Здесь, в Южском районе у с. Холуй, находится построенный сыном князя Иваном Дмитриевичем обетный монастырь – Николо-Борковская пустынь.

День освобождения Москвы от польских интервентов, память Казанской иконы Божией Матери – 4 ноября – теперь стал национальным праздником. Эта дата призывает углубить понимание народом истоков своей государственности. В связи с подготовкой 400-летия освободительного подвига народного ополчения, а также 450-летия первого упоминания нашего города Южи решено выпускать **Пожарский юбилейный альманах** историко-краеведческой тематики. Он предполагается как выпуск целого ряда (от 3-х и более) сборников с работами научного содержания по проблемам изучения исторического прошлого района. Выпуски будут отражать следующие направления в соответствующих разделах:

1. Историография.
2. Археология.
3. Средневековье.
4. Новая и новейшая история.
5. Церковная история.
6. Проблемы возрождения исторического самосознания.

Выпуск №1, посвящённый 450-летию Южи, отражает материалы, представленные на I и II Южских краеведческих чтениях, состоявшихся по инициативе возрождающегося прихода Смоленской иконы Божией Матери в августе и ноябре 2005 года.

Раздел 1. Историография

Якушкин Г.Р.
Якушкина М.М.

Новые материалы по истории храмов Южского района.

Тема, связанная с изучением истории храмов Южского района, представляется чрезвычайно актуальной. Последние серьёзные исследования по данной проблеме выходили в свет в конце XIX – первом десятилетии XX вв., отражая уровень развития исторической науки того времени.¹

В недавно опубликованном фундаментальном труде «Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область»² приведены подробные архитектурные описания церквей Южского района, однако история их строительства не входила в задачу авторского коллектива. Кроме того, авторы не всегда исправляли ошибки предшественников, поэтому в исследовании исторические сведения о церквях не всегда подтверждены источниками.

Популярные издания являются компиляцией из известных трудов XIX – XX вв. и статей из различных периодических изданий, повторяя все имеющиеся ошибки и неточности.³ Составители данных изданий не заметили выход в свет в серии «Акты русских монастырей» сборника документов «Акты Суздальского Спасо-Евфимьевого монастыря 1506–1608 гг.».⁴

Введение в научный оборот новых источников является чрезвычайно важным для развития исторической науки. В процессе проведения научно-технической обработки фонда «Сельские и городские церкви Российской Империи», хранящегося в ОПИ ГИМ, нами были выявлены практически не использовавшиеся уникальные описи древних предметов, хранившиеся в церквях. Ценность их ещё и в том, что они содержат обширные цитаты из не дошедших до нас, или пока не выявленных, церковно-приходских летописей.

В 1902–1904 гг. по запросу Святейшего Синода собирались материалы о церквях и монастырях и о древних предметах, в них имеющихся. Ответы поступали в форме описей, традиционно делившихся на вступительную и основную части. Основная часть, как правило, состояла из двух или трёх разделов.

Во вступление входят сведения по истории строительства и росписи храмов, в том числе предания и легенды, иногда встречаются упоминания о первых поселенцах.

В первом разделе основной части описывались древние иконы, причём требовалось по возможности точно указывать дату написания, иконописцев,

школы и вкладные записи.

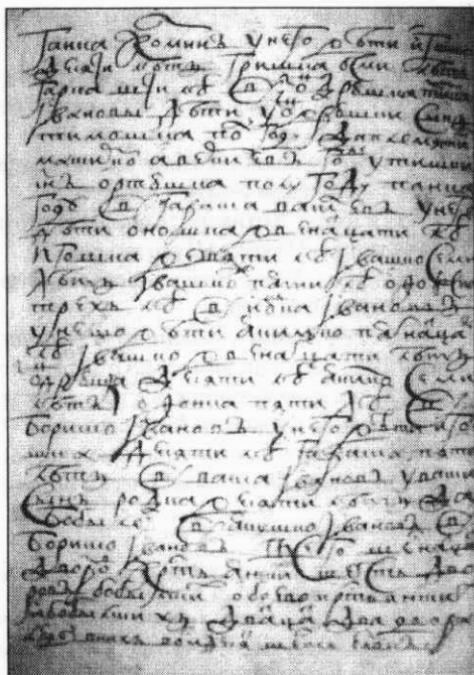
Второй раздел включал описание древних предметов из ризницы – кресты, сосуды, богослужебные книги, покровы, священнослужительские одеяния.

Третий раздел представлял собой архивы храмов, образовавшиеся в связи с их строительством, освящением и переосвящением в силу переделок и поновления ростписей. Часто в этом разделе упоминаются богослужебные книги.

Описи заверялись собственноручными подписями священника, диакона, псаломщика (то есть наличествующего состава церковного причта), церковного старосты. Последней стоит подпись благочинного протоиерея.

Нами выявлены уникальные и не введённые в научный оборот описи сельских церквей бывших Вязниковского, Шуйского и Ковровского уездов Владимирской губ., входящих в настоящее время в Южский район Ивановской области:

- 1) села Большая Ламна Вязниковского уезда церкви Сретения иконы Владимирской Пресвятой Богородицы;
- 2) села Волокобина Шуйского уезда церкви Преображения Господня;
- 3) села Груздева Вязниковского уезда церкви Покрова Пресвятой Богородицы;
- 4) села Лукино Вязниковского уезда церквей Вознесения Господня и во имя Смоленской Божией Матери;
- 5) села Лучкино Ковровского уезда церкви Михаила Архангела;
- 6) села Малой Ламны Вязниковского уезда церкви во имя Владимирской Божией матери;
- 7) села Мордовского Вязниковского уезда церкви во имя Нерукотворного образа спасителя;
- 8) села Мугреева-Спасского (Мугреева-Дмитриевского) Вязниковского уезда церкви Богоявления Господня;
- 9) села Мугреева-Никольского Вязниковского уезда церквей Троицкой и во имя Святого Праведного Артемия Веркольского;

Страница рукописи из архива
Спасо-Ефимьевского монастыря. РГАДА.

10) села Преображенского Вязниковского уезда церкви Преображения Господня;

11) села Рыла Вязниковского уезда церкви Рождества Христова;

12) села Ряполова Ковровского уезда церквей Николая Чудотворца и Благовещенской;

13) Холуйской слободы Вязниковского уезда церквей Троицкой и во имя иконы Тихвинской Божией Матери;

14) села Хотимля Ковровского уезда церквей Успения Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца;

15) села Южи Вязниковского уезда церкви во имя иконы Смоленской иконы Божией Матери.

Исследования указанных источников позволяют значительно уточнить наши представления не только о церковной истории края, датах строительства церквей, но и вкладчиках в строительство данных храмов и других деталей исторического прошлого Южского края. Отмечая ценность церковных описей как исторического источника, можно говорить о возможной реконструкции церковных летописей, практически полностью исчезнувших.

¹ В.С. Березин, В.Г. Добронравов. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып.3. Владимир: 1896; Вып.5. Владимир: 1898. К. Весслопеский. Святоозерская пустынь (левичий монастырь) Гороховецкого уезда Владимирской губернии. Изд. 2-е. М.: 1894 и др.

² Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч.3. М.: 2000. – С.627–701.

³ Храмы Южского района Ивановской области. Составители Владимир Копров и свящ. Олег Пэнэжко. Выходные данные в книге отсутствуют. Южская Карелия. Автор и составитель И.П. Антонов. Иваново: 2003.

⁴ Акты Сузdalского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М.: 1998.

Троицкая церковь Холуйской слободы Вязниковского уезда
(ныне с. Холуй Южного р-на).

Раздел 2. Археология

Е.Л.Костылёва
А. В. Уткин

Древнейшие памятники археологии Южского района

Современная территория Южского района по археологическим данным была заселена в каменном веке. Первый памятник, а точнее комплекс разновременных поселений этой эпохи, здесь открыл в 1926 году Б.Н.Граков, тогда молодой энергичный московский археолог, приглашённый Иваново-Вознесенским губернским обществом краеведения.¹

Целью работ Б.Н.Гракова было найти могильник летописной муромы у села Холуй, частично разрушенный в конце XIX века, материалы которого были опубликованы сначала по-дилетантски владимирским писателем И.А.Голышевым,² а затем – профессионально – корифеем русской археологии А.А.Спициным.³

Б.Н.Граков, самозабвенно и добросовестно излазив вдоль и поперёк всю пройму низовий Тезы, остатков этого некрополя так и не нашёл. Но он нашёл другое. На «горе» Завьялке среди многочисленных золовых (песчаных) выдувов он обнаружил черепки керамики эпохи бронзы и неолита и массу кремневых орудий.⁴ Однако этот памятник копать он не стал, т.к. несколькими годами ранее здесь, у подножья всхолмления, был заложен скотомогильник.⁵ Поэтому, Б.Н.Гракову ничего не оставалось делать, как перенести свои раскопки выше по Тезе, под Хотимль, где тогда же при постройке кустарного кирпичного карьера случайно обнаружился финский грунтовый могильник, точную этнокультурную идентификацию которому археологи до сих пор «придуматъ» не могут.

Завьялка после её открытия сразу же была забыта. О ней в конце 1950-х годов вспомнил Д.А.Крайнов и попросил М.П.Шахматову (в замужестве – Зимину) обследовать нижнее течение Тезы. В 1961 г. в пойме она собрала небольшую коллекцию кремневых орудий среднекаменного века. М.П.Зимина не фиксировала эти находки точно на местности, она просто собрала встреченные на пашне артефакты. Через десять лет их описание опубликовал Л.В.Кольцов как принадлежащих одному памятнику.⁶

На исходе шестого десятилетия прошлого века этот комплекс памятников исследовала ивановский археолог Е.М.Молодцова. Она изменила археологическое название комплекса, оставив за «горой» Завьялка прежнее наименование, а расположенные рядом места скопления находок назвала Мордовскими стоянками (по расположенному рядом одноимённому селу). Геоморфологически и Завьялка, и продолжающаяся от неё к югу песчаная дюна – это древний, правый берег Тезы, а сейчас – восточный берег Поповского,

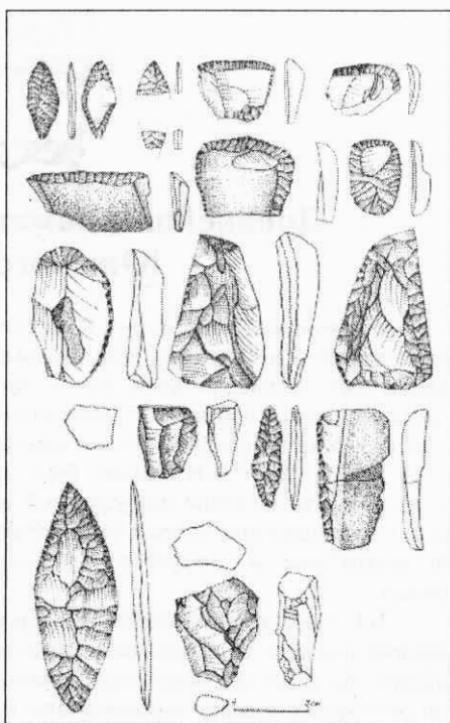
заросшего старично-го озера. На трёх памятниках Е.М.Молодцова вскрыла раскопками около 600 кв.м. Находки эти, к сожалению, до сих пор не введены в научный оборот. Кроме того, Е.М.Молодцова впервые обследовала и берега оз. Ламненское, открыв там две неолитические стоянки (4 тыс. до н.э.).

В 1981 г. восточная часть Южского района (а точнее – среднее течение Луха) была обследо-вана авторами данной статьи. И (вот удача!) на юго-восточном берегу Ламненского озера найде-на новая стоянка, не попавшая в поле зрения Е.М.Молодцовой, Малая Ламна-III.⁷ Через два года она была раскопана Верхне-волжской экспедицией ИА АН СССР под руководством Д.А.Край-нова. В 1990 г. её материалы опубликованы А.В.Уткиным.⁸

Малая Ламна-III является пока самым древним поселением на территории Южского района. Она находится в семи километрах от районного центра при впадении в Ламненское озеро р. Вокши.

В процессе раскопок на этом памятнике собрана небольшая коллекция древних орудий труда и отходов производства. Для изготовления орудий использовался исключительно местный валунный кремень, встречающийся в окрестностях озера и поныне. Орудия (а их найдено всего 310 экз.) представ-лены разнообразными скребками, резцами, ножами, перфораторами, мелкими ноже-видными пластинками, вставлявшимися в оправы режущих инструментов, и наконечниками стрел. Среди последних следует выделить три, так называемых, «трапеции», которые могли использоваться как наконечники стрел с попе-речным лезвием. Из бытовых объектов на стоянке зафиксированы только ос-татки двух костищ. Собранные угли в одном из них (как показал радиоуглеродный анализ в лаборатории Института Истории Материальной Культуры в Санкт-Петербурге) сгорели ни много, ни мало – 8800+90 лет назад.

Исследованный памятник как по своему месторасположению, так и по набору кремневых орудий (которые переданы на хранение в Ивановский

Комплекс поздненеолитических орудий, найденных на стоянке Малая Ламна-III.

областной краеведческий музей), скорее всего, представлял собой небольшое сезонное поселение мезолитических охотников, приходивших на берег озера в конце лета – начале осени, когда этот водоём служил местом сбора перелётных водоплавающих птиц.

Летом 2005 г. археологические исследования на территории Южского района были возобновлены аспиранткой Авериной А.В., которой в ходе проведённых разведок было обнаружено ещё несколько местонахождений каменного века.

Дальнейшее изучение древностей Южского района, открытие новых памятников археологии и их раскопки позволят детализировать его историю.

¹ Много лет позднее Д. А. Крайнов, учившийся вместе с ним в МГУ, а потом работавший в ГИМе, охарактеризует его как «одарённого учёного» и как чрезмерно задиристого в общении: «как-то Б. Граков с А. Арициховским в ГИМе разодрались не на шутку и устроили настоящие ристалища на экспозиционных мечах: первый – с акинаком, второй – с варяжским мечом; победил Б. Граков».

² Годышев И.А. Археологические находки близ слободы Холуя Вязниковского уезда // Собрание сочинений. СПб., 1899. Т.1. Вып.2. – С.147–149.

³ Спицин А.А. Древности бассейнов Оки и Камы // Материалы по археологии России. 1901. № 25. – С.104,105; ил.

⁴ Граков Б.П. Краткий отчёт об археологическом обследовании по реке Тез // Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения за 1926 г. Иваново-Вознесенск, 1927.

⁵ Обваловка этого могильника до сих пор прослеживается и сейчас. Старожилы Холуя и пыне обходят его стороной.

⁶ Кольцов Л.В. Первая мезолитическая стоянка в бассейне Клязьмы // Советская археология. 1970. № 1. – С.221–224;ил.

⁷ Костылева Е.Л. Разведки в Ивановской области // Археологические открытия за 1981. М., 1983. – С. 62,63.

⁸ Уткин А. В. Мезолитическая стоянка Малая Лампа III в бассейне р. Лух // Советская археология. 1990. № 4. – С. 158–168; ил.

И.Ю.Климашёв

Глубокие корни.

Очерк археологических изысканий на озёрах Ламна и Святое, в бассейне реки Лух

Десятки больших и малых рек текут по Среднерусской равнине. Одна из них – тихий Лух, неспешно несущий свои воды с севера на юг, через всю Ивановскую область. Здесь, среди многочисленных болот, по берегам реки и озёр возвышаются дюны – нагромождения песка, образованные ветром около ста тысяч лет назад. Дюны, часто соединённые между собой и занимающие обширные пространства, заросшие лесом, давали приют зверю и человеку. Сухие, недоступные весеннему паводку, имеющие удобный и безопасный подход к воде, дюны – или, как их здесь называют, «грибы» – более всего подходили

напоминающим далёким предкам для поселений.

Люди, селившиеся на гравиях, в процессе работы и жизнедеятельности ломали и теряли орудия труда, утварь, украшения и многое другое. Всё это втаптывалось в землю, засыпалось песком и оставалось в почве в виде слоя с находками. Этот слой земли археологи называют культурным слоем, который, собственно, и является памятником истории, свидетельством материальной культуры людей, его оставивших.

Исследование археологических памятников – дело хоть и увлекательное, но трудоёмкое и ответственное. Раскопки чаще всего являются лишь вершиной айсберга. Основную часть работы археологи вынуждены проделывать в кабинетах и библиотеках, складывая, словно мозаику, непонятные и маловыразительные детали в единую историческую картину. Более того, какие-либо качественные сдвиги в познании происходят только в результате совместных усилий многих исследователей самых разных специальностей.

На протяжении многих лет исследованием бассейна реки Лух занималась Верхневолжская экспедиция Института археологии АН СССР во главе с доктором исторических наук Д.А.Крайновым и его учениками – ивановскими археологами Е.Л.Костылёвой, А.В.Уткиным, Е.М.Молодцовой и московскими учёными Л.В.Кольцовым и О.С.Гадзяцкой. В работах экспедиции довелось принять участие и автору этих строк.

Одним из результатов этих исследований стало открытие одного из древнейших среди известных нам поселений на территории Ивановской области – стоянки Малая Ламна-III, на озере Ламенском. Материалы раскопок 1983 года позволили отнести эту стоянку к эпохе среднего каменного века или, как её называют археологи, мезолита («мезос» по-гречески – средний, а «литос» – камень).

Мезолит – очень интересная для учёных эпоха. Ледник отступил совсем недавно, а современный климатический период – голоцен – только начинался. Тысячелетиями налаженное хозяйство охотников на мамонтов разрушалось. Человек должен был приспосабливаться к новым условиям, строить новый образ жизни, создавать новое хозяйство.

Хотя ледник и отступил, климат в те времена был значительно холоднее, чем сейчас, и потому среди растительности преобладали холодостойкие растения – сосна, берёза и другие. Можно сказать, что климат тогда был резко континентальным, отчего влажность была значительно меньше, чем сейчас. Ниже был и уровень воды в водоёмах, поэтому стоянка Малая Ламна-III занимает ныне полузатопленный, низкий песчаный мыс, образованный берегом озера и впадающей в него рекой Вокшей.

Люди той эпохи были бродячими охотниками, перемещавшимися вслед за своей добычей. Основным их занятием была охота на водоплавающую птицу, которая в изобилии водилась тогда в многочисленных озёрах с чистой и холодной водой, оставшихся после отступления ледника и ещё не успевших превратиться в болота. Охотились на птицу с помощью луков и стрел, несколько каменных наконечников для которых были найдены при раскопках. С копьями и дротиками ходили на лесного зверя. Шкуры обрабатывали кремневыми ножами

и скребками, очищая их от подкожного жира. Затем с помощью проколок и ниток из сухожилий и волоса шили из шкур одежду и пологи лёгких переносных жилищ, напоминавших чумы современных народов Севера.

Угольки, собранные на древнем костище, позволили провести анализ на радиоактивные изотопы углерода. Результаты этого анализа, в сочетании с особенностями находок, позволили датировать стоянку 7–6 тыс. до н.э.

Климат менялся – менялась окружающая человека среда, а вместе с нею – хозяйствственный уклад, образ жизни, традиции.

В V тыс. до н.э по берегам рек, на дюнах появляются стойбища людей, живших уже в неолите – новом каменном веке. От своих предшественников они отличались тем, что умели изготавливать глиняную посуду. Посуда эта представляла собой сосуды, похожие на яйцо со срезанной макушкой. Иногда такие сосуды достигали значительных размеров – до полуметра в диаметре – и вмещали в себя до двух вёдер воды. Керамика в те времена изготавливалась достаточно грубая. Гончарных печей для её обжига ещё не было. Посуду обжигали прямо в кострах. Чтобы в процессе обжига сосуды не растрескались, в глину добавляли всевозможные примеси. В качестве примесей использовали песок, мелкий камень (дресву), дроблённые раковины, растительные волокна и даже толчёную керамику (шамот).

Гончарный круг тоже не был известен и сосуды делались следующим способом. Сначала из глины раскатывались длинные тонкие колбаски – жгути, которые затем укладывались друг на друга, вчерне воспроизводя форму сосуда. Швы между жгутами заглаживались. Маленькие сосуды выдавливались из одного куска глины. Затем на сосуд наносился специальными штампами орнамент в виде треугольников, ромбов, ёлочек, ямок. Орнаменту в те времена придавали большое значение. Символы, изображающие духов – покровителей рода, защищали содержащуюся в сосудах пищу от воздействия злых духов. У каждого племени, у каждого рода был свой орнамент – свои изображения духов, что, кстати, и позволяет археологам прослеживать этнические изменения на той или иной территории.

К эпохе раннего неолита в бассейне реки Лух относится стоянка Шадрино IV, которая находится недалеко от озера Шадрино и деревни Гоголи, на границе Южского и Пестяковского районов, на берегу древней, ныне полностью заросшей протоки.

Раскопки показали, что орудия из камня были так похожи на орудия предыдущей эпохи, что если бы не крохотные кусочки керамики, свидетельствующие о появлении гончарного ремесла, мы, наверное, отнесли бы эту стоянку к эпохе мезолита.

Совсем небольшие изменения в технологии и хозяйственном укладе показывают нам, как медленно двигался прогресс. Пропшло ещё несколько тысячелетий, прежде чем хозяйство неолитических племён приобрело качественно иной уровень.

В IV тыс. до н.э. продолжается дальнейшее увлажнение и потепление климата. Широкое распространение получают влаголюбивые смешанные леса и дубравы. Вместе с типом лесов изменяется и животный мир. Всё это заставляет

человека приспосабливаться к изменившимся условиям, меняя тип своего хозяйства.

Наиболее типичными находками, относящимися к этому времени, являются обломки сосудов с орнаментом из оттиснутых гребёнок и ямок, внешне похожие на куски сот. Такие черепки можно чаще всего встретить у среза воды на берегах самых высоких дюн Лухского Полесья, куда, спасаясь от затоплений при поднятии уровня воды, люди переносили свои поселения.

Внешние сосуды почти не изменились. Зато очень сильно меняется техника изготовления каменных орудий. Улучшается, становится более тщательной обработка изделий из кремня. Частые находки теперь – каменные шлифованные топоры и тесла – неизменные спутники лесного жителя. Шлифованным каменным топором, на изготовление которого требовалось, как показал эксперимент, 30 часов рабочего времени, можно было перерубить ствол диаметром 10 сантиметров всего за минуту! С помощью топора человек построил себе настоящий дом, который защитил его от зимней стужи, болотного гнуса,очных страхов и, что самое главное, дал ему уверенность в будущем.

Остатки такого капитального жилища были обнаружены в 1969 году недалеко от деревни Рыбино Палехского района, на мысу или, как здесь говорят, на «стрелке», при впадении древнего русла реки Люлех в Лух.

Жилище это представляло собой полуземлянку овальной, в плане, формы, площадью около 9 квадратных метров. Вдоль стен были устроены деревянные лежанки, а в центре – очаг.

Естественно, такое жилище с собой в кочевые не возьмёшь. И бросить его жалко. И, может быть, это чувство собственности становится поводом к возникновению нового типа хозяйствования неолитических племен – охотничье-рыболовно-собирательского, связанного с сезонными миграциями.

Если мы обратимся к сведениям этнографов, изучающих жизнь и быт малых народов тайжного Севера, то мы увидим очень интересную картину. Эти малые народы, будучи полукуочевниками, зимой жили в стационарных, сравнительно благоустроенных посёлках, а летом перебирались на временные стойбища. Стойбища находились в непосредственной близости от охотничих, собирательских и рыболовных угодий. За сезон стойбища несколько раз менялись, для того, чтобы не разорять угодья.

Вероятно, то же самое было и в наших краях во времена неолита. Стационарный посёлок с тёплыми полуземлянками находился на мысу при впадении Люлеха в Лух, а временные стойбища – по берегам реки возле нынешнего Мыта, на гравиях Клячино, Поляна, Толстуха, Орефино, по берегам озера Шадрино.

Изучая остатки материальной культуры племён, населявших берега Луха, археологи обратили внимание и на то, что на некоторых стоянках попадаются изделия из кремня необычного для этих мест чёрного и сиреневого цветов.

Местные первобытные умельцы изготавливали орудия, в основном, из кремня жёлтого, коричневого, красноватого и белёсого цветов. Кремень этот добывали, раскалывая обычные валуны, которые и сейчас в изобилии встречаются у нас во многих местах. Но валунный кремень хрупок, и изделия из него некачественны. Поэтому, древние мастера старались заполучить ка-

чественное сырьё, каковым был кремень, добытый из меловых и известняковых отложений.

Ближайшие отложения мела и известняка, содержащие кремень, находятся далеко от здешних мест – в верховьях Оки и на Средней Волге, а также в верховьях Волги, на территории нынешней Тверской области. Кремневые желваки, выломанные из известняка, обкалывали и очищали на месте. Кремень развозили уже полуобработанным, в заготовках, чтобы не везти лишнего груза.

В середине III тысячелетия до н.э. на берегах Луха появляются поселения волосовцев. Имя своё эти племена получили по названию села Волосова около Мурома, где было впервые обнаружено их поселение. Коренное отличие памятников этой культуры – наличие керамики, толстостенной, рыхлой, с примесью в глине толчёных раковин пресноводных моллюсков и растительных волокон. Кремневые орудия, найденные в волосовских слоях, тоже отличаются от таковых предыдущих культур. Волосовцы добились такой виртуозной обработки камня, что наконечники стрел, свёрла, проколки, ножи смотрятся как ювелирные изделия. На волосовских поселениях передки находки выполненных из кремня фигурок зверей, птиц, человечков.

Волосовцы пришли в наши края с берегов Оки и Средней Волги и прочно обосновались на берегах Луха. Именно с ними здесь связан своеобразный демографический взрыв. Слои с остатками волосовской культуры присутствуют практически на всех известных нам археологических памятниках бассейна реки Лух. Причем именно к ним относится наибольшее число находок.

Почему же так случилось? В чем причина этого процветания? Для этого пришлось ещё раз внимательно посмотреть материалы раскопок разных лет. Изучив их и наложив на карту бассейна реки Лух, мы сможем увидеть следующее.

В среднем течении Луха, на расстоянии (по прямой) двадцати километров друг от друга, в урочищах Стрелка и Дубки, при впадениях в Лух речек Люлех и Исток соответственно, археологи обнаружили два стационарных волосовских посёлка.

На одном из них, на поселении Стрелка (открытом Н.М.Романовым – мытским краеведом и основателем Мытского музея) в 1967–1969 годах проводились широкомасштабные раскопки.

Раскопки вскрыли остатки трёх больших полуzemлянок прямоугольных очертаний. Жилища имели перекрытия из деревянных плах и крыши из бересты и ветвей. Внутри жилищ были обнаружены очаги и зольники – неглубокие ямы, расширявшиеся книзу, заполненные углём и золой и служившие, видимо, для обогрева жилищ. Жилища эти имели крытый спуск к воде и были соединены друг с другом переходами.

Количество находок на Стрелке поражает своим изобилием. Было обнаружено большое количество орудий из камня – топоры, тёсла, ножи, наконечники стрел и копий, скребки, свёрла и многое другое. Во влажной почве хорошо сохранились орудия из кости – гарпуны, иглы, рыболовные крючки, долота, шилья, кочедыки, игольники, украшения-подвески, даже флейта! Удивительно

обилие костей животных – лосей, северного оленя, медведей, бобров, куниц, кабанов и птиц. Непривычна величина осетровых и сомовых костей – такие рыбины сейчас уже не ловятся!

Волосовское хозяйство, основанное на сезонных миграциях, в сложившихся природных условиях было весьма эффективно. Вооружённые великолепными орудиями, мужчины успешно охотились. Женщины с помощью костяных и каменных мотыг, серпов, сделанных из рога, со вставленными в него острыми пластинками кремня, заготавливали огромное количество различных плодов, кореньев и ягод. Оставалось время для творчества и досуга. Отсюда такое количество каменных и костяных поделок и украшений, музыкальные инструменты. Словом, это был «золотой век» охотников и рыболовов!

Выше не зря было упомянуто расстояние между посёлками в урочищах Дубки и Стрелка. Дело в том, что по подсчётам учёных коллектива охотников в 30 человек (а, видимо, такова была численность населения посёлков), для нормального прокорма и хозяйственных нужд необходима территория площадью в 300 квадратных километров. Это примерно площадь круга радиусом 10 километров. Стык владений двух родов, населявших Дубки и Стрелку, приходился как раз на район озера Шадрино, где мощность слоёв с волосовскими находками заметно падает. Из этого можно сделать вывод, что экологические системы в исследуемом районе оказались предельно загруженными.

Тут на исторической сцене появляются фатьяновцы, сыгравшие роль катализатора процесса, разрушившего старый привычный уклад и создавшего новый.

Племена фатьяновцев, получившие своё название по могильнику около деревни Фатьяново в Ярославской области, пришли в наши края с юго-запада в начале II тысячелетия до н.э., подталкиваемые изменениями в природе, которые передвигали необходимую для их хозяйства границу лесостепи на север. Фатьяновцы были скотоводами. Они разводили овец и свиней, для которых лучшим местом выпаса были лесные поляны и опушки.

Эти племена в наших краях известны по каменным сверлённым топорам, найденным при вспашке на полях, и могильникам, располагавшимся на высоких холмах. В бассейне реки Лух такой могильник находится около бывшей деревни Сковородино Пестяковского района. При его раскопках были найдены типичные для фатьяновцев орудия и утварь – каменный сверлённый топор и сосуд шаровидной формы с высоким, прямым и широким горлом, украшенным зигзагообразным орнаментом.

Появившись в наших местах, они не составили конкуренции волосовцам, жившим в долинах рек и занимавших вполне определённую природную нишу. В отличие от них фатьяновцы, поселились на водоразделах, где было много обширных лугов с травою для овец и дубрав с желудями для свиней. Да и гнуса там было меньше.

Конечно, столкновения между пришельцами и местными охотниками были, но не по злому умыслу. Завидев пасущуюся скотину, волосовцы убивали её, полагая, что овца или свинья принадлежит тому, кто её убил. В свою очередь гнев и жажда справедливости заставляли фатьяновцев хвататься за топоры,

которые они до этого использовали в мирных целях – для постройки хижин, загонов для домашних животных и рубки ветвей на зимний корм скоту.

Но постепенно всё уладилось. Волосовцы стали с интересом присматриваться к хозяйству своих соседей, и даже кое-что у них перенимать. В конце существования волосовской культуры на поселении Стрелка появляются свиньи, которых заводили весной, летом откармливали и осенью забивали. Так волосовцами был сделан первый шаг к производящему хозяйству.

Но и фатьяновцы тоже не стояли на месте. Перед тем, как с исторической сцены, они успели обзавестись коровами и лошадьми и познакомили волосовцев с изделиями из меди, которыми они иногда пользовались. Правда, медных предметов было очень мало, поскольку медь приходилось завозить со Средней Волги, где находились медистые песчаники. Так, например, на волосовской стоянке Ванино около Мыта был найден кусочек медной проволоки, использовавшийся как украшение.

Казалось, обоюдному процветанию не будет конца. Но тут вмешалась природа. Началось новое похолодание при одновременном повышении влажности. Это означало приход долгих зим, вёсен с обильными и длительными паводками. Лето было коротким, осень – дождливой.

Стали изменяться леса. Вместо широколиственных пород теперь доминируют берёза и ель. Меняется и фауна. Человек, всецело зависящий от природы, оказался в очень тяжёлых, непривычных условиях. Дожди, низвергавшиеся с неба, казались ему вселенским потопом.

После расцвета неолитической «цивилизации» происходит снижение численности населения. На берегах реки Лух археологам попадаются лишь единичные находки, по которым мы можем судить о людях, живших здесь в I тыс. до н.э. Признаки поселений этого времени в культурных слоях столь невыразительны, что датировать их можно только по немногим фрагментам «сетчатой» или «текстильной» керамики, называемой так потому, что орнамент её похож на оттиск грубой, похожей на рогожку ткани.

Материал, собранный в урочищах Клячино, Поляна, Толстуха, дает мало сведений о занятиях живших здесь людей. Лишь по аналогии с другими памятниками культуры с «сетчатой» керамикой можно предположить, что жители этих селищ занимались скотоводством, разводя лошадей и коров. Кроме того, именно в эту эпоху люди в наших краях начинают заниматься земледелием.

Для этого на участках, отведенных под пашни, вырубался и выжигался лес, а на удобренной золой и взрыхлённой бороной-суковаткой или мотыгами почве высевался ячмень – самый неприхотливый злак. Такой вид земледелия называется подсечным, и возможен только при малой плотности населения и наличии обширных лесных пространств, поскольку через несколько урожаев почва истощалась, и приходилось вырубать и выжигать новые участки.

Вырубка лесов под пашни потребовала качественно нового орудия. Им стал железный топор. В середине I тыс. до н.э. в наших краях люди начинают выделять из местной болотной руды железо. Из железа кроме топоровковались ножи, серпы, наконечники стрел и копий. Но всё же кость и камень из-за своей доступности и распространённости по-прежнему довольно широко

употреблялись.

Шло время. Упорный труд из года в год, из столетия в столетие закладывает основы нового расцвета. У людей образуются излишки. Богатство порождает зависть и желание его отнять. Это в свою очередь заставляет людей защищаться. И тогда появляются первые укрепления.

Одним из таких укреплений является городище около села Лукино.

«*Владимирские губернские ведомости*» в 1853 году писали, что «*городище при Лукине было некогда загородным домом какого-либо из Князей Пожарских*». И, видимо, слава княжеского дома привлекла внимание местных кладоискателей. Когда археологи пришли на городище, оно всё было в ямах. Ямы эти рылись в течение столетий, тут были и свежие, и затянувшиеся старые. Но всё же место для нормальных исследований старатели оставили.

Совершим набольшую прогулку по городищу. Оно небольшое, в плане напоминает ромб со сторонами 30 на 40 метров. В посёлке с такой площадью могло жить человек 30, не более. Городище располагается на высоком, крутом берегу, мысом выступающем в пойму реки. Лух в древности протекал под самым городищем, а сейчас – в спрямлённом русле, метрах в трёхстах к востоку. С мыса открывается великолепный обзор на долину реки, вверх и вниз по течению, что позволяло нашим предкам загодя видеть приближающихся врагов.

С севера поселение защищалось высокими и крутыми берегами, а с юга – с напольной стороны – был вырыт ров и насыпан вал с узким проходом. В древности на валу был устроен частокол из брёвен. К частоколу вплотную, иногда даже заменяя его, примыкали стены срубов, в которых жили поселенцы.

Но вернёмся к раскопкам. Находки здесь крайне редки – в основном, фрагменты керамики. Некоторые из обломков оплакованы – значит, они побывали в огне, может быть, даже в пожаре. В пользу последнего говорят и редкие угольки, замеченные в культурном слое. Видимо, жителям не повезло, и посёлок был сожжён в один из набегов. Невыразительность находок позволила лишь примерно датировать время функционирования городища – I тыс. н.э. Но кто здесь жил, чем занимались жители посёлка, оставалось тайной.

Старушки из села Лукино рассказывали, что «*давно ешё*» на городище кто-то из местных жителей выкопал «*саблю*». Следы этой «*сабли*», конечно, затерялись. Однако известно, что сравнительно недалеко отсюда, при раскопках могильника около села Хотимль, относящегося ко второй половине I тысячелетия, в могиле воина был найден меч явно неместного происхождения. Меч по форме был похож на мечи, которыми пользовались конники степного Поволжья. Там на юге в употреблении были и однолезвийные, изогнутые мечи, похожие на сабли.

Найдка такого меча подтвердила бы наличие тесных торговых связей наших мест со Средним Поволжьем в середине I тыс. Впрочем, тот меч мог быть и трофеем кого-либо из жителей посёлка, взятым в схватке со степняком, проникшим в лесные края во времена набега. А такие походы и столкновения были нередки в те времена, известные в исторической литературе как «*эпоха великого переселения народов*».

В этот период торговля со Средним Поволжьем велась довольно интен-

сивно. Там находились выходы медистых песчаников, из которых добывали медь, необходимую при изготовлении украшений. И так же, как сейчас штамп «*Made in...*» точно скажет нам, где изготовлена та или иная вещь, так и в те времена женские украшения были своеобразной визитной карточкой народа.

Как это ни прискорбно, но красоту древних красавиц археологам приходится угадывать, взглядываясь в пустые глазницы черепов. Но всё же спустя века их забытая красота помогла раскрыть тайну тех, кто жил на городище Лукино. Отгадка была погребена в могильнике, находившемся в урочище с символическим названием «*Ключ*», около деревни Кочкино Палехского района.

Раскопки, произведённые ивановским археологом Е.Н.Ерофеевой в 1959–62 годах, открыли около Кочкина 37 погребений. Некоторые из погребённых были кремированы, от некоторых остались лишь части скелетов, но главное – всех сопровождал богатый инвентарь. И если инвентарь мужских погребений включал оружие и конскую сбрую, то женские погребения – медные украшения. Это были бронзовые венчики, подвески в виде утиных лапок и колокольчиков, браслеты, перстни и многое другое.

Кочкино и Лукино находятся недалеко друг от друга. Если погребённые в могильнике и не являлись непосредственными жителями Лукина городища, то уж во всяком случае, были их соседями и родственниками, если учитывать малую численность населения той эпохи. В пользу этой гипотезы говорит и примерно одинаковое время функционирования городища (вторая половина I тыс.) и могильника (VIII век).

Женские украшения могильника позволили определить этническую принадлежность населения Лухского Полесья второй половины I тыс. Этот народ известен нам по древнерусским летописям под именем мурома.

Мурома был одним из финских народов, населявших в те времена лесное Поволжье, родственным современным финнам, мордве, марийцам, эстонцам. Основная территория его расселения приходилась на низовья Оки, и память от него сохранилась в названии города Муром.

Основой хозяйства муромы было, как и в предыдущие столетия, подсечное земледелие, которое при малой плотности населения обеспечивало хороший урожай. Занимались они и скотоводством, разводя лошадей, коров, мелкий скот. Значительного совершенства достигло ремесло – металлообработка, ювелирное дело, гончарство. И хотя поволжские финны не знали гончарного круга, посуда, вылепленная ими, была добротна и удобна.

Казалось, всё идет хорошо. Но беда пришла неожиданно и совсем не оттуда, откуда её можно было ждать.

Поволжские степняки хоть и воевали с финнами, но были в них заинтересованы как в поставщиках «даров леса». Кроме того, они сбывали им плоды своего труда и металл, которые добывали на своей территории.

Первый удар был нанесён киевским князем Святославом, который прошёлся в 965–968 годах «огнём и мечом» по Волжской Булгарии и Хазарии, занимавшим территории Среднего и Нижнего Поволжья. Затем русские князья устанавливают контроль на Волжском торговом пути. Финские князья, воспользовавшись ослаблением степняков и русскими усобицами, также

совершают походы на Булгарию и на Русь. Из набегов возвращались не все.

Таким образом, племя лишилось части своих лучших мужчин. Оставшиеся не в силах были сдержать оказавшиеся без кормильцев семьи. Женщины вынуждены были связывать свою судьбу с появляющимися в этих местах славянскими поселенцами. К этому времени, к XI–XIII векам, относится селище около деревни Ванино близ Мыта. В ходе раскопок были обнаружены обломки древнерусских – круговых – и местных, муромских – лепных – сосудов, шумящая подвеска – женское украшение муромы и многое другое. Найденные позволяют судить о смешанном русско-муромском населении этого селища.

Через три–четыре поколения люди забывали о своих финских корнях и искренне считали себя русичами. Так из маленьких, частных поступков складывалась история.

Мурома исчезла. Правда, она оставила память о себе в географических названиях. Взглянув на карту, мы увидим, что названия рек бассейна Луха оканчиваются на -Х (Таих, Люлех, Ландех, Сезух и т.д.), тогда как реки других прилегающих к нему регионов имеют или русские названия или оканчиваются на -МА (искаженное финское -МАА), что подразумевает несколько иную языковую основу. К тому же такая концентрация финских названий свидетельствует о том, что муромский элемент ещё долго здесь не растворялся. Отчасти этому способствовало и то, что русские поселенцы не стремились обратить мурому в свою веру. Да и какая вера была у пришлых славян? Сюда, в глушь, приходили те, кого на родине – на Руси – христиане пытались отвратить от веры отцов – от язычества. Здесь славяне-язычники находили братьев по вере – язычников-финнов, которые поклонялись тем же богам, только под другими именами. Недаром в XI веке по лесному Поволжью прокатилась волна языческих бунтов против христиан, возглавляемых языческими жрецами-волхвами.

О неспокойном характере местного населения свидетельствует постройка в XIV веке крепости Лух, остатки которой в виде вала и рва сейчас находятся на территории современного посёлка с тем же названием. Но на сей раз, беспокойство это вызывалось не только и не столько религиозными противоречиями, сколько опять изменениями в природе.

После потепления на рубеже I и II тысячелетий, началось новое похолодание, названное учёными-гляциологами «малым ледниковым периодом», которое длилось до XIX века. Вновь, как и две с половиной тысячи лет назад, на наших предков обрушились долгие зимы, слякотные весны и осени. Всё это усугублялось татарскими набегами и междуусобицей. Снова перед людьми встал выбор – погибнуть или приспособливаться к новым условиям. Народ, естественно, немного побунтовал, но потом, взятый за горло московскими государями, одумался, задумался, засучил рукава и стал менять свой жизненный уклад.

Плотное заселение земель потребовало более интенсивного использования пашен. От подсечного земледелия люди переходят к переложному, а затем и к трёхпольному севообороту. Начиная с XV века, крестьяне используют постоянные поля с чередующимися яровыми и озимыми посевами и одногодичным оставлением участка под паром. Такая более интенсивная

система полеводства может полноценно функционировать только при условии регулярного внесения в землю удобрений и, поэтому, теснейшим образом связана со скотоводством. Сбор навоза, единственного в ту пору удобрения, требовал перехода к стойловому содержанию скота и перехода, тем самым, к правильному животноводству.

Новые формы земледелия и скотоводства потребовали иных орудий труда. Бороны-суковатки, способные лишь присыпать землей изолой высеванные семена, заменяются сохами с железными наконечниками-сошниками, серпы при сборе урожая заменяются более производительными косами и т.д. Всё это потребовало перестройки ремесла в соответствии с появляющимися потребностями.

Возникающий хозяйственный и жизненный уклад способствовал возникновению новых отношений социального и этнического планов. Так из поволжских финнов и русичей в глухи Волго-Окского междуречья в тяжком труде рождался новый народ – великороссы.

А ещё через пару столетий крестьянин, живущий на берегах Луха, был уже твёрдо уверен, что жившие до него здесь люди были такими же русскими, как и он сам, что так было и будет вечно. И в этом он был, пожалуй, прав, потому что корни его народа так глубоко уходят во взрастившую его землю, что иногда бывает трудно понять, где начало, а где конец, где причина, а где следствие.

Река Лух в районе Свято-Николо-Тихонова монастыря.

Раздел 3. Средневековые

В.А.Кирюхина

Подвиг добродетели и преодоление Смуты.

*Подвиг добродетели есть постоянное
борение в трудах, и мужественно
выдержавшим их он приносит
победный венец...*
Максим Исповедник, VII в. н.э.¹

Говоря словами современного исследователя, Смута в конце XVI – начале XVII вв. была обусловлена тем, что Россия оказалась на какой-то период без традиционной законности, впала в губительное состояние внутреннего противоборства и подверглась внешнему и внутреннему разорению.²

Составители грамоты от 31 декабря 1612 г. излагали положение дел в стране следующим образом: «*Московское государство без государя ничем не строится и на многие части воровским заводом разделяется, и междуусобство вчиняется.*³

Ещё более определённо высказался митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл 4 ноября 2005 г. во время открытия выставки в Государственном Историческом музее. Он сравнил Смуту XVII века с самыми трагическими моментами в тысячелетней истории России и провозгласил, что только в этот период произошло самое страшное – была разрушена вертикаль власти.

По мнению большинства историков, Смутное время характеризуется пошатнувшимися морально-нравственными устоями русского народа. Рассматривая состояние всех сословий в Московском государстве, анализируя ход событий начала XVII века, приходишь к выводу – изменить положение дел невозможно было только военными действиями и укреплением власти, нужна была такая нравственная сила, которая могла противостоять измене и предательству, вражде и хаосу, царившим повсюду. В условиях всеобщей «шаткости» нужны были люди, предводители, воеводы особой духовной чистоты и стойкости.

Одним из них оказался князь Дмитрий Михайлович Пожарский. В чём и в ком он черпал нравственный пример и духовную силу, чтобы быть мужественным и принимать решения единственно правильные? Дмитрий Михайлович был не просто грамотным, но хорошо образованным человеком,⁴ а, значит, знал русскую историю, и потому Владимир Святой был ему примером государственного подхода в вопросах вероисповедания, у Владимира Мономаха, читая его «*Поучение*», он учился быть воином, политиком и черпать мудрость в Священном писании. Святой князь Александр Невский был образцом в выборе

исторического пути между Востоком и Западом, Дмитрий Донской указывал, что победить врага можно, только объединив все земли, все силы народа. Один из предков Д.Пожарского был участником Куликовской битвы в 1380 г., а другой был в войсках при взятии Казани Иваном Грозным.

Дмитрий Пожарский показал себя прекрасным организатором и полководцем, но ещё более – добродетельным человеком. По определению, добродетель – это такое качество морали, при котором личность готова и способна сознательно и твёрдо следовать добру. Добродетельный человек действует соответственно норме морали, а не для собственной выгоды. Добродетель всегда противостоит пороку.⁵

Фактами из жизни Д.Пожарского можно подтвердить его высокие личные качества. При царе Борисе Годунове в 1602 г., когда молодой Дмитрий Пожарский был произведён в стольники, его мать Мария Фёдоровна, урождённая Беклемишева, была удостоена чести быть боярыней при Ксении Годуновой.⁶ Умный политик, прекрасно воспитавший своих детей – сына Фёдора и дочь Ксению – царь Борис не мог приблизить к своей семье сомнительных в нравственном отношении людей.

Когда вся Москва в июне 1605 г. приняла некоего «царевича Дмитрия» – Самозванца, Дмитрий Пожарский остался служить при дворе. И как мог молодой стольник сомневаться в подлинности царевича, если его признала своим сыном даже Мария Нагая (инокиня Марфа), последняя жена Ивана IV. Оставаясь в Москве, Д.М.Пожарский, возможно, был свидетелем трагического конца Самозванца и избрания на царство Василия Шуйского.

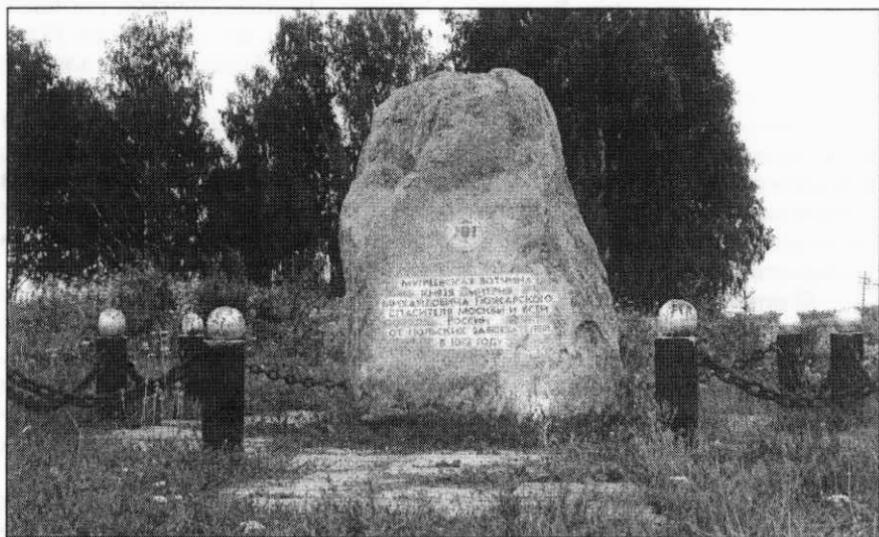
Когда в 1608 г. многие земли на запад от Москвы и даже владимирские и суздальские города признали тушинского вора – Лжедмитрия II, князь Пожарский не покинул царя Василия.

Будучи воеводой в Зарайске в 1609 г., Дмитрий Михайлович заставил жителей города целовать крест на верность Шуйскому, не дав посадскому люду ввергнуть себя в Смуту.

Внутриполитическая обстановка в стране ставила сложнейшие вопросы перед Д.Пожарским. Так, рязанский дворянин Прокопий Ляпунов восстал против Василия Шуйского и начал искать союза с тушинским вором. Приглашая присоединиться к заговору Д.М.Пожарского, он прислал к нему своего племянника Фёдора Ляпунова с грамотой. Князь Дмитрий не захотел восстать против законно избранного царя и отправил Фёдора Ляпунова обратно, а грамоту переслал царю Василию с просьбой о поддержке. Грамота нужна была, в данном случае, как подтверждение о заговоре. Сложная ситуация разрешилась следующим образом. Царь Василий прислал военную поддержку в Зарайск (здесь Д.М.Пожарский служил воеводой), а Прокопий Ляпунов, узнав об этом, перестал даже «сноситься» с тушинским вором.

Между тем от Василия Шуйского в тушинский лагерь переходили многие представители знаменитых фамилий, такие, как князь Д.Трубецкой, А.Юрьев, Сицкий, Д.М.Черкасский, В.Т.Долгорукий. По несколько раз они переходили из одного лагеря в другой, за что получили прозвание «перелёты».

Когда царь Василий отрекся от престола, и в Кремле засели бояре-

Памятный знак князю Д.П.Пожарскому в с. Шугреево-Никольское.
в древней вотчине князей Пожарских.

изменники и польский гарнизон, было образовано народное ополчение во главе с Д.Трубецким, П.Ляпуновым и казачьим атаманом И.Заруцким. Д.Пожарский не входил в состав руководителей ополчения. Однако со своими ратными людьми он спас П.Ляпунова, окружённого в Пронске казаками. Оказывается, что между П.Ляпуновым и Д.Пожарским не возникло вражды, несмотря на трудную ситуацию в момент заговора.

Итак, Д.Пожарский, исполняя государственную службу в качестве стряпчего и стольника, при царе Шуйском совершил рейды как военачальник, по велению своего гражданского долга он выступил на стороне восставших москвичей 19 марта 1611 г. Он руководил народным сопротивлением, организуя оборону с помощью небольшой крепости у церкви Введения на Лубянке, привлёк пушкарей с Пушечного двора, был очень сильно ранен и вывезен без сознания из Москвы.

Первое народное ополчение не смогло выполнить своих задач, а П.Ляпунов был предательски убит казаками. «Седмочисленные бояре» пригласили на русский престол польского королевича Владислава, но к декабрю 1610 г. население Москвы уже знало, что сам король Сигизмунд хочет стать московским царём. Об этом патриарх Гермоген оповестил народ и прямо запретил своей пастве целовать крест королю-католику.⁷ Будучи под арестом, патриарх сумел переслать несколько грамот в волжские города с призывом собираться вместе и идти к Москве. Далее, уже в 1611 г., нижегородцы по призыву К.Минина начали сбор средств для создания ополчения и пригласили Дмитрия Михайловича возглавить народное войско.

Ещё не оправившийся от ран, Д.Пожарский начинает титанический труд по созданию боеспособного войска из деморализованных дворян, бежавших из Смоленска, Москвы и других городов, из посадских и торговых людей, из крестьян и холопов. Нужно было обладать опытом и знаниями военачальника, силой воли и высокими моральными качествами, чтобы утвердить свой авторитет в такой разношерстной среде и подготовить бойцов, способных противостоять войску Речи Посполитой, в состав которой входили не только опытные польские и литовские солдаты, но и профессиональные наёмники из Европы.

В Ярославле усилиями Д.Пожарского было образовано особое правительство – «Совет всея земли» – из представителей духовенства, дворянства и земщины. Благодаря своему авторитету и при помощи «Совета всея земли» Д.Пожарский сначала навёл порядок в городах к северо-востоку от Москвы, где не действовала никакая власть, и достиг важного результата во внешней политике: шведский король обещал нейтралитет в войне с Польшей.⁸

Следует упомянуть хорошо известный факт, когда Д.Пожарский, оставив войско перед походом в Москву, поехал в Сузdal поклониться «родительским гробам», при этом он рисковал жизнью, поскольку на дорогах ещё хозяйничали отдельные отряды поляков, казаки и разбойники. Видимо, для князя Дмитрия Михайловича это было не прописное правило – почитание родителей – но истинная потребность души. В «фамильном богомольце», Спасо-Евфимиевом монастыре, у могил своих предков он черпал ту нравственную силу, которая помогала принять верное решение и выстоять в трудную минуту.

В страшные годы Смутного времени князь Пожарский встречался с людьми разного сорта, и отношения складывались по-разному. Но получается так, что он прощает всех обидчиков, а некоторым даже помогает: не упрекает князя Д.Трубецкого за высокомерие и, в конце концов, действует совместно, прощает повинившихся казаков, которые хотели его убить, спасает от расправы польского полковника Будилу, с готовностью принимает советы и благословение затворника Иринарха, смиренно выслушивает упрёки от келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына и берёт его с собой в поход на Москву. Здесь оказывается политическая дальновидность Д.Пожарского, поскольку с помощью именно этого авторитетного духовного лица, он налаживает отношения с князем Трубецким и казаками.

Д.Пожарский с К.Мининым и народным войском приняли основной удар: они вышли на бой с отборными войсками королевского гетмана Ходкевича, который совсем близко подошёл к Кремлю. Когда 22–23 августа 1612 г. боишли в Замоскворечье, Д.Трубецкой с казаками наблюдали со стороны, как гибли ополченцы. Они согласились помочь только за особое вознаграждение от Авраамия Палицына.

Изголодавшиеся в осаде бояре решились, наконец, выпустить жён и детей, но только при условии, что их охрану организует князь Пожарский. Он же не только защитил жён и детей изменников, но обеспечил их жильём и продуктами.

В конце октября 1612 г. сдались и поляки, и бояре, на милость и под защиту

Д.Пожарского. Их выход из Кремля у Троицких ворот охранял сам князь, при этом он с трудом убедил казаков разойтись и не грабить обессиленных людей.

После освобождения Москвы встал вопрос об избрании царя «всех земли». Для заседания Земского Собора приглашались выборные люди от всех сословий, но многие задерживались. В одной из грамот, посылаемых на Двину, Д.Пожарский убедительно просит прислать своих представителей, а в конце говорит следующее: «*А только вы для земского обиранья (избрания – В.К.) выборных людей к Москве к крещенью не вышлете, и нам всем мнится, что вам Московское государство и государь на Московском государстве не надобен. А где что грехом зделается худо, и тово взыщет бог на вас.*»⁹ Нет никакой конкретной угрозы в словах, только напоминание об ответственности, о грехе и Божьем суде.

Во время венчания на царство Михаила Фёдоровича Романова князю Пожарскому была оказана высочайшая честь – держать на золотом блюде державу, символ царской власти, вместе с тем ему были пожалованы земли и чин боярина. Но и после победы 1612 г. ещё много пришлось князю потрудиться на военном поприще, во главе приказов и в качестве дипломата. Оставался он и наместником за царя, когда тот покидал Москву.

В конце жизни Д.Пожарский составил и, видимо, продиктовал «духовную грамоту», то есть завещание. Этот документ выявляет духовный мир человека на «пороге вечности». По обычью того времени Д.Пожарский делает вклады во многие монастыри и храмы, делит имущество между родными. Свободных, накопленных денег у него не оказалось, и это естественно, поскольку в лихоимстве на государственной службе замечен не был. Но самым трогательным является его забота о зависимых людях – о холопах. Одних он приказывает отпустить на волю, а других – не обижать: «*Костью моей не ворохнуть, жаловать их так же, как при мне было.*»¹⁰

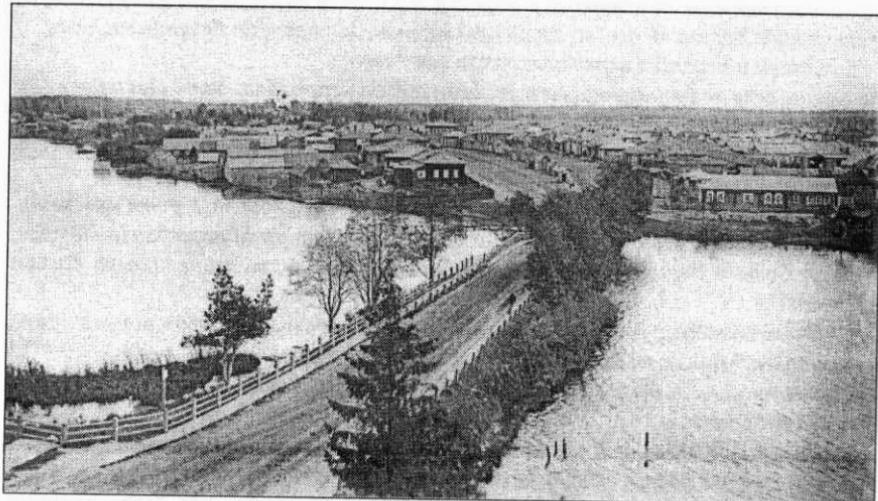
Какой символический образ может выразить подвиг нашего героя? Войско народного ополчения прошло немалый путь по территории нашей страны прежде, чем удалось освободить Москву. И потому князь Дмитрий Михайлович Пожарский представляется нам в виде иконописного всадника на фоне карты Московского царства. Его конь ногами опирается на такие города, как Нижний Новгород, Кострому, Ярославль, Ростов..., а копьё всадника направлено к западу от Москвы и поражает чудовище в виде Речи Посполитой.

С полным основанием можно сказать, что князь, воевода, боярин Дмитрий Михайлович Пожарский обладал подлинным духом христианского воина, который и есть отражение духа русского народа. В нем сконцентрировались все его столетиями собиравшиеся нравственные ценности: верность, самоотверженность, скромность, милосердие (даже к врагам), воинская доблесть, мудрость и удивительное чувство соборности, единения со своим народом. Личность князя есть плод или прекрасный цветок на родовом древе русского народа, возросшая из его нравов, обычая, культуры, цивилизации, – словом, из всего уклада его жизни, как в прошлом, так и в настоящем.¹¹

- ¹ Творения преподобного Максима Исповедника. Кн.1. М., 1993. – С.261.
- ² Смутное время. История и современность. СПб., 2000. – С.11.
- ³ Записки отдела рукописей Г.Б.Л. М., 1957. – С.187.
- ⁴ Эскин Ю.М. Дмитрий Пожарский // Вопросы истории, №8. М., 1976 г. – С.108.
- ⁵ Философский словарь. М., 2001. – С.164.
- ⁶ Факты из жизни Д. Пожарского в основном перепечатаны из многотомного репринтного издания «Русский биографический словарь». Т. 18, М., 1999. – С.221–246.
- ⁷ Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001. – С.440–441.
- ⁸ Платонов С.Ф. Там же. – С.456–458.
- ⁹ Записки отдела рукописей...С.188.
- ¹⁰ Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. №1, 2000. – С.143–147.
- ¹¹ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Репринт, М., 2004. т.7.

Г.Р.Якушкин

Описание села Южа в писцовых и переписных книгах XVII в.

Село Южа Бязниковского уезда Владимирской губернии. Нач. XX в. (фото из архива В. Клокова).

Город Южа, районный центр Ивановской области, является одним из старинных поселений на данной территории.¹ Однако до настоящего времени сведения об истории появления и развития данного населённого пункта противоречивы. Из издания в издание кочует фраза (без сноски): «Старинное вотчинное село, существовавшее уже в нач. XVII в. (о чём свидетельствует запись

в патриарших окладных книгах 1628 г. «...церковь Николая Чудотворца в селе Южа, в поместьи Юрия Толмачёва»).²

Ценными источниками по истории изучения населённых пунктов являются писцовые и переписные книги XVII в. Сведения о Юже мы находим в писцовых и переписных книгах Сузdalского уезда Стародуб-Ряполовского стана, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов в фонде Поместного приказа.

Самым ранним из сохранившихся является список с писцовой книги 7136–7138 (1628–1630) гг. поместных и вотчинных земель Сузdalского уезда Стародуб-Ряполовского стана письма и меры Михаила Трусова и дьяка Фёдора Витовтова.

В связи с тем, что фрагменты из писцовой книги публиковались в разных изданиях с неточностями, считаем нужным привести текст описания полностью.

«№89. За Фёдором Фоминым сыном Толмочовым отца *ево* поместье по отказной сузальца Нефёда Горностаева 122-го [1613/1614] году и по выписи Фрола Кишкина 131-го [1622/1623] году, что было в вотчине за князь Ондреевского княгинею Стригина село Никольское, а Южа то ж, на суходоле, а в ней церковь Николы Чудотворца, а в церкви образы и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строенье помещиково и мирское, а у церкви во дворе поп Яков Исаев; во дворе дьячёк Васька Исаев; во дворе проскурница Матрёница Остафьева дочь.

Пашни и перелоги церковные земли семь чети.

Да в селе ж двор помещиков; да бобылей: во дворе Матюшка Никифоров да с ним живёт Федька Офонин сын Пяткова. Пашни паханые добрые земли десять чети, да перелогом и лесом поросло двенадцать чети бес третника в поле, а в дву потому ж. Сена пятнадцать копен.

Деревня Сенкинская, а Сидоровская то ж, на суходоле, а в ней крестьян: во дворе Овдокимка Тимофеев сын, прозвища Будилка, да Митрофанко Петров; во дворе бобыль Васька Кондратьев да Будилка Ногаев; во дворе бобыль Васька Яиченка.

Пашни паханые добрые земли восмь чети, да перелогом и лесом поросло пять чети с полуосьминою в поле, а в дву потому ж. Сена пятнадцать копен.

Починок, что была деревня Суховерховская, а в нём: во дворе крестьянин Васька Онисимов.

Пашни паханые добрые земли пять чети, да перелогом и лесом поросло двадцать чети в поле, а в дву потому ж. Сена пятнадцать копен.

Да к тому же селу и к деревням пустошней: пустошь, что была деревня Микулина. Пашни перелогом и лесом поросло добрые земли пять чети в поле, а в дву потому ж; сена пятнадцать копен. Пустошь, что была деревня Горбина, Зуевка то ж. Пашни перелогом и лесом поросло добрые земли шесть чети в поле, а в дву потому ж; сена девять копен. Пустошь, что была деревня Сумороково, а Сумороковская то ж. Пашни перелогу и лесом поросло добрые земли двенадцать чети в поле, а в дву потому ж; сена пятнадцать копен. Пустошь, что была деревня Высокая, а в ней пашни перелогом и лесом поросло добрые земли двадцать девять чети в поле, а в дву потому ж; сена двадцать копен. Пустошь

Копыловка. Пашни перелогом и лесом поросло добрые земли двадцать девять чети бес третника в поле, а в дву потому ж; сена десять копен. **Полпустоши Устиновы**, а другая половина тое пустоши за Микифором Плещеевым. А в ней пашни перелогом и лесом поросло добрые земли двенадцать чети с осминою в поле, а в дву потому ж; сена семь копен с полу копною.

Да за ним же Фёдором, что было в вотчине за князь Васильем Кривоборским, деревня **Микулина**, Микулин починок то ж, а в нём крестьян: во дворе Ивашко Мелентьев, прозвище Шмак; во дворе Обакумка Устинов, прозвище Богдашко; во дворе Ларко Дмитреев; во дворе Якимка Ондреев, прозвище Истомка Панов. Да бобыльских дворов: во дворе Емельянко Григорьев, прозвище Дружинка; во дворе Ивашко Савин; во дворе Федыка Григорьев, прозвище Меньшик; во дворе Елунка Карпов; во дворе Нестерко Ондреев.

Пашни паханые худые земли двенадцать чети, да перелогом и лесом поросло двадцать чети с полуосминою в поле, а в дву потому ж; сена нет.

Жеребей селца Овсяникова, а в нём двор помещиков. Пашни паханые добрые земли пятнадцать чети, да перелогом и лесом поросло тринадцать чети в поле, а в дву потому ж; сена нет. А сельцо без жеребья того сельца за братом ево за Захарьем Толмочовым.

Пустошь Желобовская, Засориха то ж. Пашни, перелогом и лесом поросло добрые земли тридцать чети в поле, а в дву потому ж; сена нет.

Да что было в вотчине за князь Онтоном Ромодановским жеребей пустошь **Бабкины, Дубки то ж.** Пашни перелогом и лесом поросло худые земли две чети бес четверика в поле, а в дву потому ж; сена нет. А три жеребьи тое пустоши за братом ево за Захарьем Толмочовым.

Три жеребья пустоши **Окимовской, а Рылиха то ж.** Пашни перелогом и лесом поросло худые земли одиннадцать чети с полуосминою в поле, а в дву потому ж; сена нет. А жеребей тое пустоши за Захарьем Толмочовым.

Да к селу ж к Юже и к полусельцу и к деревням и к пустошам сена сорок восемь копен.

И всего за Фёдором Толмочёвым в поместье село да жеребей сельца, да две деревни, да починок живущих; да шесть пустошей с полупустошью, да три жеребья пустоши, да жеребей пустоши ж. А в них два двора помещиковых, шесть дворов крестьянских. А людей в них семь человек.

Восьмь дворов бобыльских, а людей в них десять человек. Пашни паханые добрые земли двадцать три чети, да перелогом и лесом поросло сто шездесят чети и полполтретника. И обоево пашни добрые земли сто восмидесят три чети и полполтретника. Да пашни ж паханые худые земли двадцать семь чети, да перелогом и лесом поросло шестьдесят три чети с полуосминою и с четвериком. И обоего пашни худые земли девяносто чети с полуосминою и с четвериком. А доброю землею с наддачею шездесят чети с полуосминою. И всего пашни паханые и перелогу и лесом поросло добрые и худые земли доброю землею с наддачею двести сорок три чети с третником в поле, а в дву потому ж. Сена сто двадцать пять копен с полукопною.

А сошного письма в живущем и впусте полтрети и полполчети и полполполтрети и полполполчети сохи и две чети бес третника пашни.

А платить з живущего с четверти пашни».³

С учетом современных границ Южи считаем нужным привести ещё один отрывок, из описания вотчинных земель.

«№166. За Иваном Юрьевы сыном Плещеевым в вотчине по государеве жалованной грамоте за приписью дьяка Ондрея Вареева 129-го [1620/1621] году, что ему дано ис старово его поместья за царя Васильева московское осадное сиденье, что было в вотчине за князь Ондреевою княгинею Стригина за вдовою за Фетиньею деревня **Нефёдово** на суходоле, а в ней крестьян: во дворе Малофея Нефёдов з братом с Івашком; во дворе бобыль Онтонко Тимофеев да Ивашко Горянинов. Пашни паханые добрые земли семь чети, да перелогом и лесом поросло две чети в поле, а в дву потому ж. Сена пятнадцать копен. Лесу пашенного две десятины.

Деревня Михалёво на суходоле, а в ней крестьян: во дворе Якунка Офонасьев да Офонька Тимофеев; во дворе бобыль Исачко Яковлев. Пашни паханые добрые земли три четверти, да перелогом и лесом поросло три ж четверти в поле, а в дву потому ж. Сена двенадцать копен. Лесу пашенного три десятины.

Деревня Фоминское, а Омелево то ж, на суходоле, а в ней крестьян: во дворе Фомка Овдокимов; да бобылей: во дворе Петрушка Иванов; во дворе Осипко Иванов. Пашни паханые добрые земли девять чети, да перелогом и лесом поросло двадцать четвертей в поле, а в дву потому ж. Сена шесть копен. Лесу пашенного пять десятин.

Деревня Теренино, Карповское то ж, на суходоле, а в ней крестьян: во дворе Тараско Молофеев; во дворе бобыль Селиванко Филатов. Пашни паханые добрые земли двенадцать чети, да перелогом и лесом поросло десять чети в поле, а в дву потому ж. Сена четыре копны.

Пустошь, что была деревня Юркино. Пашни перелогом и лесом поросло добрые земли двадцать четыре чети в поле, а в дву потому ж. Сена двадцать две копны. И всего за Иваном Плещеевым в вотчине четыре деревни живущих да пустошь. А в них четыре двора крестьянских, а людей в них шесть человек. Да пять дворов бобыльских, а людей в них шесть человек. Пашни паханые добрые земли тридцать одна четь, да перелогом и лесом поросло пятьдесят девять чети. И всего пашни паханые и перелогу, и лесом поросло добрые земли девяносто чети в поле, а в дву потому ж. Сена пятьдесят девять копен. Лесу пашенного десять десятин.

А соиного письма в живущем и в пусте полполтрети и полполпячети сохи. И не дошло в соиное письмо двух чети бес третника пашни.

А платить ему з живущего с осмины с четвериком пашни».⁴

К сожалению, из-за физического состояния писцовой книги до проведения реставрации, оказались практически утеряны листы, содержащие описание поместья, в которое входили деревни, ныне находящиеся в составе Нефёдовской сельской администрации: Тарантаево, Костяево, Русино.⁵ По сохранившимся фрагментам мы постарались реконструировать текст. В описании поместных земель за №94 значится за Микифором Юрьевым сыном Плещеевым отца его поместье, что было в вотчине за князь Ондреевою княгинею Стригина за вдовою за Фетиньею ... на суходоле деревня Реброво, селище Турунтаево,

пустошь Селяниновская. За ним Микифором селцо да деревня. Упоминаются населенные пункты Козлово и Мироново.

Таким образом, Южские земли на 1628 – 1630 год находились в двух поместьях и одной вотчине.

Следующим по времени является список с переписной книги поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в стане Стародуб – Ряполовском Суздальского уезда переписи стольника Степана Гавриловича Пушкина и подьячего Анисима Михайлова 7154 (1645/1646)⁶ г. Мы видим, что в формуляре отсутствуют сведения о церквях и священнослужителях, о количестве и качестве земли и угодий, а также упоминания о прежних владельцах.

Проанализировав содержание переписной книги, мы видим, что меняются владельцы земель и происходит их перераспределение. Приведём полные тексты.

В описании поместных владений значится:

«№14. За Олексеем Матвеевым сыном Владыкиным село Никольское, а в нем крестьян:

во дворе Ивашко Васильев з братом Якимком да с сыном Ивашком;

во дворе Богдашко Ерофеев с сыном Петрушком;

во дворе Ивашко Иванов с сыном с Мишкою;

во дворе Тимошка Ондреев с сыном Гришкою;

двор пуст крестьянина Ивашка Ондреева, забежал во 150-м [1641/1642] году, живет на Слопинцах;

во дворе бобыль Серешка Ортемьев с сыном Янкою;

двор пуст крестьянина Петрунки Митрофанова, забежал во 152-м [1643/1644] году, живет за окончичим Федором Васильевичем Волынским в селе Григорьеве в Нижегородецком уезде.

Деревня Сидоровская, а Сенино то же, а в ней крестьян:

во дворе Федька Офонасьев с пасынком Никитко Ивановым;

во дворе вдова Верка Нестерова з детьми с Митрошкою, с Сенькою Нестеровыми детьми да з зятем Меркушкою Ильиным;

во дворе Овдокимко Мокеев с сыном Спиркою;

двор пуст Илюшки Митрофанова с племянником с Івашком Ивановым, забежал во 152-м году, бегаючи живет за Волынским в том же селе.

Деревня Суховерхова, а в ней крестьян:

во дворе крестьянин Овдокимко Мокеев;

двор пуст Ивашка Анисимова.

Всего за Олексеем Владыкиным восемь дворов крестьянских, а людей в них осьмнадцать человек, двор бобыльской, а людей в нем два человека».⁷

Таким образом, село Никольское без второго названия. К селу отходят две деревни. Пустоши не упоминаются, что свидетельствует об их окончательном запустении. В связи с отсутствием в переписной книге ссылок на старые акты, объяснить в настоящий момент переход поместья во владение А.М. Владыкина не представляется возможным.

Анализируя текст переписной книги, мы видим, что изменяется состав поместья Никифора Юрьевича Плещеева, часть которого переходит к его

племяннику, сыну Ивана Юрьевича:

«№39. За Борисом Ивановым сыном Плещеевым деревня Тарантаевская, а в ней крестьян: во дворе Гришка Иванов, прозвище Белоглазов, з детьми с Максимком, Стенькою, Софонкою пяти лет; во дворе Демидко Осипов, а прозвище Несмиянко з братом с Савкою, у Демидка сын Федька пяти лет.

Деревня Русиновская, а Нехаевская то же, а в ней крестьян: во дворе Илюшка Яковлев з братом с Мишкою, у него же сын Ондрюшка девяты лет; во дворе Васька Самойлов з детьми с Мишкою, с Потапком шти лет, да с пасынки с Офоныкою, с Олешкою Савельевыми, а Олешка збежал во 124-м [1615/1616] году; во дворе Федосейко Онтонов, прозвище Огурец, з детьми с Микиткою, с Івашком семи лет, с приимышем Спиркою Лукьяновым; во дворе Фетька Данилов з братьями с Сенькою да Офоныка шти лет.

Деревня Селяниновская, а в ней крестьян: во дворе Савинко Степанов с пасынком с Куземкою Ермолиным, у него же сын Васька трех лет; во дворе Оброско Федоров с пасынком с Микиткою Лукьяновым, у Оброски дети Спирка, Данилко шти лет.

Всего за Борисом Плещеевым восемь дворов крестьянских, а людей в них двадцать восемь человек».⁸

К сожалению, переписная книга сохранилась не полностью. Утерянными оказались листы, содержащие описание вотчины Ивана Юрьевича Плещеева. Можно предположить, что она перешла во владение его сына Бориса Ивановича и включала деревни, перечисленные в писцовой книге 1628-1630 гг. Однако невозможно представить количественный состав населения данной вотчины и проследить динамику ее развития.

К этому времени превратилось в вотчину поместье Н.Ю. Плещеева. В описании вотчинных земель за № 60 записано:

«За Никифором Юрьевым сыном Плещеевым в вотчине села Южи деревня Соина, а в ней крестьян: во дворе Сенька Петров з братьями с Ігошкою, с Петрушкиою; во дворе Матюшка Оксенов з детьми с Овдокимком, с Мокушкою, с Сидорком; во дворе Лучка Марков с сыном с Офоныкою да з братом с Емелькою, у Емельки сын Ивашко; во дворе Юрка Иванов с пасынком с Ондрюшкою Дмитреевым да з братом с Ваською.

Деревня Трунина, а в ней крестьян: во дворе Левка Трофимов з детьми с Офоныкою, з Горкою, с Петрункою; во дворе Ивашко Иванов з детьми з Бориском, с Емелькою, с Ілюшкою; во дворе Ивашко Молафеев, прозвище Шорша, с приимышем с Панкою Максимовым.

Деревня Костяева, а в ней крестьян: во дворе Ивашко Филиппев с сыном Мишко да з братом с Петрункою; во дворе Игошка Филипов; во дворе Ортошка Яковлев с сыном Ивашком; во дворе Ивашко Матвеев з братьями с Митрошкою, с Куською, с Фомкою.

Починок Говяжей, а в нём крестьян: во дворе Ондрюшка Оксенов з детьми с Софонком, с Тишкою.

Починок Ребров, а в нём крестьян: во дворе Назарко Самсонов з братьями с Лукашкою, с Володъкою, с Ондрюшкою, с Митрошкою; во дворе Тишка Оксенов с сыном с Мишкою.

Починок Безшубнов, а в нём крестьян: во дворе Петрушка Матвеев з братом с Панкою; во дворе Микишика Иванов, прозвище Смышиляев; во дворе Мокушка Иванов.

Починок Меринов, а в нём крестьян: во дворе Куська Онтильев з братом с Ларкою; во дворе Ивашко Марков з детьми с Ларкою, с Ондрюшкою, с Лучкою.

Всего за Микифором Плещеевым девятнадцать дворов крестьянских, а людей в них пятьдесят четыре человека».⁹

Таким образом, в 1645/1646 гг. Южские земли находятся в составе двух поместий и двух вотчин. В деревнях увеличивается количество дворов и живущих в них людей.

В последней четверти XVII в. появилась книга под названием: «Подлинная переписная книга людей поместных и вотчинных в Стародуб – Ряполовском стане переписи стольника кн. Тимофея Ивановича Шаховского и подъячего Ивана Васильева от 20 марта 7186 (1678) г.»¹⁰ В это время вотчина принадлежит одному владельцу.

«№75. За боярином за князем Иваном Борисовичем Репниным **Южские волости село Никольское**, а в нем двор прикащиков, а во дворе: дворник Васька Иванов, у него дети Микитка тринадцати лет, Ивашко десяти лет, да крестьянских дворов: во дворе Андрюшка Иванов, у него сын Якушка пяти лет; во дворе Тишко Тимофеев, у него брат Гришка; у Тишки дети Савка пяти лет, Федотко четырех лет; во дворе Микитка Ондреев, у него брат Стенька, у Стеньки сын Петрушка осьми лет, у Стеньки дети Сенька семи лет, Ивашко году; во дворе Якимко Васильев, у него приимыш Федька Федотов, села ж Никольского крестьянской сын; во дворе Митлька Иванов; во дворе Спирка Овдокимов, у него дети Ондрюшка, Васька пятнадцати лет, Митрошка осьми лет, Ивашко семи лет, Федька дву лет; во дворе Петрунка Митрофанов, у него сын Петрушка, у Петрунка дети Сергунька трех лет. Да бобылей: во дворе Микифорко Иванов; во дворе Данилка Калинин, у него пасынок Федька Фомин десяти лет; во дворе Ивашко Микитин, у него братья Максимко осьми лет, Савка семи лет, Игошка шти лет; во дворе Ивашко Иванов, у него брат Ондрюшка, у Ивашко сын Васька дву лет; во дворе Ортоюшка Иванов; во дворе Сенька Овдокимов, у него дети Васька одиннадцати лет, Наумко трех лет; во дворе Мишка Иванов.

Сельцо Соино, а в нем крестьян: во дворе Андрюшка Дмитреев, у него дети Гришка, Карпунка десяти лет; во дворе Мишка Васильев, у него братья Сенька, Якушка, Стенька, у Мишки дети Гришка десяти лет, Петрушка осьми лет, у Сеньки дети Стенька десяти лет, Ондрюшка семи лет, Максимко трех лет; во дворе Игошка Петров, у него дети Елфимко, Федька, Максимко, у Игошки же племянник Марчко Семенов; во дворе Ивашко Емельянов, у него братья Васька, Ивашко, Петрушка, у Ивашко сын Федька дву лет, у Васьки сын Васька же году. Да бобылей: во дворе Симонъко Павлов, у него дети Ивашко тринадцати лет, Ортоюшка десяти лет, Петрушко осьми лет; во дворе Васька Павлов; во дворе Матюшка Оксенов, у него дети Никифорко, Петрушки, у Матюшки внук Гришка Никифоров осьми лет; во дворе Ивашко Емельянов, у него братья Васька осьми лет, Якушко шти лет.

Деревня Русиново, а в ней крестьян: во дворе Сафонко Савельев, у него

приимыш Алешка Терентьев, у Сафонка ж внук Ивашко Никифоров десяти лет да приимыш ж Парfenko Максимов десяти лет; во дворе Афонька Селиверстов, у него сын Митька семи лет; во дворе Илюшка Яковлев, у него сын Андрюшка, у Андрюшки дети Карпушка семи лет, Васька дву лет; во дворе Микитка Федосеев, у него брат Ивашко, у Ивашка сын Гаврилко году; во дворе Спирка Лукъяннов, у него дети Якушко, Ивашко, у Спирки внук Куземка дву лет. Да бобылей: во дворе Савка Алексеев, у него братья Микифорко пятнадцати лет, Куземка десяти лет; во дворе Петрушка Ларионов, у него него пасынки Матюшка десяти лет, Стенька шти лет, Сенька трех лет; во дворе Алешка Артемьев, у него сын Стенька году; во дворе Потапко Васильев, у него сын Якушка десяти лет; во дворе Якимко Кузьмин, у него дети Федька семи лет, Максимко трех лет, Гарасимко году; во дворе Васька Кузьмин, у него братья Стенька, Алешка, у Васьки сын Куземка году.

Деревня Тренино, а в ней крестьян: во дворе Гараска Леонтьев, у него дети Никифорко, Петрушка, у Никифорка сын Ивашко году, у Петрушки сын Ромашко году, ОФонька полугоду, у Гараски же племянники Бориско, Емелька десяти лет Офонасьевы дети; во дворе Бориско Иванов, у него дети Никифорко, Куземка пятнадцати лет. Да бобылей: во дворе Ондрюшка Иванов, у него сын Ивашко шти лет; во дворе Игошка Офонасьев, у него братья Митька пятнадцати лет, Ивашко двенадцати лет; во дворе Мокушка Иванов, у него приимыш Матюшка Юрьев, у Матюшки дети Ивашко семи лет, Максимко трех лет.

Деревня Костяево, а в ней крестьян: во дворе Петрушка Филипов, у него дети Федька, Куземка пятнадцати лет, у Петрушки внук Игошка трех лет; во дворе Ивашко Филипов, у него дети Максимко, Савка, Максимко же, Гришка десяти лет, Митька пяти лет, Ивашко четырех лет; во дворе Куземка Матвеев, у него брат Фомка, у Фомки сын Ивашко пяти лет, у них же племянник Стенька Павлов десяти лет. Да бобылей: во дворе Никишка Иванов, у него дети Алешка семи лет; во дворе Якушко Ортемьев, у него сын Матюшка дву лет, у него же племянник Куземка осьми лет; во дворе Артошка Иванов, у него брат Бориско, у Артошки дети Агейко десяти лет, Петрушка пяти лет, Тишко дву лет.

Деревня Бешубново, а в ней крестьян: во дворе Панка Максимов, у него дети Исачко, Якушко десяти лет; во дворе Стенька Петров, у него брат Андрюшка двенадцати лет, у Стеньки сын Федька десяти лет. Да бобылей: во дворе Данилко Иванов, у него дети Гришка девяти лет, Ивашко семи лет, Митька пяти лет; во дворе Ивашко Фролов, у него дети Сенька пяти лет, Ивашко дву лет; во дворе Серешка Павлов, у него брат Федька, у Серешки дети Мишка семи лет, Гарка шти лет, Сенька трех лет.

Деревня Реброва, а в ней крестьян: во дворе Ондрюшка Самсонов, у него брат Митрошка, у Ондрюшки дети Мишка, Якушко, у Митрошки сын Ондрюшка десяти лет; во дворе Марчко Тихонов, у него дети Гришка, Якушко, Васька десяти лет, Мишка семи лет, Ганка пяти лет, у Гришки дети Онофрейко пяти лет, Костька дву лет, у Якушки сын Ивашко трех лет; во дворе Стенька Михайлов, у него приимыш Ивашко Максимов пятнадцати лет. Да бобылей: во дворе Волотька Лукоянов, у него братья Стенька, Стенька же пятнадцати лет, у Володьки дети Илюшка пяти лет, Ивашко дву лет; во дворе Мишка Тихонов, у него пасынок Логинко Микитин трех лет; во дворе Тишко Андреев, у него зять

Панка Емельянов, у Панки сын Сенька пяти лет; во дворе Фролко Андреев, у него дети Федька, Карпунка, Ивашко, Панка тринатцати лет, у Федьки дети Логинко дву лет, Андрюшка году.

Деревня Мериново, а в ней крестьян: во дворе Игошкá Филиппов, у него дети Ивашко, Стенька, Петрушка, Мишка пятнадцати лет, у Игошки внучата Васька четырех лет, Куземка дву лет, Максимко трех лет, Васька пяти лет; во дворе Ондрюшка Кузмин, у него братья Федька двенадцати лет, Петрушка осми лет, у Ондрюшки дети Гришка пяти лет, Васька дву лет; во дворе бобыль Лукашка Марков, у него дети Ондрюшка, Тимка, у Лукашки же внучата Софонко пяти лет, Бориско трех лет Андрюшкины дети.

Деревня Торонтаева, а в ней крестьян: во дворе Демидко Осипов, у него дети Федька, Ивашко, Бориско; у Федьки дети Ивашко десяти лет, Степка осми лет, у Ивашка дети Трифонко осми лет, Ондрюшка пяти лет; у Бориска дети Ивашко дву лет. У него же Демидка внучата Левка шти лет, Илюшка пяти лет Семеновы дети; во дворе Гришка Иванов, у него дети Стенька, Офонька; у Офоньки дети Ивашко десяти лет, Ондрюшка шти лет. Да бобылей: во дворе Емелька Демидов, у него брат двоюродной Микитка Савельев; у Емельки сын Илюшка году; во дворе Максимко Григорьев, у него сын Бориско, у Бориска сын Ивашко осми лет.

Деревня Синятка, а в ней крестьян: во дворе Лукашка Иванов, у него братья Бориско, Тишкá пятнадцати лет; у Лукашки дети Игошка пяти лет, Андрюшка полутора году; во дворе Лаврушка Иванов, у него дети Ортошка, Сергушка пятнадцати лет; во дворе бобыль Софронко Лукоянов, у него сын Никифорко десяти лет.

Деревня Якунино, а в ней крестьян: во дворе Якушка Иванов, у него сын Якимко осми лет; во дворе бобыль Тишкá Иванов, у него пасынки Федька семи лет, Микитка пяти лет Стенькины дети; во дворе крестьянин Панка Алексеев, у него брат Ивашко; у Панки сын Петрушка году, у Ивашка сын Фомка пяти лет.

Деревня Нефедова, а в ней крестьян: во дворе Федька Иванов, у него дети Ивашко, Матюшка; у Ивашки сын Гараска, у Матюшки сын Васька четырнадцати лет; у Гараски сын Якимко трех лет; во дворе Сенька Федоров, у него дети Васька, Ивашко десяти лет; у Васьки дети Мишка четырех лет, Офонька дву лет; во дворе Мокушка Иванов, у него дети Васька, Стенька, у Васьки сын Алешка дву лет; во дворе Петрушка Сидоров. Да бобылей: во дворе Ивашко Яковлев, у него братья Васька пятнадцати лет, Васька же четырнадцати лет; во дворе Мишка Сидоров, у него сын Якимко, у Якимка сын Тишкá четырех лет; во дворе Ондрюшка Иванов, у него брат Ортошка; у Андрюшки的儿子 Ивашко, у Ортошки дети Назарко четырех лет, Онофрейко дву лет; во дворе Куземка Ермолаев, у него братья двоюродные Бориско Спиридонов, Степка Никифоров; у Куземки сын Микифорко тринадцати лет; у него же Куземки братья Ивашко, Васька, Петрушка в бегах, а бежали во РОЕ-м году; во дворе Якушко Иванов, у него сын Федька, у него же зять Якушко Петров; у Якушки сын Гараска полутора году.

Деревня Теренино, а в ней крестьян: во дворе Ортошка Петров, у него брат Панка, у Ортошки сын Гришка десяти лет, у Панки дети Никифорко четырех лет, Ивашко трех лет. Да бобылей: во дворе Федька Петров, у него сын

Современный крестьянский дом в Юже

Фомка, Стенька, Тимка двенадцати лет, у Ивашка дети Данилко двенадцати лет, Сидорко семи лет, Федька десяти лет, Олешка дву лет, Ивашко году. Да бобылей: во дворе Панка Иванов, у него сын Ивашко году; во дворе Елизарко Ортемьев, у него приемыш Офонька Тимофеев; во дворе Гришки Васильев, у него брат Емелька; у Гришки дети Федька двенадцати лет, Ондрошка четырех лет.

Всего: двор прикащиков, людей в нем три человека, сорок один двор крестьянской, сорок пять дворов бобыльских; обоего крестьянских и бобыльских восемьдесят шесть дворов, людей в них триста тридцать четыре человека».¹¹

Таким образом, на основании писцовых и переписных книг мы можем проследить историю Южи и окружающих деревень за XVII век. После Смутного времени земли были разорены, что подтверждается количеством населения в сёлах и деревнях, а так же большим количеством пустошей. В течение XVII в. развивается хозяйство и происходит прирост населения. При этом пустоши не возрождаются.

Мы можем установить, что в 30-е – 40-е годы происходит перераспределение южских деревень, появляются новые владельцы. Специфика формуляра переписных книг не дает возможности установить, на основание каких документов происходит этот процесс, а также проследить судьбу храмов и церковных земель. При этом мы можем проанализировать состав населения, сравнить его с данными писцовых книг и установить, что деревенские прозвища не превращаются в фамилии в официальных документах.

Изучив сведения на 1678 год, мы можем сделать вывод, что Южа и окружающие деревни становятся единой вотчиной, отметив при этом, что деревни Сидоровская и Сенино сливаются с Южей, что прослеживается на основании сопоставления списков живущих крестьян. Попутно отмечаем, что можно установить родословие крестьянских семей как минимум на протяжении трёх поколений.

Савка семи лет; во дворе Илюшка Иванов, у него брат Фомка, у Илюшки дети Ивашко пяти лет, Васька осмы лет, Степка году; у Фомки дети Ивашко семи лет, Тишка трёх лет.

Деревня Омелово, а в ней крестьян: во дворе Ондрошка Иванов, у него брат Савинко двенадцати лет, у Ондрошки дети Якушко пятнадцати лет, Илюшка семи лет; во дворе Ивашко Иванов, у него братья

Наконец, рассмотрим сюжет, связанный с легендой о названии деревень Реброво и Костяево. По легенде «названия этих двух деревень связаны с битвой против татаро-монгольского войска, которая закончилась большими потерями как той, так и другой стороны. Тут якобы и захоронили «рёбра и кости» павших в битве». ¹² Мы можем предложить версию, связанную с занятиями местных жителей скотоводством. Согласно «Описанию Владимирской губернии, сочиненному по обозрению оной в 1817 году»¹³ скотоводство в Вязниковском уезде «находится в довольно большом количестве и можно сказать достаточно, как для удобрения полей, так и для собственного продовольствия... Места, наводняемые в разливе, изобилыны покосами, так что крестьяне нужды в сене никогда не имеют, и оттого скотоводство у них в лучшем противу прочих жителей состояния. Особенных же настбищ при деревнях нет, а пасется скот по лесам, полям и лугам». ¹⁴ При таком выпасе, несомненно, наблюдалась естественная гибель скота. Таким образом, названия населенных пунктов Реброво, Костяево, Мериново, Гояжай связаны со скотоводством.¹⁵

¹ Первым упоминанием Южа в письменных источниках принято считать 1556/1557 г., когда в данной грамоте князей Василия Ивановича, Ивана и Петра Васильевичей, Фёдора и Ивана Ивановичей, Тимофея Фёдоровича и Петра Борисовича Пожарского архимандриту Сузdalского Спасо-Евфимиева монастыря Михаилу упоминаются селища и пустоны Южского рубежа (См.: Акты Сузdalского Спасо-Евфимиева монастыря 1506–1608 гг. М.; 1998. – С.217).

В приписи от февраля 1569 г. к духовной грамоте кн. М.И. Воротынского 1566 г. запечатаны жены князя Стефаниде «в Стародубе Ряполовском село Ряполово да селице Южа, что было за Григорием за Коромышевым в поместьи...» (См.: Архив русской истории. М.; 1992. Вып.2. – С.114).

Мы не можем согласиться с предположением Н.В. и Э.В. Фроловых, изложенным в комментарии к публикации церковно-приходской летописи церкви Смоленской иконы Божьей Матери в с. Южа (Иваново: 2005. – С.2) или в публикуемой ниже статье «Южа как поменничье владение в XVII–XIX веках», что село Селище Южской волости и есть собственно Южа, так как в писцовой книге 1628–1630 гг. «за Олексеем Офонасьевым сыном Мешковым Плещевским по государеве жалованной вотчинной грамоте за приписью дьяка Ондрея Вареева 129-го [1620/1621] году, что ему дано с помесеною сюю окладу со штитом четьи и старовою сюю помесью за цара Васильяю московское осадное сидение, что было преж того в помесье за князя Васильем да за князя Петром Буйносовыми Ростовскими сельцо Селище на реке на Луху» (РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.11320. Ч.2. Л.1251).

² См.: Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч.3. М.; 2000. С.628; Южская Карелия. Автор и составитель И.П. Антонов. Иваново, 2003. – С.25.

³ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.11320. Ч.2. Л.714 об. – 721 об.

⁴ Там же. Л.1230 об. – 1234 об.

⁵ Там же. Л.747–752 об.

⁶ Там же. Д.11323.

⁷ Там же. Л.23 об. – 25.

⁸ Там же. Л.59 – 60 об.

⁹ Там же. Л.147 – 148.

¹⁰ Там же. Д.11331.

¹¹ Там же. Л.51 об. – 57.

¹² Южская Карелия. – С.172.

¹³ ОПИ ГИМ. Ф.184. Ед. хр.24.

¹⁴ Там же. Л.147–148.

¹⁵ При анализе научным сотрудником ОПИ ГИМ М.М. Якушкиной статистических данных, приведенных в «Описании Владимирской губернии, сочинённом по обозрению оной в 1817 году», вырисовывается следующая картина. Из 516 упомянутых сёл и деревень Вязниковского уезда 470 имеют дворов меньше, чем Южа, 24 пункта по количеству дворов равны ей, 22 превышают её. При описании населённых пунктов их хозяйственная деятельность учитывалась по

двум параметрам – количеству рогатого скота и лошадей. Если по ним оценить занятия южских жителей, то из 516 населенных пунктов только в 14 количеству голов рогатого скота соответствует южскому, и лишь в семи больше. По поголовью лошадей с Южей количеством встречается в восьми случаях, а большее всего три раза. Причем при оценке поголовья рогатого скота и лошадей необходимо учитывать его соотношение с количеством дворов в конкретном населенном пункте. Примерно вычисленное стандартное соотношение параметров двор – рогатый скот – лошади соответствует 1 – 2 – 1, то есть на один двор приходится две коровы и одна лошадь. Сведения по некоторым населенным пунктам Южского района представлены в таблице:

Название нас. пункта	Число дворов	Рогатый скот	Лошади
Китаниово	33	87	41
Костяево	8	25	13
Большая Лампа	49	131	62
Лукино	40	100	42
Малая Лампа	7	20	9
Мугреево-Никольское	37	114	57
Мугреево-Спасское	56	105	52
Нифедово	21	84	40
Русиново	25	80	91
Сергеево	60	80	60

Раздел 4. НОВАЯ У НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

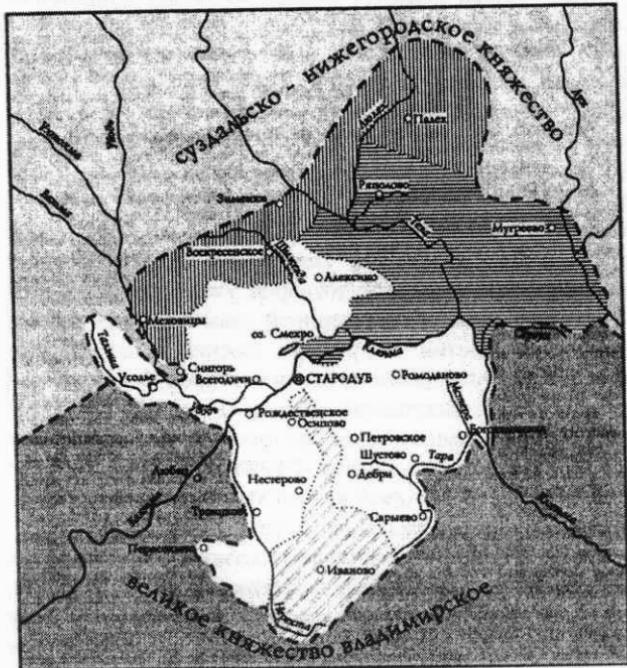

Н.В.Фролов,
Э.В.Фролова

Южа как помещичье владение в XVII–XIX веках.

Территория современного Южского района в Средние века была землями, входящими в родовой удел Стародубских князей Ряполовских и Пожарских, отпрысков великого князя Всеvolода Большое Гнездо. Однако ещё в XVI веке, до того как Южа стала именоваться селом, эти земли теряют связь с родом Стародубских.

Впервые Южа упоминается ещё в XVI столетии. Собственно самое первое на сегодняшний день известное документальное известие о Юже относится к 1556/1557 г., когда в данной грамоте князей Пожарских (Василия Ивановича, Ивана и Петра Васильевичей, Федора и Ивана Ивановичей, Тимофея Фёдоровича и Петра Борисовича) архимандриту Сузdalского Спасо-Евфимиева монастыря Михаилу на пустошь Клестовскую упоминается «Южской рубеж».¹ В середине XVI века «селище Южа» принадлежало Григорию Карамышеву.² Это не кто иной, как Григорий Яковлевич (Нечаев) Карамышев, сын Якова Нечая Ивановича Карамышева, потомок дворянского рода татарского происхождения, восходящего к началу XV века. В фев-

Стародубский удел в кон. XIV в.

рале 1536 г. Григорий Карамышев встречал польско-литовского посла, а 22 февраля присутствовал на торжественном обеде в Москве по случаю приёма посла великим князем. Вероятно, тогда же Карамышеву, чьи родовые вотчины находились на Волоке, было пожаловано поместье в Стародубе-Ряполовском, в котором и было «селище Южа». В 1550 г. Григорий Яковлевич Карамышев вошел в состав тысячников сыном боярским третьей статьи по Стародубу. Это был единственный стародубский помещик — не из прежних стародубских удельных князей. В середине 1550-х гг. Григорий Карамышев и его сын Фёдор служили по дворовому списку со стародубских поместий. По родословцам Фёдор Григорьевич Карамышев показан бездетным.³

После кончины Г.Я.Карамышева Южа, вероятно, была отписана на великого государя (царя Ивана Грозного), который передал её своему двоюродному брату князю Владимиру Андреевичу Старицкому. В разъезжей грамоте земель царя Ивана Грозного и князя Владимира Старицкого 1566/1567 г. упоминается «село Селище Южской волости».⁴ Возможно, Селище — это и есть собственно Южа, так как в грамоте князя Воротынского, о которой будет сказано ниже, упоминается «Селище Южа» и, вероятно, это надо понимать как «Селище, Южа тож».

Но царский брат владел Южей недолго. Вскоре от князя Старицкого это селение перешло к князьям Воротынским из старшей ветви черниговских Рюриковичей (потомкам св. Михаила Черниговского) — знаменитому воеводе середины XVI столетия князю Михаилу Ивановичу Воротынскому. В 1569 г. князь Михаил Воротынский завещал Южу в числе прочих вотчин своей жене Стефаниде. После того, как Воротынские попали в опалу во время борьбы Ивана IV Грозного со властью боярских родов, Южа, скорее всего, была вновь записана «на великого государя».

После Смуты начала XVII столетия к 1627–1629 гг. «село Никольское, Южа тож», было пожаловано Федору Фомичу Толмачеву.⁵ Второе название было дано по деревянной церкви св. Николая Чудотворца, уже существовавшей тогда в селе. Вероятно, первый по времени деревянный храм появился в Юже еще в последней четверти XVI столетия. К примеру, именно тогда впервые была построена церковь в государевой деревне из бывших стародубских вотчин Всегодичах (позже — село Большие Всегодичи). Фёдор Фомич Толмачёв — дворянин из старинного рода, в Сузdalском уезде ему принадлежал ряд вотчин вместе с братьями Захаром Фомичём и Андреем Фомичём. Ему наследовал племянник Захар Захарович Толмачев, который владел этими имениями (в т. ч. селами Овсяниковым и Спас-Юрцевым Сузdalского уезда) вплоть до 1678 г.

История перехода Южской земли к следующему хозяину неизвестна. К 1645 Южа значилась в вотчине Никифора Юрьевича Плещеева⁶ Н. Ю. Плещеев, по прозвищу Чермный, потомок старинного московского боярского рода, к тому времени уже четырёхтысячный десяток лет состоял на государевой службе. В 1643 г. он находился на воеводстве в Туле, в 1644 г. принимал участие во встрече датского королевича Вольдемара в Москве, в 1646 г. переписывал Ростовский уезд, а в 1647 г. во время похода молодого царя Алексея Михайловича в Николо-Угрешский монастырь и подмосковное село Покровское дневал и ночевал на

царском дворе. В 1648–1649 гг. Плещеев находился на воеводстве в Путивле. На этом сведения о нем кончается.⁷ Вероятно, вскоре после 1645 года он и скончался.

После смерти Никифора Плещеева южская вотчина перешла по наследству его дочери Евдокии Никифоровне Плещеевой (ум. 08.04.1695), вышедшей замуж за боярина и дворецкого князя Ивана Борисовича Репнина (ум. 05.06.1697), государственного деятеля в царствование пяти первых царей из династии Романовых – от Михаила Фёдоровича до Петра I, потомка князей Черниговских-Оболенских.⁸ К 1678 г. Южа (село Никольское тож) значилось во владении князя Ивана Борисовича Репнина.⁹

Его наследником стал известный полководец петровского времени фельдмаршал князь Аникита Иванович Репнин (1668–03.07.1726).¹⁰ Его увековечили не только историки в своих научных трудах, но и воспел А.С.Пушкин, упомянув князя в поэме «Полтава» среди ближайших сподвижников Петра Великого:

...За ним вслед неслысь толпой
Сии птенцы гнезда Петрова
В пременах жребия земного
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин...»

А.И.Репнин.

Это именно он – князь Аникита Иванович

Репнин, скончавшийся уже в царствование вдовы Петра I – Екатерины I, занимал при государыне одно из первых мест. Сам князь-фельдмаршал если и бывал в своем обширном южском имении, то редко и наездами, а ещё вероятнее, что и не побывал ни разу. Его власть осуществлял в поместье приказчик. В 1715 г. по так называемой ландратской переписи в вотчине князя А.И.Репнина в селе Юже, кроме Никольской церкви, имелся «двор прикащиковых», где обитал и сам приказчик – Михаил Семёнович Зиновьев.¹¹

После прославленного полководца Южу унаследовал его внук, ротмистр лейб-кирасирского полка князь Сергей Иванович Репнин. Князь С.И.Репнин (1718–1761) в 1749 г. был произведён подполковником Ингерманландского пехотного полка и дослужился до чина статского советника (1756). (Дворянские роды Российской империи. Т.1. СПб., 1993. С.184)

В 1751 г. С.И.Репнин продал южское имение генерал-поручику, действительному камергеру и кавалеру графу Карлу Ефимовичу Сиверсу. Сын капитана шведской службы Иоахима-Иоганна фон Сиверса, К. Е. Сиверс достиг при императрице Елизавете Петровне званий генерал-поручика и гофмаршала. Ещё в 1745 г. он был возведён шведским королем Фридрихом I в баронское достоинство, а в 1760 г. от императора «Священной Римской империи» Франца I получил графский титул.¹² Граф К.Е.Сиверс (умер в 1774 г.) владел Южей 10 лет или даже чуть мене.

Герб дворянского рода Опочининых.

генерал-майор Опочинин, который упоминается в «Истории России» С. М. Соловьёва, как усмирявший взбунтовавшихся крестьян заводчика Евдокима Демидова. Бунтовщики с оружием в руках противостояли регулярным войскам и до назначения Опочинина даже разбили два батальона полковника Олица, которого взяли в плен. Опочинин действовал решительно и захватил 674 «смутьяна». Из них зачинщики были сосланы в Сибирь.¹⁷

К 1763 г. за М. С. Опочининым в Юже с деревнями (Омелово, Нефедьево, Тарантаево, Реброво, Костяево, Русиново и Сойна) состояло 420 мужского пола душ (в самой Юже – 93 души). Опочинин имел большие поместья в Ярославской губернии. Если южскую вотчину наследовал его сын Иван, то ярославские имения Опочининых достались другому сыну Михаила Степановича надворному советнику Петру Михайловичу Опочинину. Сын последнего флигель-адъютант цесаревича Константина Павловича, а позже – действительный тайный советник и обер-гофмейстер Фёдор Петрович Опочинин (1779–1852) был женат на дочери фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова-Смоленского Дарье Михайловне и стал основателем «великосветской» ветви рода.¹⁸ 21 сентября 1764 г. Михаил Степанович скончался и был погребён в селе Каменка Мышкинского уезда.¹⁹

После смерти М. С. Опочинина Южа недолгое время принадлежала его сыну Ивану Михайловичу Опочинину, который, как и его отец, служил по артиллерии и достиг майорского чина. В 1767 г. майор артиллерии Иван Михайлович Опочинин, через три года после своего отца, скончался – видимо, ещё достаточно молодым человеком.

Его вдова Прасковья Петровна Опочинина, наверное, была ещё моложе. Вскоре она вторично вышла замуж за бывшего кавалергарда, капитана Василия Алексеевича Кашинцева, служившего потом уездным и губернским прокурором. П. П. Кашинцева умерла в 1772 г. (Её второй супруг был жив ещё и в 1782 г. По записям, хранящимся во Владимирском областном архиве, ему принадлежало село Иваново Судогодского уезда Владимирской губернии).²⁰

Однако южское поместье осталось принадлежать роду Опочининых –

у Ивана Михайловича Опочинина остался сын Николай. После кончины Опочининой (Кашинцевой) Южа перешла к внуку Михаила Степановича, в третьем поколении служившего по артиллерии, Николаю Ивановичу Опочинину. Однако и ему не был отпущен долгий век. Артиллерии подпоручик Н. И. Опочинин умер 25 февраля 1775 г., не дожив восемьи дней до своего 24-летия и был погребён в селе Очаково Московского уезда при входе в Троицкую церковь.²¹ Очаковское имение — село Очаково на речке Навексе, вошедшее ныне в черту города Москвы, приобрел еще Михаил Степанович Опочинин в 1757 г. Он же в 1757–1761 гг. выстроил в Очакове каменный храм в честь св. Димитрия Ростовского. Опочинины владели Очаковым до 1781 г., после чего село приобрел известный поэт второй половины XVIII века Михаил Матвеевич Херасков. В 1788 г. Очаково купила дочь Николая Ивановича Опочинина Екатерина. Ей село принадлежало до самой кончины в 1852 г., и она же все это время владела Южей. После разорения французами в 1812 г. в Очакове была устроена в 1813 г. новая церковь в честь св. Троицы вместо старой деревянной. Под храм отвели бывший усадебный одноэтажный дом. Троицкая церковь была окончательно сломана в 1967 г. Дмитриевская же — восстановлена и с 1992 г. вновь стала действующей.²²

Южская вотчина досталась в 1775 г. вдове Николая Ивановича Опочинина Татьяне Фёдоровне и их дочери Екатерине Николаевне Опочининой. В 1795 г. за ней в селе Никольское, Южа тож, числилось 118 мужского и 149 женского пола душ.²³ В том же 1795 г. на пожертвования прихожан, помещиц Татьяны Фёдоровны и Екатерины Николаевны Опочининых в Юже рядом со старой деревянной Никольской церковью была выстроена новая каменная в честь Смоленской иконы Божией Матери с приделом во имя св. Николая Чудотворца и каменной же колокольней. Новый храм был освящён по благословению епископа Владими尔斯ко-Сузdalского Виктора (Онисимова). Епископ Виктор (Онисимов), уроженец Новгородской епархии, в 1766–1770 гг. был настоятелем второклассного Вяжицкого Николаевского монастыря, в 1770–1775 гг. — настоятелем первоклассного Иверского Святоозерского монастыря, а в 1775–1782 гг. — настоятелем первоклассного Юрьевского Новгородского монастыря. 3 июня 1782 г. архимандрит Виктор был хиротонисан во епископа Олонецкого и Каргопольского, викария Новгородской епархии. 22 сентября 1783 г. владыку Виктора перевели на Владимирскую кафедру. С 1788 г. он возглавил объединенную Владимиро-Сузальскую епархию. В 1797 г. император Павел I наградил Преосвященного Виктора орденом св. Анны I ст., а 24 февраля 1800 г. тот же государь свёл владыку с кафедры и отправил его «на смиление» в Новгородский Юрьевский монастырь. Позже Преосвященный Виктор жил в Новгородском Хутынском монастыре до самой кончины 29 марта 1817 г. Впрочем, он не был лишен епископского сана и совершал в обители архиерейское богослужение, а также состоял в переписке со многими известными иерархами своего времени: митрополитом Новгородским Гавриилом (Петровым), митрополитом Московским Платоном (Левшиным), святителем Тихоном Задонским.²⁴ Известно, что Преосвященный Виктор лично посещал село Южу,²⁵ возможно, это случилось как раз при

освящении новопостроенного каменного Смоленского храма. Приход южского храма состоял в то время из 280 дворов, 629 мужского и 786 женского пола душ.²⁶

В 1811 г. село Южу с шестью деревнями (Омелово, Нефедьево, Тартаево, Реброво, Костяево и Русиново) Т.Ф. Опочинина отказалась в приданое дочери Екатерине Николаевне Опочининой, вышедшей замуж за Петра Петровича Нарышкина.²⁷

П.П. Нарышкин (20.05.1764–26.10.1825) принадлежал к старинному дворянскому роду. Его отец, тоже Пётр Петрович Нарышкин (1726–1782), служил в лейб-гвардии Измайловском полку и вышел в отставку гвардии майором. Он был женат на княжне Прасковье Васильевне Репниной (ум. 1793), дочери генерал-адъютанта и генерал-фельдцейхмейстера князя Василия Аникитича Репнина, внучке фельдмаршала Аникиты Ивановича Репнина и тетки фельдмаршала Николая Васильевича Репнина. Таким образом, Пётр Петрович Нарышкин приходился правнуком прежнему владельцу Южи князю А.И. Репнину. Родная сестра П.П. Репнина Наталья Петровна Нарышкина (1758–1825) была замужем за князем Степаном Борисовичем Куракиным, брак с которым оказался неудачным и окончился разводом.²⁸ Пётр Петрович Нарышкин в молодости, как когда-то и его отец, служил в лейб-гвардии Измайловском полку и к 1792 г. уже был гвардии капитаном.²⁹ Потом он был пожалован в действительные камергеры и в 1803 г. в чин тайного советника, а затем получил назначение сенатором в 5-й департамент Сената.³⁰ Он был намного старше своей супруги. На девице Опочининой Нарышкин женился вторым браком.

Подробные воспоминания о чете Нарышкиных оставил князь Иван Михайлович Долгоруков, поэт и мемуарист, занимавший пост владимирского губернатора в 1802–1812 гг. О Петре Петровиче Нарышкине он пишет так: «...Первое наше свидание было в манеже, в котором мы учились ездить верхом. Учителя наши были знакомы и нас между собой познакомили; с тех пор мы навсегда остались приятелями. Все случаи нашей жизни взаимно к тому способствовали. Он служил в гвардии и попал ко Двору. Я также служил в гвардии и вертелся у Двора. Это укоренило прязнь между нами; оба мы по времени разными путями попали в гражданскую службу; он жил всегда в Москве, и я по большей части также. В одно и то же время мы с ним поженились, я на Смирной, он на второй жене своей, Опочининой, овдовевши в первом браке. Родство его и мое было между собой в сватовстве, и мы почти те же дома посещали. Он родился в том же году, как и я, в 64-м; месяцем только позже меня; следовательно, все нас делали ровесниками и товарищами... Я долго жил в Пензе, но это не остыдило Нарышкина ко мне: он в то время, предавшись несчастной слабости, был выведен из обыкновенного своего положения и ни с кем не знался, кроме ханжей и пьяных попов, которые совсем, было, его погубили. В такой развертной жизни он всё своё имение расстроил, лишился важного состояния и, обратясь, так сказать, в тягость своему семейству, опамятовался, но поздно; ибо никогда не мог воротить своего имения и остался беден навеки. Живучи в доме тёщи своей, он содержался ею при помощи малого своего

жалованья, получаемого от Сената, где он числился, имея чин камергера, за обер-прокурорским столом. Несчастья сделали его благоразумным. Он перестал пить, обратился к трезвой жизни, но уже в общество попасть и стать на первую ногу он не мог. Все от него удалились, и ему самому дико было с первыми знакомствами большого света сблизиться. Я один остался у него из старых его приятелей и, постоянно его любя, никогда не разрывал с ним связи. Будучи в Володимере, вёл с ним дружескую переписку, он уже тогда был сенатор...

Из всех доказательств его дружеского расположения ко мне, какие я в памяти моей собрать могу, нет важнее испытанного мною во время моего вдовства. Я тогда тотчас по кончине жены моей привезен в нашу подмосковную, Никольское, и он, как скоро сведал, что я тут, один из всех моих родственников и знакомых прискакал меня навестить. Этой жертвы, этого посещения я вечно не забуду... Нарышкин и я, мы можем называться друзьями и будем, кажется, ими всю нашу жизнь».³²

С особенной теплотой и нежностью он пишет о юной Екатерине Николаевне, к которой долго питал прекрасные чувства: «Опочинина Катерина Николаевна. Ныне жена сенатора Нарышкина. Мать её, зажиточная и тщеславная женщина, старалась ей дать наилучшее модное воспитание, в чём и успела. Девушка хорошо говорила по-французски, знала музыку, пела приятно, танцевала с искусством и играла удачно разные роли на театре. Словом, эта девушка совершенно приготовлена была для света, а притом натура одарила и главными своими преимуществами: умом и пригожеством. Она зачала рано выезжать в публику, лет 15-ти, я стал её знать, и так как мать её охотно принимала к себе молодёжь фамильную, то и я старался быть въезж в дом её, в чём и успел...» От того же мемуариста мы узнаем, что ранний период семейной жизни Е.Н.Нарышкиной был труден и, как было сказано в вышеупомянутых воспоминаниях, когда её супруг опомнился, оказалось, что он растерял свой авторитет и служебное положение, и восстановиться уже не смог.

После кончины мужа в 1825-м году, Е. Н. Нарышкина осталась единоличной владелицей Южи. В 1834 г. за тайной советницей Екатериной Николаевной Нарышкиной в селе Никольское, Южа тож, значилось дворовых 7 мужского и 7 женского пола, а крестьян – 166 мужского и 193 женского пола души. Всего в Южской вотчине состояло 622 мужского и 747 женского пола душ.³³ Южа оставалась имением Е.Н.Нарышкиной до её кончины в 1852 г. Таким образом, семейству Опочининых (включая Нарышкину, урождённую Опочинину) Южа принадлежала 91 год – почти целое столетие.

После кончины Нарышкиной-Опочининой Южу унаследовал её сын поручик Николай Петрович Нарышкин. За ним в 1858 г. по Х ревизской переписи состояло в селе Юже дворовых 5 мужского и 4 женского пола, крестьян, соответственно, 154 мужского и 186 женского пола душ. Всего в Юже и семи соседних деревнях за Нарышкиным значилось 631 мужского и 755 женского пола душ.³⁴

В 1859 г. Южу у Нарышкина приобрел состоятельный вязниковский помещик Иван Александрович Протасьев (1802–1875). До этого в приданое за женой Марией Евлампиевной Кащинцевой (племянницей вязниковского

предводителя дворянства Александра Сергеевича Кашинцева и внучкой другого вязниковского предводителя Василия Петровича Нестерова) он получил обширные имения в Вязниковском уезде, в частности – село Преображенское в непосредственной близости от Южи.³⁵

Иван Александрович Протасьев родился 8 ноября 1802 г. в семье отставного поручика лейб-гвардии Преображенского полка Александра Ивановича Протасьева. Происхождение его матери Марии Владимировны пока остается неизвестным. Дед южского помещика Иван Фёдорович Протасьев служил при императрице Елизавете Петровне секунд-майором.³⁶ Сам Иван Александрович Протасьев начал службу подпрапорщиком в Бородинском пехотном полку 8 сентября 1818 г. Через год 18 сентября 1819 г. он был переведён юнкером в Дерптский конно-егерский полк, ещё через два месяца 25 ноября получил первый офицерский чин прапорщика. 23 января 1821 г. Протасьев вышел в отставку поручиком. В 1827–1829 гг. по выбору дворянства он занимал должность депутата Рязанского губернского дворянского собрания от Рыненбургского уезда. Затем после женитьбы на Кашинцевой Протасьев перебрался на жительство во Владимирскую губернию, в город Вязники. Осенью 1830 г. и с лета 1831 по лето 1832 гг. он состоял попечителем 1-й части г. Вязники «во время свирепствовавшей эпидемии холеры». Тогда же Иван Александрович председательствовал за уездного предводителя в местном холерном комитете. В 1836–1838, 1842 и 1857–1869 гг. Протасьев занимал пост вязниковского уездного предводителя дворянства. 7 июля 1857 г. «за отличие по службе» он был награждён орденом св. Станислава III ст., 27 января 1860 г. за выслугу лет по выборам получил орден св. Владимира IV ст., а 3 июля 1861 г. вновь за отличие по службе ему был пожалован орден св. Станислава II ст. Последней наградой Протасьева стала «Анна на шею» – орден св. Анны II ст. Им Протасьев был награждён 27 марта 1866 г.³⁷ С 1850 по 1855 гг. Иван Александрович состоял членом аристократического Английского клуба в Петербурге.³⁸

Помимо службы по выборам дворянства, И. А. Протасьев активно занимался хозяйственной и предпринимательской деятельностью. В 1840-е гг. вместе с рязанским помещиком А.И.Кошелевым занимался винными откупами. В частности, держал откупа в Зарайске и Егорьевске. В 1848 г. Кошелев передал И.А.Протасьеву вместе с А.И.Колеминым винные откупа по Коломне, Ряжске, Сапожке Рязанской губернии и по Спасску Тамбовской губернии. А.И.Кошелев писал об этом в своих записках: «*Освобождение моё от откупов произошло довольно неожиданно и оригинально. В феврале 1848 года я приехал в деревню – в с. Песочную, и меня посетили короткие приятели А.И.Колемин и И.А.Протасьев. Последний был моим товарищем по двум откупам (по Зарайску и Егорьевску). Держал я один ещё Коломну, Ряжск, Сапожок и Спасск Тамбовской губ. Вечером я высказал моим гостям сильное желание покончить с откупами и даже выяснил те условия, на которых я бы охотно их сдал. Условия мои были крайне выгодны для тех, кто пожелал бы снять содержимые мною откупа. И. А. Протасьев даже смеялся надо мною и сказал, что видно откупа мне крепко надоели и что я хочу их сдать во что*

бы то ни стало. Вскоре после того мы разошлись и отправились спать. Вставал я всегда рано. Еще до рассвета А. И. Колемин вошел ко мне в кабинет и сказал мне, что он всю ночь не спал и все думал о вчерашнем нашем разговоре. Тут мы еще много потолковали: к 9 часам к чаю пришел И. А. Протасьев и в течение дня всё было улажено и устроено. Затем последовали в марте и апреле фактические передачи откупов, и к 1 мая я был о них окончательно освобождён».³⁹

Получив, как выше уже отмечалось, в приданое за женой имение Преображенское, Иван Александрович в 1859 г. приобрёл у Нарышкиных и соседнее Южское имение. В Юже он осушил болото Юзга, превратив его в озеро Вазаль, а в 1860 г. на берегу этого озера выстроил трёхэтажный корпус бумагопрядильной фабрики на 16 тысяч веретён.⁴⁰ Даже после продажи Южской фабрики и всего Южского поместья в 1865 г. купцу А. Я. Балину, за Протасьевым оставалось 15400 десятин земли в Ковровском (деревни Кокошкино и Сенино) и Вязниковском (село Старое Татарово с деревнями) уездах Владимирской губернии и в Раненбургском уезде Рязанской губернии (село Михайловское, Чемоданово тож).

Иван Александрович не обошел своим вниманием и Свято-Смоленский храм в Старой Юже. По свидетельству сохранившейся храмовой летописи, он перестроил имевшуюся небольшую трапезную, значительно распространив ее, сломал старую небольшую колокольню и вместо нее по проекту архитектора Рейма поставил сохранившуюся до наших дней новую, высокую и стройную.⁴¹ Перестройка церковного здания была завершена в 1865 году, на все работы ушла по тем временам огромная сумма – 50 тыс. рублей серебром. Сохранилась клировая ведомость первоначальной каменной церкви за 1855 год, еще до позднейших перестроек: «Ведомость о церкви Смоленская Божия Матери, Вязниковской округи, что в Юже, за 1855-й год... Причта положено по штату издавна: священник один, диакон один, причтеников два; а по нормальному штату: священник один, причтеников два. Земли при сей церкви имеется: усадебной 3, пашенной и сенокосной 33 десятины, на которую плана и межевой книги не имеется, а обозначена она на общем плане с крестьянами, который хранится при церкви, дел о сей земле ни каких не производится, и сами священно-церковно-служители село землемо владеют, лесу и других угодий не имеется. Домы священно-церковно-служителей деревянные собственные, построены на церковной земле. На содержание священно-церковно-служителей постоянного оклада нет, а пользуются доходами от прихожан, содержание посредственное. Зданий, принадлежащих к сей церкви никаких нет. Ближайшие к сей церкви села: Большая и Малая Ламны расстоянием в 7-ми верстах».

Подробное архитектурное описание храма на этот период имеется в «Своде памятников архитектуры и монументального искусства»: «Первоначальные формы сильно перестроенного в духе эклектики и пострадавшего от разрушений храма относятся к стилю барокко. Необычность основному двусветному четверику с пятигранным пониженным и чуть суженным алтарем придает завершающий поздний ярус крупных килевидных закомар (по три с каждой стороны). Они образуют переход к широкому восьмерику с первоначально открытыми проёмами и гранёной куполообразной барочной кровлей, увенчанной

шаровидной главкой. Прямоугольная трапезная — более широкая, чем четверик и с закругленными восточными углами — коротким переходом (позднее обстроен) соединена с высокой четырехъярусной колокольней позднеклассического облика. Её два нижних четверика несут два восьмерика звона, прорезанных высокими, но довольно узкими арками и завершённых фигурной кровлей с круглыми люкарнами и маленькой главкой.

Первоначальный барочный декор фасадов (парные плоские пилястры по краям основных объёмов с выпущенными углами, антаблементы и карнизы с раскреповками) несколько искажён поздней штукатуркой, из-под которой кое-где видны остатки наличников с валиками и сандриками. Обрамления арочных окон выполнены в духе русского стиля — их составляют штукатурные архивольты или рамочные наличники с килевидным верхом. Разделяющий ярусы четверика многопрофильный карниз переходит на стены алтаря и трапезной, где он служит венчающим:

Основное помещение храма с восьмериком на двухступенчатых тромпах перекрыто восьмилотковым сводом; алтарь имел коробовый свод с гранёной конхой, переходящий в граненую конху с распалубками. Два тонких белокаменных столба трапезной и подпружные арки поддерживали деревянные перекрытия типа испарщенных сомкнутых сводов»⁴².

О роде Ивана Александровича Протасьева имеются следующие данные. От брака с Марией Евлампиевной Кащинцевой он имел 4-х сыновей и 4-х дочерей. Из их числа наиболее значительного положения достиг старший сын — действительный статский советник Александр Иванович Протасьев (05.03.1831–28.09.1888), окончивший школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, служивший чиновником особых поручений при рязанском и владимирском губернаторах, а потом — по выборам дворянства. Он был женат на дочери гвардии полковника графа Сергея Дмитриевича Толстого графине Софье Сергеевне Толстой. Внук И. А. Протасьева (от второго сына, выпускника Александровского лицея колледжского асессора Евлампия Ивановича Протасьева) колледжский асессор Иван Евлампиевич Протасьев в 1912–1917 гг. был последним вязниковским уездным предводителем дворянства.⁴³

В 1865 г. Протасьев, видимо, чувствуя приближение старости, продал Южскую фабрику вместе со всем имением, в числе которого было 8500 десятин леса, за 320500 руб. крупному шуйскому торговцу бумажной пряжей, миткалём и ситцами Асигкриту (читается как Асинкриту) Яковлевичу Балину. Скончался Иван Александрович Протасьев 11 января 1875 г. в возрасте 72-х лет и был погребен в Московском Донском монастыре.

На роде Протасьевых фактически заканчивается эпоха помещичьего землевладения на Южских землях. После отмены крепостного права старые формы земельной собственности видоизменяются, земли начинают переходить в самые разные частные руки. Особое значение приобретают земли промышленности и рабочих поселений. Владельцем самого южского поселения становится новый хозяин фабрики А. Я. Балин. Он рядом с прядильным корпусом в 1868 г. построил ткацкую фабрику на 108 механических станков. Дело А. Я. Балина продолжили его сыновья, из которых бессменным директором-

распорядителем фабрики являлся старший сын Николай Асигкристович Балин. При нем основной капитал фирмы возрос до 6 млн. руб. На Южской фабрике перед революцией 1917 г. имелось 131052 прядильных и 6800 крутильных веретен и 1800 механических ткацких станков. На предприятии трудились 5300 рабочих. Напротив села Южи (ставшего в связи с этим Старой Южей) на противоположном берегу озера Вазаль был построен большой фабричный поселок, так называемая Новая Южа с больницей, Народным домом, электростанцией и благоустроенным домами для рабочих и служащих фабрики.⁴⁴

По сути, семейство Балиных заложило всю современную инфраструктуру города Южи, который в советское время в период расцвета насчитывал более 23 тыс. населения. Еще в 1862 г. Южа стала центром одноименной Южской волости в составе Вязниковского уезда, которая по декрету ВЦИК от 24 мая 1926 г. перешла в Шуйский уезд Иваново-Вознесенской губернии.⁴⁵ В 1925 г. село и поселок были объединены и составили город Южу, который в 1929 г. вошёл в Ивановскую область и до сих пор находится в ее составе. Только лишь северо-восточное историческое ядро Южского поселения сохранило статус села с названием «Старая Южа», которое стало относиться к Нефедовскому сельсовету. Сегодня население Южи составляет около 16 тысяч жителей,⁴⁶ но их число неуклонно сокращается. Примерно столько же жителей в районе.

По результатам нашего описания может быть составлена следующая таблица периодизации поместичьего землевладения Южскими землями.

№ п/п	Период	Владельцы
1	до 1556/57 г.	князья Пожарские
2	ок. 1560	Г.Я.Карамышев, сын боярский
3	1567–1568	князья Старицкие
4	1569–1574 (?)	князья Воротынские
5	??? ???	
6	1628 – ок.1645	дворяне Толмачёвы
7	1645–1677	Никифор Юрьевич Плещеев и дочь Евдокия
8	1678–1751	князья Репнины
9	1751–1761	граф К.Е.Сиверс
10	1761–1852	дворяне Опочинины
11	1852–1858	Н.П.Нарышкин
12	1859–1865	И.А.Протасьев

- ¹ Акты Сузdalского Спасо-Евфимиевского монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. №94. – С.217.
- ² ГРАДА. Ф.1209. Поместный приказ. Столбцы по Москве. №32739. Ч.2. Л.254; Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XV – начале XVII вв.//Архив Русской истории. Вып.2. М., 1992. – С.114; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т.3. М., 2002. №86. – С.75.
- ³ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб., 2003. – С.206, 212; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. – С.63, 124.
- ⁴ Акты Сузdalского Спасо-Евфимиевского монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. №147. – С.290.
- ⁵ ГРАДА. Ф.1209. Оп.60. Д.11320.
- ⁶ Там же. Оп.61. Д.11324.
- ⁷ РБС. Т. «Плавильщиков-Примо». СПб., 1905. – С.111–112.
- ⁸ ГРАДА. Оп.60. Д.11331.
- ⁹ РБС. Т.: «Рейтерн-Рольцберг». СПб., 1913. – С.85.
- ¹⁰ Там же. – С.74–83.
- ¹¹ ГРАДА. Ф.350. Оп.1. Д.400. Л.360.
- ¹² РБС. Т.: «Сабанеев-Смыслов» СПб., 1904. – С.397.
- ¹³ ГАВО. Ф.301. Оп.5. Д.47. Л.687.
- ¹⁴ Центральный Государственный архив древних актов СССР. Т.2. М., 1992. – С.247.
- ¹⁵ Азбучный указатель имён русских деятелей, имеющих быть помещёнными в «Биографический словарь», издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом//Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т.62. СПб., 1888. Ч.2. – С.109.
- ¹⁶ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Т.2. М., 1963. – С.39–40; Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т.ХХ. СПб., 1897. – С.35.
- ¹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Собрание сочинений в 18 книгах. Кн. XII. М., 1993. С.98–99.
- ¹⁸ Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. – С.610.
- ¹⁹ Из воспоминаний Сергея Набокова // Опочининские чтения. Вып.3. Мытищи, 1993. – С.5; РПН. М., 1914. С.640.
- ²⁰ ГАВО. Ф.301. Оп.5. Д.165. Л.144–145.
- ²¹ РПН. М., 1914. С.640.
- ²² Паламарчук П. Сорок сороков. Т.4. М., 1995. – С.84–86,236–237.
- ²³ ГАВО. Ф.301. Оп.5. Д.108. Л.253–289, Д.198. Л.269.
- ²⁴ Фролов Н. В., Фролова Э. В. История архиереев Владимирских и Сузальских (рукопись, готовится к изданию).
- ²⁵ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. Владимир, 1898. С.413.
- ²⁶ ГАВО. Ф.556. Оп.111. Д.666. Л. 34 – 36об.
- ²⁷ Там же. Д.266. Л.19, Ф.556. Оп.107. Д.113. Л.679.
- ²⁸ Напцкин В. А. Записки/Империя после Петра, М., 1998. С.328; Русские портреты XVIII и XIX веков. Т.2. М., 2000. С.609–610; РБС. Т.: «Рейтерн-Рольцберг». СПб., 1913. – С.85–89.
- ²⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1792. СПб., 1792. – С.15.
- ³⁰ Азбучный указатель имён русских деятелей, имеющих быть помещёнными в «Биографический словарь», издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом//Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т.62. СПб., 1888. Ч.2. – С.55; Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. Т.2. СПб., 1895. – С.13; Месяцеслов. 1803. – С.51, 1804. – С.59, 1805. – С.82;

- 31 Долгоруков И. М. Капище моего сердца. Ковров, 1997. – С.54–57.
- 32 Там же. С.57–59.
- 33 ГАВО. Ф.301.Оп.5. Д.437. Л.922.
- 34 Там же. Д.736 (не пронумеровано).
- 35 Фролов Н. В. Предводители дворянства Вязниковского уезда. Владимир, 1997. С.31–33.
- 36 Черняевский М. Генеалогия дворян Тверской губернии. Л.155об., №962 (экземпляр библиотеки РГГУ).
- 37 Фролов Н. В. Владимирский родословец. Ковров, 1996. – С.68; Фролов Н. В. Предводители дворянства Вязниковского уезда. Владимир, 1997. – С.31–34.
- 38 Завьялова Л. В. Петербургский Английский клуб. 1770-1918. СПб., 2005. – С.178.
- 39 Кошелев А. И. Записки. М., 1991. – С.83.
- 40 Ивановская область. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ч.3. М., 2000. – С.628–631.
- 41 Церковно-приходская летопись Владимирской епархии села Южи Смоленской церкви. Л. 6 об. – 7 рукописи, хранящейся в архиве Администрации Южского муниципального района.
- 42 Ивановская область. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ч.3. М., 2000. – С.642–643.
- 43 Фролов Н. В. Предводители дворянства Вязниковского уезда. Владимир, 1997. – С.32–33.
- 44 1000 лет русского предпринимательства. М., 1995. С.362–366.
- 45 Административно-территориальное деление Владимирской области. Справочник. Ярославль, 1983. – С.25–26, 80.
- 46 Города России. Энциклопедия. М., 1994. – С.530.

Составитель
Е.В.Сметанин

Владимирское крестьянство и Владимирская деревня XIII века в работах Л.В.Милова. (Выборка и обобщение по Владимирской губернии)

Фундаментальная монография Л.В.Милова «*Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*» вышла в 2001 году в издательстве РОССПЭН. За эту книгу автор был удостоен Государственной премии Российской Федерации за 2000 год. Это выдающийся источник информации обо всех подробностях, деталях, особенностях жизни русского крестьянства, сформировавшихся в течение целых веков.

За исходную точку взят XVIII век – время, когда подверглись тотальной модернизации все стороны жизни русского общества, в том числе и деревня. В связи с реформами Петра I о модернизации России много писалось, но меньше всего говорили о том, толчок каким переменам в русской деревне дала петровская эпоха. А толчок этот был существенный.

Крестьянству и крестьянскому хозяйству Владимирской губернии в книге уделено достаточно внимания, причём приводится такая информация, которая не утратила своей практической значимости и актуальности для тех,

кто и сегодня хочет заниматься крестьянским трудом на территории нынешних Владимирской и Ивановской областей.

1. О культуре земледелия.

В начале своей монографии автор подчеркивает, что в XVIII веке стали исчезать единообразные приёмы земледелия, существовавшие ранее в течение многих веков. Это вызвано тем, что крестьяне получали всегда урожай, несопоставимо меньший с затратами труда на него и к любым новшествам относились очень осторожно. До XVIII века можно встретить неукоснительное следование традициям, но с того времени новшества всё-таки начали пробивать себе дорогу.

Страшным злом, довлевшим над великорусским крестьянством, было низкое качество пахотной земли, особенно севернее Ярославской и Костромской губерний. Но даже и в этих регионах можно видеть существенные различия в плодородии между уездами и губерниями. В одних уездах земля – чуть лучше, в других – чуть хуже. Соответственно и агротехнические различия были необходимы.

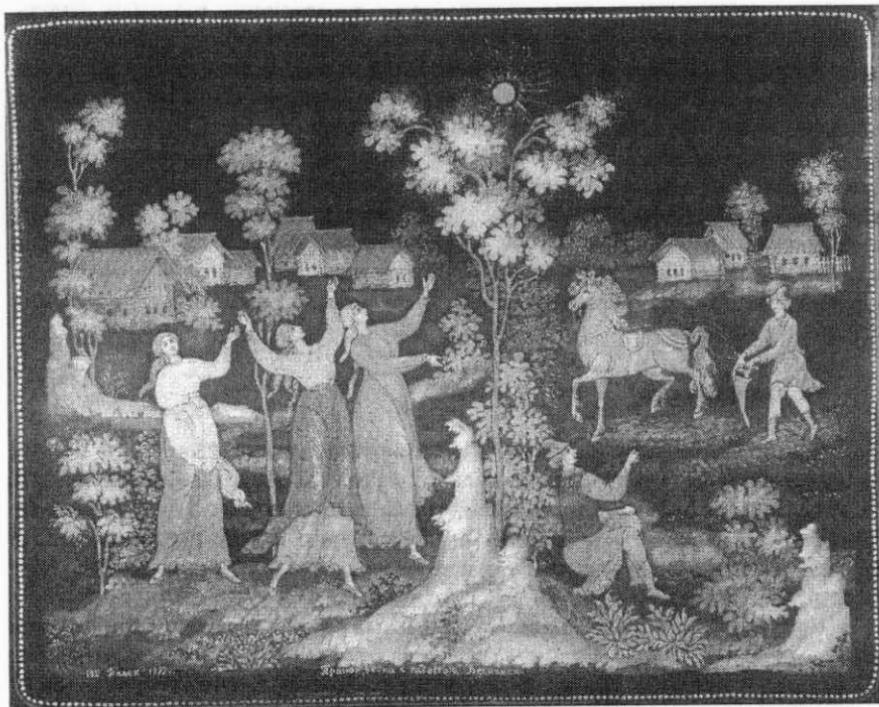
Основной системой земледелия на начало XVIII века было трёхполье – итог многовекового развития земледелия. Озимая и яровая рожь составляла более 50% возделываемых культур и очень широко использовалась крестьянами для нужд своего хозяйства. Яровой овёс лидировал среди яровых культур, а на русском севере был популярен скороспелый ячмень.¹

На северных территориях Владимирской земли заметную роль играла яровая пшеница-ледянка, бывшая скороспелой. Пшеница занимала до 27% в поместочных хозяйствах Владимирского ополья.² В Меленковском, Ковровском, Юрьев-Польском, Переяславском, Александровском уездах преобладали посевы ржи, овса, гороха; в Городце и Муромском – к ним добавлялась гречиха; в Сузdalском, Киржачском, Покровском – ячмень. Преобладающими посевами в Вязниковском и Шуйском уездах были рожь, овёс, ячмень, гречиха.³ Последняя культура вообще играла большую роль во всём Владимиро-Сузdalском ополье.

В бескрайних лесах между Клязьмой и Окой продолжала существовать и подсечно-огневая система земледелия, потому что песчаные почвы были очень неплодородными. Золу, а также болотный и речной ил широко применяли в качестве удобрений. С развитием рыночных отношений владимирское крестьянство стало охотно выращивать лён, потому что он хорошо рос даже на бедных, неплодородных почвах.

XVIII век был временем модернизации трёхполья, которое постепенно превращалось в многопольный севооборот. Происходили эти процессы и во Владимирской губернии, например, в Переяславль-Залесском уезде, большие пространства стали отводить под посевы репы.

2. Как пахал, чем обрабатывал землю Владимирский крестьянин.

Радехская шкатулка "Весна". Богачёва Н.Р.

В силу агротехнических особенностей единого пахотного орудия в России не было. Нам известны: соха; плуг; косуля (которую очень часто путают с сохой); рало, имевшее от одного до шести зубов.

Во Владимирской губернии применялись и плуг, и соха, и косуля. Причём косуля – орудие по своим возможностям близкое к плугу, а соха – средство очень неглубокой вспашки. Соха себя оправдывала на песчаных, очень неплодородных почвах. Примерно с 40-х годов XVIII века косуля с металлическими лемехами стала основным пахотным орудием у крестьян Ковровского и Вязниковского уездов Владимирской губернии.⁴

Косуля – универсальное пахотное орудие, созданное на базе сохи. Оно отличалось от плуга тем, что только взрыхляло, но не поднимало плодородный пласт, сохраняя его от размыва, но достигая глубины вспашки до 20 см. Для неё применялась двойная конная тяга.

В северных уездах губернии (не южнее Владимира) применялся деревянный плуг, но достаточно ограниченно, ввиду его дороговизны. Огромные 5–6-зубые рала, широко применявшиеся в Чернозёмной зоне, на Владимирской земле не использовались. Бороны применялись такие же, как и во всей Центральной России.

В XVIII веке наблюдалось такое явление, засвидетельствованное многими

авторами: стало иссякать плодородие многих традиционно пахотных земель. С этой болезнью боролись путем многократного интенсивного унавоживания почв. В России XVIII века нехватка навоза ощущалась во всех губерниях, навоз приходилось экономить. Точно также было и во Владимирской губернии, куда большое количество навоза вывозилось из Москвы.⁵

Для улучшения состояния почвы также применялась неоднократная пахота. Во всех уездах Владимирской губернии, где были песчаные почвы, применялось двойное или тройное вспахивание. Вспахивание обязательно предварялось интенсивным разбрасыванием навоза. Если пахали два или три раза, столько же раз вносили и навоз. Точно по такому же принципу проводилось боронование.⁶ Таким образом, перед нами своеобразная интенсификация сельского хозяйства.

3. Что и как сеяли на полях России?

В отличие от Европы, с её ранней широкой специализацией, в России во всех губерниях сеяли разные культуры (только зерновых высаживалось до 30 сортов). Это было связано с тем, что на разных почвах лучше созревают разные сорта. Почвы были настолько разными, что можно встретить уезды, расположенные рядом, а сеялись в них совершенно различные культуры, с разной агротехникой.

Во Владимирской губернии по данным 1784 года яровые сеяли с конца апреля, а озимые – с половины августа до середины сентября. Озимые созревали за 11 месяцев, яровые – через 5. В Переяславль-Залесском рожь созревала за 10 месяцев, на два месяца раньше созревали яровые пшеница, овес, просо, горох, чечевица, ячмень, гречка.⁷ Точно также для каждого уезда были свои нормы высеива зерна на квадратную единицу площади. Нормы высеева зависели от характера почв и разнились даже в рамках одного уезда. Также различались глубина посева, способ запашки семян.

4. Жатва и хранение зерна. Лён.

Как известно, древнейшим орудием уборки был серп, и только Пётр I издал указ об использовании кос. Но процесс шел медленно, и еще в 60-х годах XVIII века серпы и косы во Владимирской губернии использовались одновременно. Здесь это время косами косили гречиху, чечевицу, горох.⁸ Скирды, овины, гумно имели классическую конструкцию, которая ничем не отличалась от тех, что применялись в соседних губерниях.

Товарное производство очень сильно влияло на сельское хозяйство. В России XVIII века это выражалось, прежде всего, в развитии льноводства. На рынке лён был дорог и окупал все затраты на его выращивание. Лён сеяли в мае, всходы хорошо пропалывали, после уборки вязали в споны, высушивали на солнце и делали копны, которые свозили на гумно. Семена вымачивали после сушки спонов в овинах. После этого его расстилали на лугах под дождик, где он лежал 5–6 недель, а потом снова высушивали на овине, потом мали и трёплами

трепали, связывая в десятки. Обычно лён лежал до сентября и досушивали его в избах и банях. С периода 50–60-х годов XVIII века посевы льна очень быстро расширялись ввиду огромного спроса растущей промышленности.

5. Какие урожаи были в губернии?

В 80-х годах XVIII века во Владимирской губернии общая урожайность зерновых – в Сузdalском, Покровском, Переяславском, Юрьев-Польском, Ковровском, Меленковском, Городецком, Муромском, Александровском, Шуйском, Вязниковском, Судогодском уездах, – в урожайные годы была «сам-4», «сам-5», а иногда и больше. В малоурожайные годы – «сам-2».⁹ А таких годов было немало. К примеру, в Переяславль-Залесской земле в 60-е годы XVIII века из каждого трех лет два были неурожайными. В целом (хотя данные неполные, только по отдельным годам) среднюю урожайность в губернии можно выразить в цифрах «сам-2,7» – «сам-4,6».

6. Каким трудом добывался хлеб?

Трудоёмкость выращивания хлеба в губернии также зависела от характера почвы. В опольях Владимира и Суздаля трудозатраты были меньше. От характера почвы зависела и применяемая технология. При вспашке косулей трудозатраты был меньше, чем при вспашке сохой, хотя косуля весила два пуда и предполагала тягловую силу двух лошадей. Самые тяжёлые почвы вспахивали первый раз плугом, и только потом запускали косулю. Боронили точно так же, как и в других губерниях – лёгкими деревянными боронами, что было не всегда выгодно и удобно. Для удобрения полей во Владимирской губернии использовался навоз.

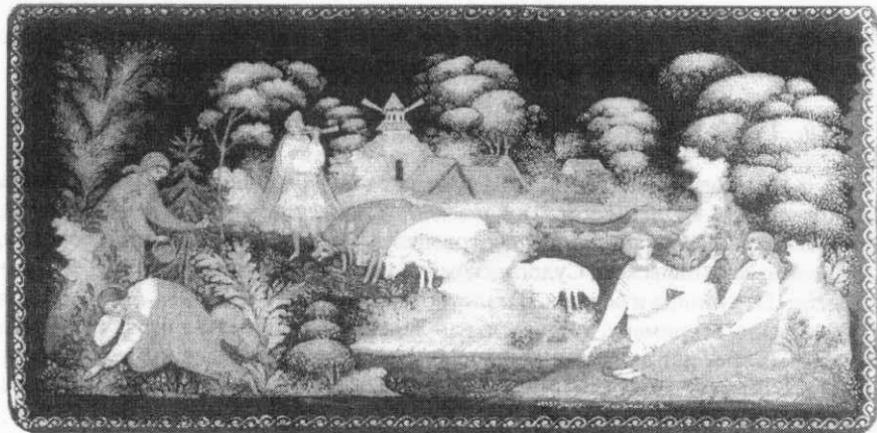
Весенние пахотные и посевые работы шли без перерыва с 22 апреля по 10 июня. Из 45 рабочих дней на себя работали 21 день, на барина – 24. Работа в поле оплачивалась в разных уездах по-разному, но монастыри всегда платили больше.

Период жатвы был самым интенсивным этапом сельхозработ. В XIX веке интенсивность труда при жатве повысилась ещё более, но была ниже чем в Московской губернии.¹⁰ Трудозатраты на молотьбу были одинаковыми с Подмосковьем.

В целом, физические нагрузки на крестьянина были огромными, сельхозработы требовали от него предельного напряжения сил.

7. Особенности скотоводства.

Необходимым и главнейшим условием скотоводства является наличие достаточной кормовой базы и, значит, сенокосных угодий. Владимирская губерния имела сенокосов по количеству много меньше нормы. Помещицы и дворцовые крестьяне в XVIII веке имели от 1 до 3 лошадей, одну корову, 2–5 овец, 2–3 свиньи. У бывших монастырских (т.н. экономических) крестьян было

Галекская шкатулка "Сельский пейзаж". Капранова В.К.

по 2–4 лошади, 3–5 коров, 5–10 овец, 3–5 свиней, 1–2 козы. Наиболее развитым скотоводство было в Переяславль-Залесском уезде, где государственные и монастырские крестьяне имели по 5 и более голов скота каждого вида. На землях Владимирского и Сузdalского ополья уровень скотоводства также был выше, чем в среднем по губернии.¹¹

Нормы выдачи кормов и соломы разнились в каждом из уездов. В целом в губернии было много уездов, преимущественно покрытых лесом, а при недостатке покосов разведение крупного рогатого скота становится затруднительным. Поэтому многие уезды были районами преимущественного овцеводства, так как оно экономически наиболее эффективно для лесных районов. Однако это было овцеводство, в основном, для личного потребления, потому что позволяло крестьянам сосредотачивать усилия на производстве другой товарной продукции. Но с появлением в крае текстильной промышленности крестьяне постепенно начали продавать и шерсть.¹²

8. Огородничество и садоводство.

Огородничество и садоводство – это очень важные отрасли крестьянского хозяйства. Отличительной особенностью Владимирской губернии было то, что этим занимались не только крестьяне, но и жители маленьких городов. Например, известно, что в Ростове Великом большинство горожан разводили сады и огороды ещё в начале XVIII века. Так что корни такого явления находятся в очень глубоком прошлом.

Во второй половине XVIII века овощеводство становится высокоеффективным городским занятием с высокой степенью интенсификации труда. Почти повсеместно мещане и крестьяне выращивали морковь, свёклу, репу, огурцы, «серую» (листовую) капусту, иногда – белокочанную. В XVIII веке усилиями, в основном, помещиков стали распространяться лук, чеснок, горох,

фасоль, брюква, кольраби и другие сорта капусты, пряности. Овощи проходили хорошую сортировку и обработку, как во время сбора урожая, так и перед закладкой на хранение. Перед посадкой семян тщательно готовили почву. Кроме того, в губернии разводили редьку, тыкву, бобы. На продажу выращивали лук, чеснок, капусту, морковь, свёклу, огурцы. Особенно много овощей выращивали по рекам Клязьма и Ока. Овощами торговали в уездах на местных рынках, а, например, городок Лух в производстве лука и чеснока соперничал с такими общероссийскими центрами, как Боровск и Верея. Если Ростов Великий славился чесноком, Дмитров – огурцами и капустой, то приокский Муром специализировался на огурцах. Его жители на своих огородах выращивали несколько десятков сортов этого растения!¹³ В связи с огородничеством в книге В. Милова больше материала по Подмосковью, Калужской, Тульской и Ярославской губерниям, по Владимирской данных меньше. Поэтому о том, в каких уездах что выращивали, необходимы исследования местных краеведов.

XVIII век был временем, когда в России распространились новые, ранее неведомые здесь сорта овощей. Прежде всего, это цветная капуста самых разных сортов. Сначала её сажали в поместьческих огородах как редкость, но скоро к ней приобщились и крестьяне. Широко распространилась тыква. Со второй половины XVIII века в России широко распространились кольраби, савойская капуста, баклажаны, петрушка, пастернак, сельдерей, сахарная свёкла, шпинат, спаржа и др. В.Милов отмечает, что всё это выращивалось также и во Владимирской губернии, но без выделения отдельных уездов.

Автор указывает, что на всей территории от Владимира до Нижнего Новгорода были очень хорошие сады. В Вязниках население занималось разведением вишневых и яблоневых садов, которых в городе и его окрестностях было великое множество.¹⁴ Все жители из выращиваемых вишни, яблок, крыжовника и смородины выделявали с большим мастерством фруктовую пастилу и отправляли её на продажу в Москву, Санкт-Петербург и многие другие места. Автор подчёркивает, что садоводство не было развито повсеместно в России, например, его не было в Костромской губернии.

На выращивании вишни специализировались многие города Владимирской губернии, особенно в самом Владимире и в Суздале. Ягоды и сок отправлялись в Москву в очень больших количествах. Высаживали 4 основных сорта вишни, причем «vasильевка» была разновидностью черешни. Средний урожай был 5 пудов с каждой сотни кустов.¹⁵ У знати в оранжереях выращивались тропические фрукты – ананасы, лимоны, персики, южные сорта яблок и груши. Таким же образом выращивалось много дынь и арбузов.

9. Изба и подворье.

Сейчас нам трудно себе представить, как традиционно выглядели крестьянские дома на Руси. Дело в том, что за XIX и, особенно, за XX века крестьянские жилища изменились очень серьезно, а в XVIII веке ещё сохранялось то, что родилось и развивалось на протяжении веков. Например, для 80-х гг. XVIII века во Владимирской губернии были характерны очень

высокие подполья (нижний этаж служил кладовой). В избе была одна комната, редко – две. Обязательны были дощатые сени, около них – холодная горница (клеть). В XIX веке все это именовалось связью и располагалось под единой крышей. Кирпичная или глиняная печь располагалась справа от входа. Избы крылись тесом или дранкой. На крышах хозяйственных построек был слой земли. Очень много пишут о соломенных крышах, но не пишут о том, что под соломой всегда находилось прочное берестяное покрытие.¹⁶ XVIII век – это время распространения потолков и топки «по-белому», т.е. с печной трубой.

В отношении конструкции изб в лесостепной зоне деревянные избы срубной конструкции были очень дороги. Однако в лесной зоне Центрального Нечерноземья, где лес был очень дешевым, такие избы были широко распространены. Для каждой губернии конструкция избы имела свои особенности. Во Владимирской губернии избы «выходили на улицу» двумя-тремя «красными» окнами (напоминавшими современную конструкцию), а в других стенах были т.н. «волоковые» окна происхождением из седой древности.

Внутренне убранство изб во Владимирской губернии отличалось тем, что лавки и полки в избах были богато украшены деревянными резными фигурками, хорошо украшена была глиняная и деревянная посуда, резьбой украшалось крыльцо (что было далеко не во всех губерниях Российской империи).

В 1723 году (7 августа) был опубликован указ Петра I о перестройке деревень по планам. В нем предписывалось всем деревням иметь уличную планировку. Реализация указа велась в течение всего XVIII века, но так и не доведена до конца, потому что конкретные природно-климатические условия каждой деревни не всегда позволяли это сделать. Тем не менее, очень многие деревни с тех пор были застроены улицами, и в свидетельствах посещавших Россию иностранцев это отмечается.

Строительный материал для владимирских крестьян всегда был дерево, каменные дома появились лишь на рубеже XIX–XX веков, и строились они на средства от промысловской деятельности.

10. Одежда наших предков.

По свидетельству многих и многих авторов, крестьяне носили обычновенные кафтаны серого и чёрного сукна (некрашенного, домотканного). У зажиточных крестьян была праздничная одежда синего сукна. Летом была распространена белая одежда. Иногда встречались кожаные кафтаны. Одежда из тонкого сукна любого цвета носилась и летом.

Под кафтан носили холщовую туникообразную рубаху навыпуск. Она была без воротника, с разрезом по левой стороне груди. Излюбленные цвета – кумачовый, красный, а также все оттенки синего, белый, широкие рукава с отделкой узорной тесьмой или позументом, застежка всегда – на металлическую пуговицу. Штаны в Центральной России (в отличие от южных губерний) носили неширокие. Ещё летом носили балахоны – кафтаны или полукафтаны из лёгкой ткани.¹⁷ Рабочей обувью были лапти, но они были очень недолговечны. Рабочему мужику в год требовалось 50–60 пар лаптей (т.е. в среднем, одна пара

на неделю). Лапти применялись в целях экономии денег, ввиду дороговизны кожаной обуви. Крестьяне посостоятельней носили сапоги или полусапоги, которых было несколько видов. Во Владимирской губернии сапоги могли позволить себе иметь крестьяне, занимавшиеся текстильным промыслом. В соседних губерниях сапоги носили крестьяне, жившие по Волге и её притокам и работавшие на водном транспорте. Во всех источниках отмечаются подковы или металлические скобы на подошвах.

Зимней одеждой были овчинные шубы или тулуны, но они были непрочны (изнашивались за 3 года). Поэтому в каждой семье имелась высококачественная длинная шуба для общего употребления (иногда их было по две-три). Такие шубы применялись для деловых поездок или извоза.

Иностранный источник, как цитируется В. Миловым, описывает крестьянский головной убор: «Шапки зимой, часто и летом, высокие, суконные или плисовые синие, коричневые с окольшем узенъким, овчинным или другого меха; летом – круглые, валяные, с высокой тульей, расширяющейся кверху, чёрные, увязанные лентами». Шапки во Владимирской губернии носили из того же сукна, что и кафтаны, или же другого цвета, высокие, сверху – четырёхугольная площадка с небольшими рожками, внизу опущенная чёрной овчиной. Зажиточные крестьяне губернии на праздничные дни уивали шляпу с высокой тульей разноцветными лентами.

Вся одежда всегда была шита в семье, покупными были только шляпа, рукавицы, кушак, сапоги.¹⁸

Женская одежда – классическая русская, только очень красиво украшенная. Для Владимирской губернии характерны кокошники, отмеченные всеми очевидцами. Они выделялись размерами и богато украшенными узорами. Кокошники были разнообразной конфигурации. Девушки носили повязки из разноцветных лент. Женская обувь была разнообразнее и изящнее, чем мужская, но по конструкции – схожая.

Как зажиточные, так и бедные крестьяне носили одежду одного вида и фасона, отличались только качество выделки и дороговизна украшений.

11. Крестьянская пища.

Основу крестьянской пищи составлял ржаной хлеб, который пекли раз в неделю. На юге России пекли хлеб пшеничный, на Севере – ячменный. Ещё очень были популярны блины и оладьи из разной муки.

Хлеб употреблялся с щами из рубленой кислой капусты с конопляным маслом или сметаной. В разных местностях в щи добавляли сало, рыбу, огурцы, крупы, а также, в зависимости от достатка, – ветчину и мясо, лук, чеснок, сухари и т.п. – по вкусу. Сало со сметаной в щи, да сливочное масло в кашу – таковы были отличия в питании в семьях зажиточных крестьян. Мясо крестьяне позволяли себе вкушать на праздники, да на пирах при угождении гостей. В будние дни мяса не ели, если только иногда зимой. На севере и в Сибири, в местах охотничьих промыслов, мясо ели намного чаще.¹⁹

Для приготовления пищи широко применялся «красный» и «белый»

квасы. Им же квасили овощи. Из квашеных овощей варили похлёбки. Видов похлёбок было очень много, комбинации овощей в них – самые разные. Также заготавливали траву лебеды, ботву свёклы, моркови, редьки и многие-многие съедобные травы. Очень много ели грибов, особенно в постные дни. Гречки выращивали мало, в ходу были гороховая, овсяная и т.п. каши. С давних времён популярной оставалась репа. На базарах всегда продавалась речная рыба.

Третьими блюдами на Руси традиционно были кисели и взвары (компоты). В ход для их приготовления шли черника, малина, слива, яблоки. Черносмородиновый сок и малиновый уксус были лечебными средствами. Кисели делали из бруслики и рябины, из них же делали лечебные отвары. Широкое распространение имел клюквенный кисель. Кисели также делали из овсяной крупы, а иногда из ржаных отрубей на молоке. От простуд употребляли гречневую муку, замешанную на простокваше. В жару ценились такие охлаждённые в погребе напитки, как молочная сыворотка и квас. Во многих местах для изготовления кваса применялась репа.

Приведем для примера меню праздничного крестьянского стола. На первое блюдо – мясные щи, затем – жареное мясо с овощами, яичница и к третьему – разнообразнейшие пироги с начинками на любой вкус, от грибов и рыбы до яблок и смородины. Многие источники отмечают алчность крестьян до мяса и объясняют её тем, что в будние дни крестьяне его практически не видели.

Миф о пьянстве как постоянной черте русского народа не подтверждается исследованиями. Из тонизирующих напитков очень распространенным было пиво. Пиво употребляли редко, в самых торжественных случаях: в дни престольных церковных праздников, по окончании церковной службы. Пили также и покупали водку. Пьянство же как заметное явление среди крестьянства упоминается только с екатерининских времён, но тогда оно не было массовым, как это мы видим, начиная с советского времени.

¹ В. Милов. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 2001. – С. 38–41.

² Там же. – С. 42–45.

³ Там же. – С. 48–49.

⁴ Там же. – С. 83–85.

⁵ Там же. – С. 95.

⁶ Там же. – С. 108.

⁷ Там же. – С. 119.

⁸ Там же. – С. 143.

⁹ Там же. – С. 176.

¹⁰ Там же. – С. 201–202.

¹¹ Там же. – С. 221–223.

¹² Там же. – С. 256.

¹³ Там же. – С. 260–271.

¹⁴ Там же. – С. 279.

¹⁵ Там же. – С. 281.

¹⁶ Там же. – С. 300–305.

¹⁷ Там же. – С. 326–327.

¹⁸ Там же. – С. 37.

¹⁹ Там же. – С. 363.

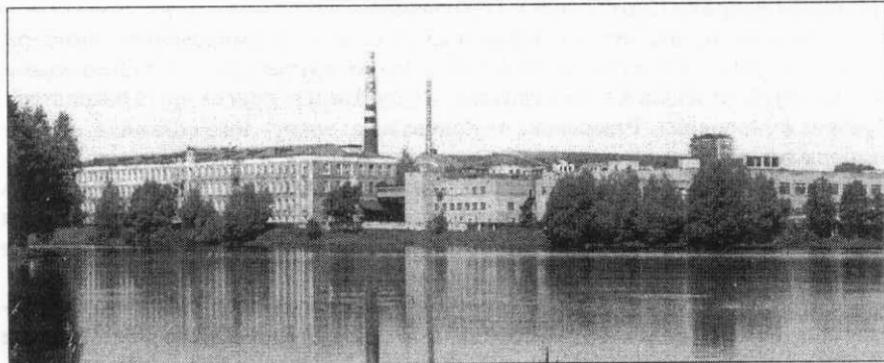
К.Е.Балдин

Феномен фабричного посёлка в дореволюционной России

(на примере Южи)

Во второй половине XIX в условиях завершившегося промышленного переворота в России сложились три основных типа промышленных поселений. Первый тип – индустриальный город, к нему относились такие промышленные мегаполисы как Петербург и Москва, а также города меньших размеров – Нижний Новгород, Харьков, Лодзь, Иваново-Вознесенск, Ярославль. Второй тип – фабрично-заводской посёлок, это были не городские поселения, в которых бурно развивалась промышленность и существовали крупные или средние предприятия. Третий тип – кустарное село, к нему относились в Ивановском крае, скажем, Палех и Холуй, где было развито иконописное производство, Парское (ныне – Родниковский район), где существовало производство гребней или Пустошь, известное своим овчинно-шубным ремеслом.

Фабрично-заводские посёлки были сравнительно нередким в России явлением. Одним из районов, где они получили распространение, являлся Урал. Здесь находились горнозаводские поселения, в каждом из которых обычно располагался металлургический завод. Примерами таких населенных пунктов являлись Нижний Тагил, Алапаевск, Надеждинск и др. Другой район, в котором находились такие посёлки – Донбасс, здесь они возникли также на базе металлургических предприятий или угольных шахт. Третий район – это правобережная Украина (Киевская, Подольская и Волынская губернии), здесь

Корпуса южской фабрики на берегу о. Базаль. (фото из архива В. Клокова).

фабричные посёлки сформировались вокруг крупных сахарных предприятий, которые обрабатывали так называемую свекловицу (сахарную свёклу) и превращали её в конечный продукт – сахар. Типичным примером такого поселения была Смела, где находилось крупное предприятие этой отрасли. Наконец, четвёртым обширным регионом размещения фабричных посёлков стал во второй половине XIX в. Центральный промышленный район. Он охватывал Московскую губернию и несколько соседних с ней, в частности – Владимирскую, Костромскую, Ярославскую, Нижегородскую, Тверскую и др. Здесь подавляющее большинство таких поселений обязаны своим появлением крупным текстильным предприятиям.

Особенно большое распространение этот тип населённого пункта получил в текстильном крае, который уже в то время стали именовать Иваново-Вознесенским промышленным районом. Он охватывал южные индустриальные уезды Костромской губернии (Кинешемский, Юрьевецкий, Нерехтский) и северные промышленные уезды Владимирской губернии (Шуйский, Ковровский, Вязниковский).

Фабричные посёлки по своему административному статусу являлись всего лишь сёлами, а иногда даже деревнями. Именно такой официальный статус имели Южа, Тейково, Родники, Середа, Наволоки, Кохма, Яковлевское, Дуляпино, Новые Горки, Колобово и другие населённые пункты Ивановского края. Между тем, по численности населения они существенно превосходили иные города. В частности, такие старинные города края как Лух или Плёс были значительно меньше Южи по количеству жителей. В связи с этим неслучайно, что вскоре после революции был изменен административный статус фабричных сёл (посёлков). В 1918 г. стали городами Середа, Тейково и Родники, в 1925 г. – Вичуга, Южа и Кохма, в 1938 г. – Приволжск и Наволоки.

Обычно вся деловая, социальная и культурная жизнь такого посёлка вращалась вокруг одного предприятия. В Юже это была фабрика Балиных, в Тейкове – Каретниковых, в Родниках – Красильщиков, в Наволоках – Миндовского и Бакакина. В некоторых случаях в одном таком населённом пункте функционировало не одно, а два–три предприятия. Скажем, в Середе (ныне – г. Фурманов Ивановской области) располагались значительные по своим размерам фабрики Скворцовых и Горбуновых.

Бывало и так, что из фабричных посёлков формировались кластеры (конгломераты), когда они располагались близко друг от друга. В Кинешемском уезде на рубеже XIX и XX вв. буквально в одной версте друг от друга находились фабрики Морокина, Разорёнова и Коновалова, вокруг них возникли на базе небольших сёл или деревень соответственно посёлки Новая Гольчиха, Тезино и Бонячки. Около ста лет назад они фактически слились в единое и очень значительное по размеру промышленное поселение. Позже, уже в первые годы Советской власти, в 1925 г. они были объединены в административном порядке в город, который получил название Вичуга.

Особенностью предприятий, которые располагались в фабричных посёлках Ивановского края, было то, что они по меркам дореволюционной статистики принадлежали к разряду не просто «крупных», а «крупнейших». Это означало,

что на каждом из них работало по несколько тысяч рабочих. Если взглянуть на список предприятий текстильного края, то первые строки в них по числу рабочих занимали не фабрики Иваново-Вознесенска, Кинешмы или Шуи, а заведения, располагавшиеся в фабричных посёлках – фабрика Красильщиковых в Родниках, Коноваловых в Бонячках, Балиных в Юже.

Основание текстильных предприятий в сельской местности объяснялось тем, что здесь заработка плата по традиции была ниже, чем в городах, и предприниматели охотно заводили свои предприятия в негородской местности. Работниками на них являлись местные крестьяне, которые были менее грамотными, менее требовательными и менее склонными к трудовым конфликтам, чем городские рабочие. Большинство их имели свои полевые наделы, и зарплата не была единственным источником их доходов. Здесь производство было максимально приближено к источнику рабочей силы – обезземеливающему крестьянству.

Хозяева сельских предприятий комплексно подходили к решению хозяйственных проблем. В типичном промышленном посёлке работало не только крупное «посёлкообразующее» предприятие, рядом с ним обычно существовала развитая инфраструктура, которая обслуживала интересы фабрики. Например, вокруг Южи фабрикантам Балиным принадлежали значительные участки леса, которые они скупили у разорявшихся местных помещиков. Они служили источником топлива для фабрики и местного населения, которое увеличивалось год от года. Неподалеку от Южи Балины занялись разработкой торфа. По данным за 1913 г. на торфяных полях фабрики было добыто 3500 кв. саженей этого топлива, которое применялось на местном текстильном предприятии одновременно с так называемыми «нефтяными остатками», т.е. мазутом. Аналогичные торфяные разработки существовали и при других текстильных предприятиях края. Рядом с Середой это местное топливо добывало Товарищество братьев Горбуновых, а рядом с Тейковом – Товарищество А.Каретниковой.

Балины испытывали определённые трудности со сбытом своей продукции, т.к. ближайшие железнодорожные станции Шуя, Савино и др. были расположены не близко, и к ним не были проложены удовлетворительные грунтовые дороги. Именно поэтому неподалеку от Южи была устроена на реке Клязьме пристань, которая в советский период получила название «имени 17 февраля». По Клязьме и Тезе курсировали несколько пароходов, которые принадлежали Товариществу А.Я.Балина.

Для обеспечения предприятия водой была поставлена плотина на небольшой речке, протекавшей через село, в результате чего образовалось искусственное озеро Вазаль. В этом отношении Южа не является исключением. На других сельских предприятиях края фабриканты таким же путем обеспечивали себя водой, которой для текстильного производства требуется много. В частности рукотворные озёра стали неотъемлемой частью индустриального пейзажа при фабрике Красильщиковых в Родниках, при фабрике Коноваловых в Бонячках.

Фабричный посёлок представлял собой не только промышленное, но

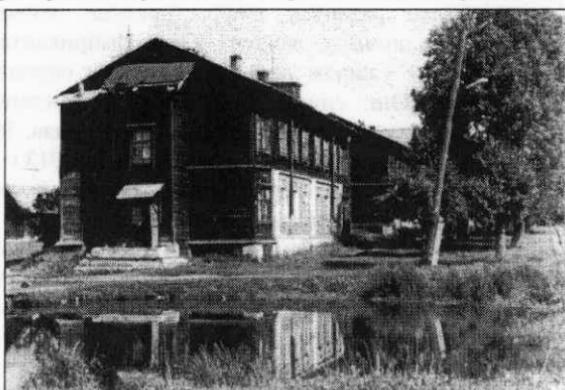
социально-культурное явление. Фабриканты вынуждены были заботиться об обеспечении местного населения социальными учреждениями, организовывали для них то, что в дореволюционный период называлось «разумным досугом». В городах больницы, школы, богадельни строились на средства органов местного самоуправления. Между тем, в фабричных посёлках не имелось таких структур как думы и управы, а у земства и так было достаточно иных хлопот. Поэтому местные фабриканты явочным порядком брали на себя обязанности социально-культурного характера.

Первое, с чем сталкивались рабочие, прия издалека на фабрику, была проблема жилья. В индустриальных центрах существовали три основных типа жилья. Первый и наиболее предпочтительный тип – собственные дома. Однако ими были обеспечены лишь жители самой Южи и близлежащих деревень (Нефёдова, Ёмелова, Русина, Реброва и др.), которые были расположены хотя бы в нескольких верстах от предприятия, жители их ходили каждый день на работу пешком.

Второй тип – так называемые «вольные квартиры». Большинство жителей Южи пускали себе на квартиры пришлых рабочих, которые снимали в среднем за один рубль в месяц «угол», т.е. пространство пола площадью около 2 кв. метров. Обычно в избу набивалось по десятку и более жильцов и санитарная обстановка здесь была ужасающей. Кроме того, «вольных квартир» для всех желающих не хватало.

Третий тип жилья – хозяйственное. Крупные фабриканты строили для своих рабочих так называемые казармы, т.е. общежития. Холостые жили в больших комнатах, а для семейных рабочих предназначался такой вид хозяйственного жилья как «каморки», т.е. небольшие комнатки в общежитиях, рассчитанные на одну или две семьи. На средства Товарищества А.Я.Балина одна за другой в Юже стали строиться такие казармы, в которых помимо жилых комнат имелись и кухни, где можно было приготовить пищу, были запланированы и другие бытовые удобства. В современной Юже сохранились здания таких казарм в центре города, они и ныне используются в качестве жилья.

В других фабричных посёлках края также сразу бросаются в глаза сложенные из красного кирпича четырёх- или пятиэтажные дома старых дореволюционных казарм. Они были построены в Середе при бывшей фабрике братьев Горбуновых, в Вичуге, Наволоках, Каменке, других промышленных

Казарма на ул. Куйбышева в Юже (современный вид).
(Фото из архива В. Клокова).

центрах современной Ивановской области. Чаще всего хозяева предоставляли рабочим такое жильё бесплатно. Попутно заметим, что большинство из них являются памятниками архитектуры и включены в соответствующий свод таких памятников.

Очень важно было позаботиться о медицинском обслуживании населения, т.к. больниц в Вязниковском уезде, к которому принадлежала Южа, было очень немного и Вязниковское земство не могло их открывать в каждой волости. Особенно актуальной была эта проблема именно для Южи, т.к. фабричный труд порождал целый ряд профессиональных заболеваний, сокращавших продолжительность жизни человека. Для справки отметим, что на рубеже XIX и XX вв. продолжительность жизни в России по официальным данным составляла 32,3 года (31,3 г. – для мужчин и 33,4 г. – для женщин). В тот же период в Англии аналогичный показатель достигал 46 лет, в Швеции – 52 лет. Балины построили на свои средства целый больничный комплекс, к главному одноэтажному каменному корпусу примыкали вспомогательные бревенчатые здания. Оказание медицинское помощи было бесплатным.

Отметим, что в большинстве фабричных посёлков работали аналогичные медицинские учреждения, построенные на средства местных текстильных предпринимателей. Особенно впечатляюще выглядела медицинская программа, реализованная Александром Ивановичем Коноваловым в фабричном посёлке Бонячки. Здесь и в наши дни можно видеть выстроившиеся в ряд в центре города Вичуги здания главного корпуса больницы, родильного приюта, дома для врачей и квартир для младшего медицинского персонала. Строительство этого комплекса, расположенного в живописном парке, относится к 1911–17 гг., проектировал его специально приглашённый московский архитектор В.Д.Адамович. Нужно оговориться, что не все фабриканты проявляли такую заботу о здоровье своих рабочих. Например, в фабричном посёлке Лежнево местный текстильный предприниматель Кокушкин счёл, что эти проблемы должно решать земство, поэтому первая больница в Лежневе была построена не предпринимателем, а органами местного самоуправления, финансировало её тоже в основном Ковровское уездное земство.

Ещё одним социальным учреждением, основанным Балиными в Юже, была богадельня (дом престарелых). Она располагалась в однном здании с фабричной церковью. Туда принимались на полное обеспече-

Богадельня с фабричной церковью. 1895 г.
(фото из архива В. Клокова).

ние рабочие и служащие предприятия. Беда была только в том, что это заведение было очень скромным по своим возможностям, и в него попадали десятки рабочих, в то время как сотни состарившихся и неспособных к труду доживали свой век на попечении и без того нуждавшихся родственников или же кормились Христовым именем. Такие же социальные учреждения существовали в некоторых других фабричных посёлках. В Кохме дом для неспособных к труду старииков был построен в 1884 г. на средства местного предпринимателя Г.И.Безенова. В Лежневе о сирых и убогих позаботились опять таки не местные богатые фабриканты Кокушкины, а московский купец Прохоров, который в 1860-х гг. построил двухэтажное каменное здание богадельни, выдержанное в формах позднего классицизма.

В советский период в исторической литературе широко бытовало утверждение о том, что фабриканты совершенно не думали о повышении культурного уровня своих рабочих, о расширении их общего кругозора. При этом говорилось, что предприниматели были совершенно не заинтересованы в этом, им, якобы, было выгоднее, чтобы рабочие проводили время в пьяном разгуле, азартных играх и тому подобных малопочтенных занятиях. Однако ни мотивация фабрикантов, ни результаты их деятельности на этом поприще не подтверждают этого долго бытавшего стереотипа. Пьяный или похмельный рабочий не мог быть хорошим тружеником. Производительность и качество его труда были ниже, чем у трезвого и здорового. Поэтому даже с точки зрения разумного эгоизма фабрикантам следовало заботиться о том, чтобы рабочие пили и «гуляли» возможно реже, т.к. следствием их разгула обычно являлись брак в работе, поломки машин и несчастные случаи на производстве.

Образовательная программа Балиных предназначалась как для детей, так и для взрослых. Для юных жителей Южи было построено просторное каменное здание училища, которое до сих пор эксплуатируется по своему прямому назначению, в нём расположена одна из южских школ. Для взрослых неграмотных или малограмотных рабочих предназначались курсы, которые работали вечером, туда рабочие могли пойти после смены. Программа школы и курсов включала в себя такие предметы как Закон Божий, арифметика, русский язык и начальные элементы истории, географии и естествознания.

Школы строили и другие предприниматели Ивановского края. В Середе фабриканты Горбуновы на свои средства соорудили училище, которым мог бы гордиться любой уездный и даже губернский город. Двухэтажное здание из красного кирпича в неорусском стиле вмещало в себя несколько просторных классов. Оно и в настоящее время служит изначальной своей цели, в нём находится школа № 8 города Фурманова. В Вичуге сохранилось до наших дней здание построенного в 1882 г. на средства фабриканта И.А.Миндовского училища при единоческом Никольском храме. Такого рода примеры можно было продолжить.

Гордостью Южи можно считать Народный дом, который построили в 1909–10 гг. Фактически это был многопрофильный культурный центр. В нём находился обширный зрительный зал со сценой. Здесь ставил и показывал свои спектакли самодеятельный народный театр, история которого отражена

в небольшой музейной экспозиции, недавно развернутой в этом здании. В Народном доме действовала массовая библиотека. В книжном фонде её была сосредоточена не только популярная литература, но и серьёзные издания по разным отраслям знания. Достаточно сказать, что некоторые студенты из Южи, обучавшиеся в Ивановском государственном университете, свои курсовые и даже дипломные работы выполняли, пользуясь в основном фондом этого богатого книгохранилища. Для развлечения рабочих и служащих в том же здании была комната для бильярда.

Народные дома строили для своих рабочих и другие хозяева текстильных фабрик. Самым ярким примером в их ряду был настоящий дворец, который предоставил в распоряжение текстильщиков Александр Иванович Коновалов в Бонячках. Он был возведён в 1914–15 гг. по проекту нижегородского архитектора П.П.Малиновского. Заканчивал его строительство в 20-х гг. наш земляк, выдающий архитектор Виктор Веснин. Здание, отличающееся монументальностью, выдержано в стиле неоклассицизма и украшено античным фронтом из шести колонн, внутри оно разделено на две части – театральную (со сценой) и клубную. Зрительный зал рассчитан на 1500 (!) мест. Впечатляющий по своим размерам и эстетическим достоинствам народный дом был построен в Родниках на средства местных фабрикантов Красильщиковых.

В числе досуговых возможностей для рабочих и служащих южской фабрики следует упомянуть и парк, разбитый Балиными рядом с Народным домом. Фактически это был участок соснового леса, который был облагорожен и распланирован аллеями и дорожками. Кстати, парки, созданные специально для рабочих и служащих, представляли довольно редкое явление в текстильном крае, и парк в Юже в этом отношении представляет скорее не правило, а исключение.

Подводя итог обзору экономической и социально-культурной деятельности предпринимателей, следует определить мотивацию предпринимателей, которые вкладывали в вышеназванные учреждения не тысячи, а десятки и сотни тысяч рублей из получаемых прибылей. С одной стороны, одним из мотивов было облегчение тяжёлых условий быта рабочих. Многие либерально настроенные фабриканты прекрасно понимали это, т.к. условия труда и быта рабочих были знакомы им не понаслышке. Таким образом, в социокультурной деятельности фабрикантов отчётливо просматривается патерналистская модель взаимоотношений работника и работодателя. С другой стороны, не надо излишне идеализировать эти человеколюбивые мотивы, т.к. они успешно совмещались в менталитете одного и того же фабриканта с побуждениями, которые можно характеризовать как разумно-эгоистические. Предприниматели хорошо понимали, грамотный, здоровый, хорошо отдохнувший и набравшийся духовных впечатлений рабочий – гораздо лучший работник, чем усталый, тёмный, озлобленный на хозяина и весь свет пролетарий. В связи с этим не выдерживают критики утверждения некоторых авторов работ о предпринимателях дореволюционного прошлого, которые изображают этих людей в розовом свете бескорыстными филантропами. Дореволюционное предпринимательство – явление достаточно сложное и нуждающееся в глубоком и всестороннем исследовании на макро и микроуровнях.

Раздел 5. Церковная история

Якушкина М.М
Якушкин Г.Р.

Наброски к истории храмов Южского района.

Исследование описей храмов, собранных Святейшим Синодом в 1902–1904 гг., позволяет произвести уточнение имеющихся сведений, в том числе по истории храмов Южского района и ввести в научный оборот новые данные. Эти материалы дополняются выписками из клировых ведомостей Владимирской епархии для епархиального архитектора Н.А.Артлебена 1870-х годов, а также его записями и зарисовками, связанными с осмотром и реставрацией церквей епархии, хранящимися в ф. 195 «Н.А. Артлебен» Государственного исторического музея.

Описи содержат многочисленные сведения о вкладах в храмы князей рода Пожарских. Опись храмов села Лукина составлена священником Алексеем Архангельским и подписана благочинным села Палеха протоиереем Николаем Чихачёвым.

В селе Лукино, Сунгурово тож, числилось две церкви. Кладбищенская деревянная во имя Вознесения господня освящена была в 1750 году Кириллом, архимандритом Спасо-Евфимьевого монастыря в царствование Елизаветы Петровны при Порфирии епископе Сузdalском и Юрьевском. В кладбищенской церкви (согласно описи) хранился антиминс 1740 года, данный Симоном епископом Сузdalским и Юрьевским. В 1784 году она была возобновлена и покрыта тёсом крестьянином села Лукина Ксенофонтом Емельяновым с прихожанами. По указу Владимирской духовной консистории от 19 августа 1865 г. церковь перенесли на кладбище из центра села, где возобновили и переосвятили во имя Смоленской Божией матери при Феофане епископе Владимирском и Сузdalском. Выписки для Н.А.Артлебена не содержат сведений, подтверждающих переосвящение кладбищенской церкви. В 1930-е гг. церковь была утрачена. Согласно описи «Смоленская церковь имеет вид продолговатый, имеет одну дверь входную на западе и обнесена каменною оградою».

В описи церквей с. Лукина написано (со ссылкой на церковные летописи), что «по преданию стариков старожилов по возвращении князя Пожарского с битвы с поляками в 1616 году... им была основана деревянная церковь во имя Святого Великомученика Димитрия Солунского».¹

Проведенный нами анализ представленных сведений позволяет говорить о фольклоризации исторического факта. Церковь впервые упоминается только в переписной книге Сузdalского уезда 1678 г.: «да к селу ж Мугрееву присёлок Лукин, а в нём церковь Вознесение Господне...».²

На месте деревянной церкви (по версии церковной описи Димитрия Солунского 1616 года) в 1804 г. вместо пришедшей в негодность деревянной церкви заложены каменные церковь и колокольня. Вознесенская церковь – с двумя приделами: тёплым во имя великомученика Димитрия (освящён в 1804 г.) и холодным во имя Вознесения Господня (освящен в 1812 г.), оба при Ксенофонте епископе Владимирском и Сузdalском.

Среди древних предметов в кладбищенской Смоленской церкви упоминаются: в трапезе за аркой в ряду икон находятся древние царские двери гладкие, по преданию, сохранившиеся из деревянной церкви, основанной князем Д.М. Пожарским. Доски дерева соснового с выемкой, поля и фон тёмно-жёлтые византийского стиля. Высота два аршина и ширина две с половиной четверти, датируемые XVII веком.

Среди икон XVII века Вознесенской церкви присутствовали: «Икона Все-милостивого Спаса древнего и высокого достоинства византийского стиля, принесённая ещё в деревянную церковь князем Дмитрием Михайловичем Пожарским. Икона сия в сребро-позлащённой ризе высокого достоинства (весом 12 фунтов 63 золотника, ценюю в 604 рубля).³ Доска деревянная сосновая с выемкою. Поля и фон тёмно-жёлтые. Имеет в длину 2 аршина 12 вершков и ширину 1 аршин 132 вершков. Поновляема не была.

Имелся также «образ Святого великомученика Дмитрия Солунского с житием, держащий в правой руке крест и в левой копие, прикладенный по преданию в деревянную церковь князем Дмитрием Михайловичем Пожарским. Икона письма византийского стиля. Доска дерева соснового с выемкою. Поля и фон тёмно-жёлтые. Имеет высоту шести четвертей и ширину 4 четверти. Икона оная поновлена».

Таким образом, предания о постройке церкви при Д.М.Пожарском и о вкладе им образа не подтверждаются документально, что само по себе не исключает пребывания князя Д.М.Пожарского в Лукино в указанное время. Село издавна было вотчицей Пожарских, вложенной ими в Спасо-Евфимьев монастырь. Д.М.Пожарский в ходе боёв с войском Лисовского в октябре 1615 г. под Перемышлем «сильно занемог и его едва живого отвезли в Калугу, а рать князя Пожарского не захотела преследовать Лисовского», говоря: «Что нам одним гоняться за Лисовским. Это наверно быть убитыми!».⁴ Можно предположить, что излечиваться от ран Пожарский мог и в своих вотчинных землях на территории нынешнего Южского района. Вклады в церкви могли быть сделаны

Вознесенская церковь с. Пукино
(Сунгурово). 1804–1812 г.

его потомками.

В селе Мугреево – Дмитриевском (Мугреево – Спасском), согласно «*Описи древних церковных предметов Богоявленской церкви села Мугреева – Спасского Вязниковского уезда Владимирской епархии*», составленной на основе церковной летописи священника В. Руберовского 1825 г., имеются два каменных храма: Богоявленский холодный с приделом во имя великомученика Димитрия Солунского, построенный между 1735–1743 гг.; и тёплый во имя преподобного Евфимия Сузdalского, построенный в 1779 году.

В церковной летописи есть сведения о ранее существовавших деревянных храмах. Древний во имя Великомученика Димитрия Солунского был построен до 1557 года и в качестве строителя указывается «который – либо из князей Хилковых, так как пустошь Дмитриево была приобретена князьями Пожарскими с храмом Великомученика Димитрия». Хилковым церковная летопись приписывает и вклад стоявшей по правую сторону горного места в 1900-е годы в Богоявленском храме иконы Великомученика Димитрия Солунского в житии. Процитируем описание иконы: «*Святой Великомученик Димитрий изображён в одной руке с крестом, в другой с копием, доска липовая с выемкой, вышина доски один с половиной аршина. Ширина 1 аршин 2 вершка. Поле и фон иконы тёмно-орехового цвета. Письмо монастырское. Стиль византийский. По серединке на Великомученике Димитрии венец и риза серебряные. К венцу привешен крестик серебряный, составленный из пластинок с винтиками, вышина 1 с половиной вершков, на нём чернью изображено распятие Иисуса Христа. По краям креста тоже чернь, самое распятие изображено на вызолоченном круге овальной формы, копие и губки на кресте чеканной работы. В 1872 г. икона была починена мастером Холуйской слободы Дмитрием Субботиным. Субботин открыл, что икона была в починке и прежде даже не один раз. Только к счастию мастера не касались грунта, а лишь замалёвывали ветхие места. Накладывая краски слой на слой, Субботин сумел все нарости очистить, ветхие места вырезать и возобновить икону очень искусно. При освидетельствовании святой иконы во время починки к изумлению всех оказалось, что ветхость на иконе во всём житии святого не коснулось его лика*». В описи икона также датируется ранее 1557 г.

В описи есть информация о том, что составитель церковной летописи священник В. Руберовский использовал дарственные грамоты князей Пожарских на владение пустошами и селениями в Мугрееве сузальскому Спасо-Евфимьеву монастырю.

При сравнении текста описи с актовым материалом, хранящимся в РГАДА в фонде Спасо-Евфимьева монастыря, удалось установить, что согласно купчей Александр Андреев сын Лодыгин приобрел у князя Михаила Ивановича Большого Пожарского Столба в 1540/41 гг. «*его вотчину в Мугрееве на реке на Луху себе и своим детем впрок без выкупа село Дмитриевское, а в нём Дмитрий Святый храм вопче со княж Михайловом братьею...со всем по старине, как было прежде всего к тому селу и к деревням...как князю Михаилу отец его написал ту вотчину в своей духовной. А в духовной в отца его той вотчине княж Михайлове межа и отвод описан тому селу Дмитриевскому и деревням.*»⁶ Таким образом, руководствуясь системой генеалогического счёта, можно сделать вывод,

что церковь существовала ещё при князе Иване Фёдоровиче Пожарском (ориентировочно в 1510-х годах).

Запись же о строительстве храма Дмитрия Солунского князьями Хилковыми в церковной описи связана, на наш взгляд, с ошибкой – действительно в Мугреевской вотчине наряду с селом Дмитриевским существовала деревня Дмитриева, которая вместе с деревнями Михеевской, Ивошино, Ананьино, Горицы, починком Арешниковым Овсятина ставленья, селищем Михалёво, починком Бетягиным со всеми угодьями были отданы князем Василием Ивановичем Пожарским Рубцом князю Дмитрию Ивановичу Хилкову под залог долга в 40 рублей в 1550/51 г.⁷

По документам рода князей Пожарских можно проследить, кому и когда передавалось сельцо Дмитреевское. По духовной князя Ивана Петровича Пожарского (сын кн. Петра Борисовича Коровы Пожарского, умершего до 1568/69 г. и кн. Федосы Семёновны, ур. Мезецкой) 1571/72 г.: «*Да что деда моё и отца моево благословление вочина моя в Стародубе в Ряполовском в Мугрееве на реке на Лухе сельцо Дмитреское с деревнами ... со всем тем угодем матере мое княгине Федосие до её живота. И матре мое тою вотчиною владеть и родитель моих и душу мою поминать. И как бог сошлёт по душу матери мою, и та вочинка в дом семилостивово Спаса и чуртотворца Еуфимия в Суз达尔 по душе мое и по всех родитель моих спаскому архимадриту дать з братьёю с тое вотчины, где мать моя пострижетца, дать сорок рубль денег по душе матери моей и по родитель моих. И хто роду моево в ту вочину вступитца, и он даст за ту вочину к Спасу шездесят рубль, и где мать моя пострижетца, и он даст сорок рубль с тое же вочины. Будет мать моя не пострижетца, бог по душу сошлёт, и роду моему дать с тое вочины сто рубль все к Спасу.*»⁸

Душеприказчики по духовной кн. Федосы Семёновна Пожарская и кн. Пётр Тимофеевич Пожарский, выполнив свои обязательства, в том же 1571/1572 г. составили данную грамоту, по которой «*дали есмѧ благословленъе родителей наших вотчинку старинную в Стародубе в Ряполовском в Мугрееве на реке на Луху по свекре по своём по князе Борисе Фёдоровиче Пожарском и по его княгине Евдокее, и по своем князе по Петре, и по своем сыне по князе Иване и по всех своих родителех в наследье вечных блах впрок без выкупу сельцо Дмитреевское, а в нём храм святый Дмитрий Селунский з деревнями и с починки, и с селищи, и с пустошьми...»⁹*

В 1586/87 г. княгиня Анастасия Ивановна Пожарская, вдова князя Фёдора Ивановича (деда Д.М. Пожарского), дала пустошь Столбово к церкви Дмитрия Солунского.¹⁰

Согласно церковной летописи, в описи Сузdalского Евфимиева монастыря, сделанной в 1628, 1629 и 1630 гг. зафиксировано в сельце Дмитриевском уже два отдельных храма: «*Спаса же Евфимьева монастыря вотчина село Мугреево, Дмитриевское тож, а в селе церковь во имя Великомученика Димитрия Солунского, да в приделе Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа деревянна верх; а другая тоже деревянная Тёплая во имя Живоначальной Троицы, да в приделе Преподобного Чудотворца Евфимия деревянна клецки*». Судя по датам, автор летописи использовал писцовую книгу поместных и вотчинных

земель Суздальского уезда письма и меры Михаила Трусова и дьяка Фёдора Битовтова, в которой в разделе монастырских вотчин за №183 имеется подобное описание храмов. Приведём продолжение текста: «*А в церквях образы и свечи, и книги, и ризы, и колокола, и сосуды церковные, и всякое церковное строенъе монастырское. Да на церковной же земле во дворе поп Богдан, во дворе дьячок Олешка Ильин, во дворе пономарь Терешка, во дворе проскурница Феклица. Да шесть келий нищих, питающа о церкви Божии.*»¹¹

В переписной книге земель Суздальского уезда 1646 г. в вотчине Спасо-Ефимьевы монастыря селе Мугреево числился «*двор монастырской, а в нём живёт дворник Ивашик Иванов, прозвище Кашлеев, да Васька Сафонов с детьми с Тишкою и с Якункою, 10 крестьянских дворов, 4 бобыльских и двор монастырского служебника иконника Максимики Терентьевы.*»¹²

В переписной книге земель Суздальского уезда 1678 г. значится вотчина: «*№ 108. Спаса-Еуфимьева же монастыря село Мугреево, а в нём церковь Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а у церкви поп Василей Алексеев, да поп Фёдор Григорьев, у него сын Тимошка осьми лет. Во дворе дьячёк Ермонка Григорьев. Во дворе пономарь Ермошка Фёдоров, у него сын Родька. Во дворе просвирни Агафьица.*

Да на церковной земле во дворе попа Василья брат его Федька Алексеев, да двор монастырской, а в нём дворник Терешка Осипов сын Морозов, у него дети Трошка пятнадцати лет, Петрушка двенадцати лет.»¹³ Упоминание о Троицкой церкви с приделом Евфимия Чудотворца отсутствует.

Согласно местному преданию, записанному священником В.Руберовским «во время заточения царицы Евдокии Фёдоровны – первой жены императора Петра Великого в Суздальский Покровский монастырь. В монастыре при ней была келейница крестьянка из мугреенок из рода Пановых, существующих и доныне (до 1825 года – М.Я.). После восшествия на престол внука ея императора Петра II в 1727 году, ей вскоре объявлено освобождение из заточения. В благодарность промыслу божию за такую милость царица положила обещание выстроить где-либо каменный храм. Келейница это обещание сумела направить в пользу своей родины и расположить царицу учинить каменный храм именно в Мугрееве-Дмитриевском. Богоявленская холодная церковь построена между 1735–1743 годами. По церковной летописи время построения храма определяется ещё археологической находкой: в 1871 году при переустройстве северных дверей Богоявленского храма, по требованию начальства отвором наружу, в капитальной каменной стене под пятою двери найдена медная полушка 1735 года. Эта находка, как археологическая древность указывает на 1735 год, как на время закладки храма. Святой антиминс, освященный в 1743 году Симеоном епископом Суздальским, на котором в Богоявленском храме совершилась до 1845 года бескровная жертва. Если не перенесен в каменный храм еще из деревянного, указывает время освящения Богоявленского храма именно в 1743 году... На средней главе Богоявленского храма водружен железный крест с короной, полумесяц вверх рогами и с греческою литерою: «*Зита*», первоначальной слова ставрос-крест. Это символ победы креста над луной и того, что храм устроен лицом коронованным».¹⁴ При Богоявленском храме придел во имя Димитрия

Солунского, при храме колокольня.

Автор знаменитого рукописного труда «История села Нижний Ландех и Святоезерского монастыря» крестьянин Осип Потапович Голиков писал в конце XVIII – начале XIX в., что «*в селе Мугрееве – Спасском церковь во имя Богоявления господа освятился*», воспроизвел надпись на кресте: «*Освятился храм и водружсен крест при державе благочестивейшей государыни императрицы Елизаветы Петровны и при наследнике ея внуке Петра I великом государе князе Петре Фёдоровиче и по благословению Преосвященного Порфирия епископа Сузdalского и Юрьевского в лето от мицроздания 7259, от рожества же Бога слова 1750 года сентября 18 дня Спасо-Евфимьевским архимандритом Кириллом. При том храме придел Великомученика Димитрия того же года месяца июля 20 дня освящён Соборным архиереем Иоанном Васильевичем*». ¹⁵

По церковной летописи в 1817 г. колокольню разбило громом и в 1818 г. вместо неё была устроена новая.

В 1825 г. от пожара пострадали оба каменных храма. В том же году храм был поновлен и перестроен, из одноглавого сделан пятиглавым и 5 июля 1825 г. освящён. В 1833 г. возобновлён придел Димитрия Солунского.

Расписан в 1846 г. мастером Софоновым из с.Палех маслом по штукатурке. В 1879 году стенные писания возобновлены Иваном Гуниным из с.Нижний Ландех. Сохранилась только колокольня.

В 1763 г. в Евфимьевский храм (деревянный) дан антиминс Геннадием епископом Сузdalским и Юрьевским, служил до 1845 г.

Ещё раз обратимся к труду О.П.Голикова. Он отмечал, что «*1770 года в селе Спасском-Дмитриевском, то же Мугреево, освятился храм Преподобного и Богоносного отца нашего Евфимия Сузdalского Чудотворца декабря 13 дня Варлаамом иеромонахом келарем Спасо-Евфимьевского монастыря по благословению Геннадия епископа Сузdalского и Юрьевского*». ¹⁶

Тёплый каменный храм во имя Евфимия Сузdalского, по церковной летописи, устроен в 1779 г. церковным старостою Елиазаром Ериным. Он также пострадал от пожара 1825 г., в том же году возобновлён. Затем возобновлён в 1849 г. – храм надрубили деревом и сделана куполообразная кровля. В 1852 г. поставлен деревянный купол, украшен алфесковыми картинами.

По разным материалам прослеживается любопытная связь сёл Мугреево-Дмитриевского и Большой Ламны (Богоявленского). В иконостасе Богоявленской церкви с. Дмитриевского к древнейшим иконам, согласно описи «*при-наадлежит местная икона Богоявления Господня: доска липовая с выемкой, вышина доски один аршин 10 вершков, ширина 1 аршин 4 вершка, поле иконы тёмнозелёное. Фон зелёный письмо Новгородское, стиль византийский. Риза на иконе медная посеребрённая. По церковной летописи икона принесена из Богоявленского монастыря вместе с храмом, монастырь был в Мугреевской местности. Причём написание иконы автором описи датируется ранее 1628 года*». ¹⁷

В труде В.В.Зверинского «Православные монастыри в Российской империи» мы находим следующие сведения: «*Сретенский-Богородицкий-Богоявленская пустынь, мужской монастырь, ныне село Ламно, Вязниковского уезда, в 8*

верстах к западу от села Мургееев и в 2 верстах к северу от деревни Могучевой, при озере Богоявленском. В Сузdalских писцовых книгах 1628–1630 г. сказано: «Да к селу ж Мургеееву и присёлку Могучеву на Богоявленском озере монастырь, а в нём церковь Сретения Пресвятые Богородицы иконы Владимирская, да придел Иоанна Богослова да Петра митрополита Московского Чудотворца древяна клети, а в церкви образа и свечи, и книги, и ризы, и сосуды церковные, и колокола, и всякое церковное строение боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, а у церкви на монастыре в келье черной поп, да братии 14 старцев, пытаются от церкви божией. Паши под монастырем нет, а на питание из порозжих земель даны отхожие пустоша».¹⁸

Пустынь Ламна зафиксирована в переписной книге Сузdalского уезда 1646 года.¹⁹

По документам Сузdalского Спасо-Евфимьева монастыря мы можем представить картину складывания земель вокруг Богоявленского озера. В 1557/58 г. князь Григорий Семенович Пожарский по данной грамоте дал архимандриту Спасо-Евфимьева монастыря Михаилу впрок без выкупа «благословение отца своего князя Семеново ...свою вотчину в Стародубском уезде селцо над озером Богоявленским. А в нем церковь Святого Богоявления, со всем, что к тому селцу исстари потягло, куды плуг и соха и топор и коса ходила, и с лесом, и з рыбною ловлею, и со всяким угодьем...»²⁰. Из этого следует, что с. Ламна (Богоявленское) является одним из старейших сёл Южского района.

Однако события Смутного времени подорвали экономическую ценность данного села и монастыря. Анализируя писцовую книгу земель Сузdalского уезда 1628–1630 г., мы видим, что хотя монастырь состоял в системе Спасо-Евфимьева монастыря, он в большой степени зависел от кн. Пожарских.

Сопоставив вышеизложенное, можно констатировать, что:

1. Сёла Дмитриевское и Богоявленское были вложены Пожарскими в Спасо-Евфимьев монастырь, то есть имели общего владельца.

2. В писцовых книгах по Суздалю 1628–1630 годов в Богоявленском вместо Богоявленской церкви, известной с 1557 г., упоминается церковь Сретения иконы Владимирской Божией матери, между тем как в Дмитриевском впервые фиксируются два храма: Великомученика Дмитрия Солунского с приделом Богоявления господня и Троицкий с приделом Евфимия Чудотворца (вместо бывшего ранее одного Дмитрия Солунского)

3. Церковная опись говорит о переносе церкви с церковной утварью из Богоявленской пустыни.

Можно предположить, что одна деревянных церквей с. Дмитриевского перенесена из с. Богоявленского и переосвящена.

Дальнейшие исследования, возможно, позволят уточнить даты строительства церквей, а следовательно и вкладчиков в строительство. Однако, несомненно, нельзя переоценить вклады рода Пожарских в эти и другие храмы Южского района. Отметим при этом, что народная молва связывает с именем князей Пожарских, и в частности, с Дмитрием Михайловичем, практически все значимые события, что не всегда подтверждается документами.

ОПИ ГИМ. Ф.406. Д. «Опись церквей и древних церковных предметов с. Лукина Вязниковского у. Владимирской епархии». В связи с научно-технической обработкой фонда номера дел и листов в настоящее время отсутствуют.

РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.11331. – Л.198 об.

ОПИ ГИМ. Ф.195. Оп.1. Д.711. Л.400 об. Русский биографический словарь. Т. Плавильщиков – Примо. М.– Спб.: 1905. – С.240.

Опись подписана священником Богоявленской церкви Димитрием Успенским, исправляющим должность псаломника Василием Иорданским, церковным старостой Алексеем Александровым и представителями прихода: крестьянами Андреем Даниловым и Александром Ежковым.

Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевы монастыря 1506-1608 гг. М.: 1998. – С.107–108.

Там же. – С.149

Там же. – С.324

Там же. – С.330

Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевы монастыря 1506-1608 гг. М.: 1998. – С.424.

РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.11320. Ч.2. – Л.1354–1355 об.

РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.11325. – Л. 154.

РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.11331. – Л.193 об.

ОПИ ГИМ. Ф.406. Д. «Опись церквей и древних церковных предметов с. Мугреева – Спасского Вязниковского у. Владимирской епархии».

ОПИ ГИМ. Ф.450. Оп.1. Д.290а. – Л.272 об. –273.

Там же. – Л.343.

ОПИ ГИМ. Ф.406. Д. «Опись церквей и древних церковных предметов с. Мугреева – Спасского Вязниковского у. Владимирской епархии». В «Описи древним предметам, находящимся в Сретенской церкви с. Большой Ламны» о факте переноса иконы сведений нет.

Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования. О православных монастырях в Российской империи. С.-Пб.: 2005. №2091. Т.3.– С.178.

РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.11323. – Л.80

Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевы монастыря 1506–1608 гг. М.: 1998. – С.226.

свящ. Алексий Лихачёв

Воспоминания старожилов о Свято-Смоленском храме.

Краткий исторический очерк Свято-Смоленской церкви
в с. Южа Вязниковского уезда Владимирской губернии.

Деревянный Никольский храм в селе Южа-Никольское упоминается в документах 1628 года, но, очевидно, был построен ещё раньше. Как говорит приходская летопись, в незапамятные времена крестьяне обрели здесь на пне маленьку медную икону Богоматери-Одигитрии (называвшейся на Руси с XII в. Смоленской) и в честь этого Явления выстроили этот Никольский храм со Смоленским приделом. Велика была любовь народа к Богу и его храму.

Но со временем деревянный храм стал ветшать, и в 90-х гг. XVIII в. рядом с ним изживением дворян Опочинных (а именно Татьяны Фёдоровны, вдовы артиллерии поручика Николая Ивановича) в их Южском поместье был выстроен большой каменный храм, который назвали Смоленским. Южный придел храма посвятили св. Николаю. Храм был освящён архиепископом Владимирским и Сузальным Виктором (Онисимовым, на кафедре – 1783–1800). Видя усердие

народа к молитвенному почитанию Богородицы, каждый из владельцев Южи стремился что-то сделать для благоукрашения храма. В 1862–65 гг. И.А. Протасьев расширил трапезную и поставил новую колокольню (архитектор – Рейм), Л.А. Балин дал средства на поновление всех росписей и строительство хоров.

Владельцы Южских земель помогали храму не только средствами, но и предоставлением земельных угодий. Как говорит церковно-приходская летопись, храм располагал земельными и лесными угодьями, покосами, которыми пользовался церковный причт. При храме был большой церковный дом, в собственности псаломщика был другой дом, по соседству.

Известны имена 10 поколений священнослужителей храма:

1715 – Михаил Васильев, Андрей Семёнов,

1737 – Дмитрий Михайлов,

1763 – Михаил Дмитриев,

до 1824 – Аверкий Михайлов (1749–1824),

1824–33 – Пётр Аверкиевич Люстров (ок.1796–1833),

1833–47 – Василий Фёдорович Шепелев (1800–1847),

1847–84 – Андрей Васильевич Миртов (1824–1899),

1884–1930 – Евгений Павлович Алеев (ок.1860 – ?),

1929–39 – Виктор Александрович Покровский (ок.1870 – ?),

(?) 1930–39 – Алексей Владимирович Протодьяконов.

Священник Алексий Владимирович Протодьяконов известен нам только по рассказам его внучки Гайструк Варвары Александровны. С её слов, он прослужил до закрытия храма в 1939 году (на фото 1915 г. он с супругой Варварой и детьми Александром, Николаем и Алексеем).

Наступило безбожное советское время, начались кампании по ликвидации церковных имуществ и закрытию храмов. В 1924 г. был закрыт соседний городской храм св. апостола Асигкриста, часть его святынь была передана Свято-Смоленскому храму. Энтузиазмом и самоотверженностью верующих Смоленская церковь почти до самой Отечественной войны сохранялась открытой, богослужения совершались до 1938 года включительно. В 1939 го-

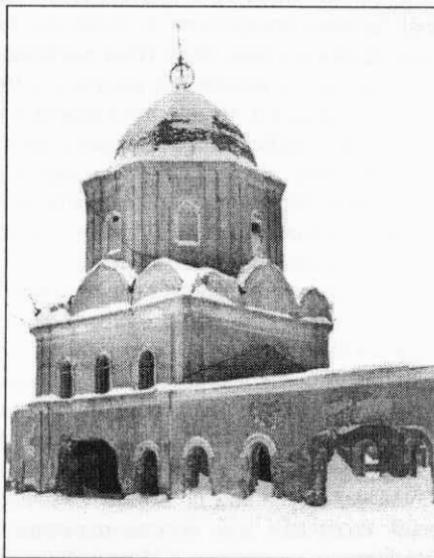

Смоленская церковь в нач. XX в. Перед Расходом.
(фото из архива В. Клокова).

ду она всё же была закрыта. Бывший служитель приюта Иван Пыренков возглавил комитет по расформированию церковных имуществ.

Во время войны на колокольне был устроен противовоздушный наблюдательный пост. Уже после её окончания, в начале 50-х годов, сняли с петель двери, проломили окна и стены и, разграбив богатейший иконостас и великолепную старинную утварь, устроили машинно-мелиоративную станцию (MMC) для ремонта тракторов и другой сельхозтехники. Здание церкви долго ещё сохраняло свой благолепный вид, несмотря на варварское использование. В северной стене сделали два огромных пролома для въезда тракторов, на месте алтаря устроили мастерскую со станками. В пристройках организовывали разные склады, например, по приёму кож, в сторожке – продуктовый, а затем винный магазин. Судьба колоколов неизвестна. Предположительно, один из них сохранился – колокол около двух пудов находится в пожарной части для сбора по тревоге при отсутствии электроэнергии. На колокольне видны следы расточки арочных сводов окон для пропихивания самого большого колокола (для помещения его на колокольню). Колокола сбрасывали прямо по шахте колокольни, разобрав деревянные перекрытия. Во времена Хрущёвских гонений была дана команда снести с вершины купола чугунный крест. Один из смельчаков забрался на самый верх, привязал к кресту стальной трос, нижний конец прикрепили к трактору. Когда взревел мотор, колеса машины стали рыть землю, крест же только немного согнулся. Таким памятником победы доброй христианской веры над легковесностью ниспровергателей святынь этот покосившийся крест оставался до 2001 года.

Вскоре пришло другое предписание: храм взорвать. Была создана комиссия по ликвидации храма. Когда просчитали количество взрывчатки, необходимой для сноса полутораметровых стен, оказалось, что взрыв в первую очередь снесёт близлежащие деревянные дома. Идею со взрывом отложили. Около 1971-го года в MMC, расположенной в здании храма, произошло несчастье: одна из тяжёлых машин во время ремонта сошла с места и раздавила о стену рабочего. Страшный крик слышали по всей улице. После этого случая рабочие стали отказываться от работы в здании храма, MMC перевели в Палех, и храм опустел. Замки на дверях скоро оказались сбиты, храм стал притоном для юной шпана. В 1972 году от костра, разожжённого внут-

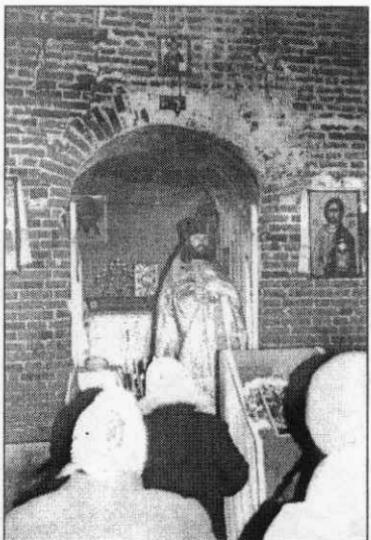

Смоленская церковь до начала реставрации.
2000 г.

ри, храм загорелся. Разбушевался страшный огонь, который уничтожил не только остатки росписей и алтарных преград, обуглились даже балки под самым куполом (на высоте около 17 м) и лопнула чугунная тяга (вторая, параллельная ей, тяга промыслом Божиим сохранилась, т.к. в случае её разрыва стены бы разошлись и купол обрушился бы внутрь). Сгорела вся стропильная система храма. Ещё года два, как рассказывают жители, словно осенние листья с каждым порывом ветра с храма опадали листы железа. Вскоре обрушились своды алтарной части и шесть легких сводов трапезной. Такой – сожжённой и разгромленной – церковь простояла почти 30 лет. Местные жители разобрали по домам и участкам чугунные с литым узором плитки пола. Унесли почти все кованые решётки с окон (где сумели выломать). Разобрали бы и стены, да старинная известковая кладка не поддавалась советскому лому. Кирпичная изгородь однако не сохранилась. Уцелела церковная сторожка, в которой сначала жили обыватели, а потом был устроен винноводочный магазин, закрывшийся около 1995 года. Кладбище, находившееся за сторожкой с южной и восточной сторон церковного здания, уничтожено полностью.

С 1939 по 1993-й годы в Юже никакой православной жизни не было. Верующие посещали храмы в п.Холуй или с.Красном Палехского р-на. В 1993-м году неподалёку от храма (200 м вниз в сторону центра города) из магазина устроили домовую церковь. Её устроил по благословению Владыки и в ней служил иеромонах Варнава (?). Но при регистрации общины он не стал её называть «Храмом Смоленской иконы», а зарегистрировал как «Приход св. апостола Асигкрита», имея ввиду взять хорошо сохранившееся здание церкви-богадельни в честь св. апостола Асигкрита. В 1995-м году он обращался к главе областной администрации с запросом о передаче здания в собственность церкви, но получил в 1996-м году отказ. Видимо, в то же время он и попросил в аренду пустовавшее здание нарсуда (это, судя по всему, дом Павлова – шуйского фабриканта, до этого стоящий в Гридине). Тем временем, заброшенное здание магазина народ растикал на кирпичи (осенью 2000-го года были видны только оставшиеся стены). С того времени Приход Асигкрита перебазировался в центр города в арендуемый молельный дом, где находится по настоящее время.

Роль катализатора в деле восстановления Свято-Смоленского храма на его историческом месте сыграли представители зарубежной церкви. В 1998 или 1999-м году они обратились к администрации района с просьбой передать им руинированное (после пожара 1972 года) здание Свято-Смоленского храма. Тогда-то благочинный Южского и Саввинского районов игумен Митрофан (Лаврентьев) и пообещал руководству взяться за восстановление. Он поручил своим духовным чадам из Южи заняться оформлением новой общины, связанной со Свято-Смоленским храмом. В 1999-м году благочинный подыскал для восстанавливаемого прихода настоятеля, который стал готовиться к переезду в Ивановскую область. За 1999–2000 гг. инициативная группа мирян добилась регистрации общины в юридической палате, была изготовлена печать, произведены землеотвод и передача руин в собственность

Служба в возрождающейся церкви.

читателей их незамысловатые воспоминания, которые, возможно, со временем составят своеобразную «книгу памяти».

1. Мусатова (Авдошина) Зоя Михайловна, 1919 г. рождения. Проживает в г. Юже.

Отец семейства Авдошиных Михаил Михайлович(ок.1887–1965 гг.) – работник торговли, мать – Анна Алексеевна (1893–1957 гг.), урождённая Хохлова.

Зоя Михайловна помнит себя прихожанкой храма примерно с 1925 года. Сёстры Авдошины Зоя и Лида (1917–2002) ходили на исповедь к о. Евгению, и вся семья у них была верующая (Лидия в замужестве носила фамилию Розанова и скончалась в Ташкенте). Зоя Михайловна не может точно сказать, каким батюшкой был из себя внешне (вроде бы не толстый, борода не особенно длинная). Но он был внимателен к детям и строг, иногда даже покрикивал на ребятишек: «Говори правду!»

Алтарником в храме был Иван Александрович Пыренков, проживавший недалеко от храма (4-й дом по четной стороне нынешней Старой Южи). Впоследствии он (видимо, в начале 30-х годов) отрёкся от Бога и Церкви, вступил в члены партии. После закрытия южского храма он как никто другой способствовал его разорению. Долгое время Пыренков работал начальником топливного отдела Южской прядильно-ткацкой фабрики.

В первом доме от угла (ныне участок дома №10) жил сын церковного дьячка Пётр Павлович Никольский. Следующий большой дом был казённым,

Ивановской епархии. 19 октября 2000 г. иерей Алексий Лихачёв был назначен настоятелем восстанавливающегося храма. 9 декабря ему был выдан первый анти-минс (для придела святителя Николая), а уже 19 декабря в здании сторожки, временно оборудованном под молитвенный зал, состоялась первая после 1939 г. Литургия. Храм стал оживать.

Однако для возрождения духовной жизни первостепенное значение имеют не камни и не стены, а та совместная жизнь и любовь о Господе, которая соединяет в одно целое сердца прихожан. Любовь к храму взвыает к увековечиванию памяти тех, кто бережно сохранял его для нас, кто молился и трудился в нём. Мы разыскали представителей старшего поколения, которые помнят о том периоде Свято-Смоленского храма, когда там ешё кипела духовная жизнь. Представляем на суд

его занимала какая-то советская контора, а через дом (ныне №14) жил о. Евгений. Выселенный из церковного дома, он сам построил для семьи домишко о трёх оконцах на месте дома Павла Николаевича Никольского, церковного дьячка. Хозяева дома № 14, разделённого на две половины, жившие в нём с начала 60-х, вспоминают рассказ своих предшественников, у которых они купили дом, что в одной половине, окнами на храм, жил священник, а в другой – его помощник, дьячёк.

Хор в храме пел очень красиво, певчих было много. В церковном хоре пели дядька и тётка Зои Михайловны, родные брат и сестра её матери, Хохловы Василий и Мария Алексеевичи. Их отец Алексей Александрович Хохлов, дедушка Зои Михайловны (она дедушку не помнит, знает только по рассказам) работал кучером у А. Я. Балина, хозяина фабрики. Он скончался около 1923 года, похоронен на старо-южском кладбище. Его супругу звали Ирина Иасоновна, урожд. Смирнская (сконч. ок. 1943 г.). Мария Алексеевна Хохлова, певшая в хоре в девичестве, уехала из Южи в Москву учиться на врача в 1924 году, там вышла замуж за однокурсника, Николая Овчинникова (кстати, она пела потом и в московских храмах). После окончания молодые уехали в Елец, оба работали врачами и в зрелый период жизни приняли монашество (их имена в постриге схимонахиня Мариамна и схиархимандрит Нектарий). Оба похоронены в Ельце. Дядя Зои Михайловны Василий Алексеевич Хохлов взял замуж Софию Павловну из рода Никольских. Их потомки до сих пор живут в Юже.

Деталей убранства храма Зоя Михайловна не помнит, но свидетельствует, что там было очень красиво, детское воображение поражал огромный иконостас. В храме было много старинных икон. Отопление было печное. В центральном Смоленском приделе печь была слева от входа, были печи в правом и левом

Хохлова Ч.И.. вдова кучера А.Я.Балина. с семьёй её сына
Василия. 1928 г.

приделах.

Престольным праздником в Старой Юже был день Святой Троицы. Жители выносили на улицу столы, покрывали белыми скатертями и ставили угощение для духовенства, которое крестным ходом шло освящать поля. Рубили берёзки и ставили около каждого дома, украшая их лентами, цветами, игрушками.

На Пасху большая служба проводилась в летнем Смоленском приделе. После неё освящали куличи. Столы для освящения ставили прямо в центральном приделе. У детей на Пасху была своя игра: катание яиц. По земле проводили черту, к ней каждый клал свое крашеное яичко. Игрошки находились от черты на определенном расстоянии. Играли небольшим мячиком, который легким подталкивающим ударом надо было направить к черте с яичками. Какого яичка коснется твой мяч, такое считалось и выигранным.

Ещё в честь праздника запекали окорока, делали пироги, ходили друг к другу в гости. Куличи пекли очень крупные.

Что было в середине и конце 30-х годов, Зоя Михайловна не знает, так как примерно уже в 1931–32 гг. детям в школе стали строго запрещать посещение церкви, и, чтобы избежать неприятностей, она перестала ходить в храм.

2. Рузгис Валерий Антонович, 1926 г.р. Проживает в г.Юже.

Валерий Антонович – сын фельдшера Антона Юрьевича Рузгиса (происхождением прибалт) и Екатерины Павловны (урожд. Никольской). От первой супруги (скончавшейся в 1920 г.) у отца остался старший сын – Авенир, а в 1929 году у них ещё родилась дочь Эвелина. Антон Юрьевич сначала работал фельдшером в д.Черемисово, а супруга, после окончания епархиального училища во Владимире, – учителем начальной школы в Зименках. За отказ войти в колхоз в 1929 г. Антон Юрьевич был подвергнут аресту и лишению свободы, вернулся через год.

Семья переехала в Южу в 1931 году, до того недолго жили в сёлах

Ревчий Смоленской церкви В.Л.Хохлов.
1918 г.

Мугреево-Дмитровском и Груздево. Дедом Валерий Антоновича по матери был дьячок Свято-Смоленского храма Павел Петрович Никольский. Его супруга Елизавета Николаевна, урожд. Смиренская, Валерина бабушка, — тоже священнического рода. Павел Петрович — сын священника, служившего в Святоезерском монастыре (ныне п. Мугреевский). Смиренские же родом из с. Бородино Гаврило-Посадского района.

Настоятелем храма в то время был о. Евгений. Это был пожилой представительный мужчина. Говорил всегда очень спокойно, рассудительно. Но Валерий Антонович не помнит особой дружбы между Никольскими и домом настоятеля. Семья деда больше общалась с другим священником — из с. Малая Ламна.

Валерий Антонович вспоминает один случай из детства, когда в 1930-м году четырёхлетним мальчиком он стал кататься на плоту на Кашинском пруду (с. Груздево), и их с пятилетним товарищем понесло к мельничной запруде. Детей спас священник Покровского храма, который сбежал и принёс длинную жердь, сумел ею зацепить плот незадачливых путешественников и подтянуть их к берегу. Валерий Антонович вспоминает, что в Груздеве был прекраснейший колокольный звон, намного превосходивший староюжский. Звонарь в Груздеве был одновременно церковным сторожем и дожил почти до 100-летнего возраста.

В 1931–32 гг. Антон Юрьевич строил себе дом на Постройке (район в г. Юже), а его семья жила у родственников — в доме Петра Павловича Никольского, дяди Валерия Антоновича по матери. Валерий Антонович лично не знал деда Павла Петровича, он умер рано, по разным сведениям в 1912 или 1915 году, и был погребён при Смоленской церкви недалеко за сторожкой. В сторожке тоже жили работники храма — сторож с семьёй, он же звонарь. Семья Павла Петровича была очень большой, он имел 11 детей. Вдова его, бабушка В. А. Рузгиса, Елизавета Николаевна прожила ещё долго и

Е.Р. Рузгис (урожд. Никольская).
Ок. 1915 г.

Е.Н.Никольская (урожд. Смиренская), вдова дячка Гавла Петровича, со своими 11 детьми и первым внуком. 1916 г.

1-й ряд, слева направо: Екатерина (1894–1957); Ольги (1902–1978); диакон Николай Павлович (ок. 1888–1926, видимо, репрессирован); (на корточках) Андрей (1907–1970); Елизавета Николаевна с внуком сына Николая (имя неизвестно); (на корточках) Анастасия (ок. 1911–1934); супруга диакона Николая (имя неизвестно); Антонина (1901–1966); Нина (1904–1979).

2-й ряд, слева направо: Александр (ок. 1890–1962); Лидия (1898–19690; София (1896–1972); Нетр (1892–1971).

скончалась в 1942 г., погребена на нынешнем городском кладбище. Она была высокой статной женщиной, строгой в обращении с детьми. Заставляла их всегда молиться перед сном, при этом медленно поминать всех домашних по именам. Усадьба Никольских была примерно на месте дома № 14 в с. Старая Южа (по современной нумерации). До раскулачивания у Никольских было большое хозяйство – лопадь, корова, овцы, свиньи, а в начале 30-х от этого богатства ещё оставался пчельник.

В это время у Петра Павловича были неприятности. Идя по стопам отца, он служил при Свято-Смоленской церкви дьячком. При этом он имел высшее образование и работал в начальной школе в Старой Юже (это бывшая церковно-приходская школа, её здание и поныне стоит посреди Талицкой дороги в 200 м ниже перед храмом). В 1931 году власти запретили ему совмещать работу учителя со служением Богу, и Пётр Павлович был вынужден уйти из храма. Пётр

Дьячок Р.Я. Никольский (справа) и звонарь В. Уставщиков (слева). 1916 г.

в 1953-м переехал в п. Тучково Московской области, заняв там тоже должность директора в лесной школе. Похоронен в п. Тучково.

Как уже упоминалось, при Свято-Смоленском храме было кладбище, на котором хоронили до середины 20-х годов. Оно тянулось по южной стороне храма до самого Кошкуркинского колодца (ныне это небольшой пруд напротив дома № 18 в Старой Юже). Скорее всего, это было кладбище для церковнослужителей, потому что в 60-е годы при строительстве железнодорожной ветки Южа-Балахна, рядом с тем местом, где она пересекает талицкую дорогу, был найден череп из старого захоронения. По воспоминаниям старожилов, за оклицией Южи, если идти по Родионовской дороге, начиналось старинное кладбище, на котором захоронения совершались ещё в начале XIX века. Дорога называлась Родионовской по селу Родионово, находившемуся в 10 верстах от Южи, если ехать на Мугреево (возле развилки на Мыт и на Мугреево). История

Павлович перешёл работать учителем литературы в 1-ю южскую школу, но и там продолжалась травля за его церковное происхождение. К тому же Пётр Павлович продолжал заниматься (видимо, неофициально) с детьми из староюжской начальной школы музыкой и церковным пением. Валерий Антонович помнит, что дети, ученики Петра Павловича, тоже пели в церковном хоре в Смоленском храме.

Валерий Антонович помнит и супругу Петра Павловича – Ольгу Ивановну, она тоже была священнического рода, работала учительницей начальных классов. У них были дети: Юрий (1920 г.р.) и Руфина (1926 г.р.). В 1932 г. Пётр Павлович уехал из Южи в Сейму (Нижегородская обл.), и там работал директором общеобразовательной школы, а

Дети Б.Л. и С.Я. Кохловых. слева направо:
Ольга (1923 г.р.). Нина (1924 г.р.).
Вячеслав (1928 г.р.). Николай (1926 г.р.).
1930 г.

села по-учительна для нас: его жители имели дурную славу. Они обворовывали крестьян соседних сел и грабили путников, возвращаясь с Южского базара. Засаду устраивали у Крашенного моста через болотце. Родионовцы не ладили и между собой, поджигали друг другу дома, деревня хирела. А во время Отечественной войны они сожгли последний дом, после чего недобрая

деревня стинула с лица земли. В начале XX века староюжских жителей уже хоронили на том кладбище, от которого остались берёзы (за разобранным ныне магазином недалеко от трансформаторной будки). Кладбище при храме стали разорять уже после закрытия церкви, старинные надгробные плиты и кирпичную ограду местные жители растищили в 50-е годы. Плитами укрепляли фундаменты, некоторые из них были перевезены на современное городское кладбище.

Конечно, запомнились праздничные службы. Рождество Христово сохранилось в памяти мешные, потому что до 1936 года ёлки в стране были строго запрещены как идеологическое наследие царской России. Валерий Антонович помнит, как отец тайно приносил домой ёлку, как они глухо закрывали шторы, чтобы ни один глаз не видел, как они празднуют Рождество. Храм весь был тёплым, поэтому зимние службы тоже служились в Смоленском приделе. Самой торжественной была ночная служба на Пасху. Электрогирлянду на колокольне, видимую на дореволюционной фотографии, Валерий Антонович не помнит, видимо, её тоже запретили включать по идеологическим соображениям. После службы ставили столы и освящали пасхи и куличи. Большой по составу хор с участием детей пел впереди на правом клиросе, возле самого иконостаса.

3. Пескарёва (Минеичева) Валентина Ивановна, 1928 г.р. Проживает в г.Юже.

Её отец Иван Матвеевич Минеичев (род. в феврале 1888 г. в с. Лучкино), в 1920–30-е годы был певчим и, возможно, чтецом в храме Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа. Супруга его – Анна Ивановна, урождённая Маркова (22.09.1890–19.01.1970), место рождения – с. Лучкино. Отец Ивана – Матвей Трифонович, выйдя на пенсию, также работал при храме в Старой Юже

Семья Никольских. слева направо: dochь Руфина (род. в 1926 г.), Temp Навлович Никольский (ок. 1892 – 1971), сын Юрий (род. ок. 1920), супруга Ольга Ивановна (годы жизни неизвестны). 1966 г.

сторожем.

Всего у Минеичевых было в семье шесть детей: Мария (1912 г.р.), Василий (1914 г.р.), Константин (1922 г.р.), Александра (1924 г.р.), Анна (1926 г.р.) и Валентина, воспоминания последней приведены ниже. Доныне в её доме сохранялось методическое пособие, применявшееся Иваном Матвеевичем для воспитания детей – отпечатанная в Киеве в 1911 г. картина «Жизнь трудолюбивого человека», на которой изображены важнейшие моменты и характерные ситуации из жизни честного труженика-христианина, например, гостеприимство, благочестие, участие в делах села. Отец поучал детей сравнением этих картин с жизнью ленивого человека.

Иван Матвеевич прожил нелёгкую жизнь, во время Первой мировой войны попал в немецкий плен (около 1915 г.), пробыл там 4 года. Вернулся домой в 1920-м году и стал работать в храме. Иван Матвеевич обладал прекрасным голосом – басом, знал наизусть все церковные песнопения. После закрытия храма в 1939 году он перешёл в хор Введенской церкви в с. Холуй, где пользовался уважением служителей и любовью прихожан. В Юже продолжал слыть знатоком церковных обычаяев. В связи с отсутствием в Юже священнослужителей к нему всегда обращались за помощью для православного погребения, и он никогда не отказывался проводить покойника. Иван Матвеевич умер 1 июня 1972 года, отпет в храме с. Холуй, похоронен на гор. кладбище в Юже. Весь холуйский церковный хор выпел с надгробными песнопениями ему навстречу, когда его тело привезли в Холуй для отпевания. У Ивана Матвеевича было много церковных книг (видимо, забрал из храма богослужебную литературу). После его кончины эти книги взяла старшая дочь Мария.

4. Трусова (Калёнова) Любовь Владимировна (1928 г.р.). Проживает в г. Юже.

Люба помнит Свято-Смоленский храм в Старой Юже с возраста 6–7 лет, куда её всегда водила бабушка Калёнова Александра Ефимовна, урождённая Баландина (годы жизни примерно 1875–1934). Александра Ефимовна приехала в Южу в 1917 году с Дона, где казаки жестоко расправились с её близкими родственниками за симпатию к красным. Стала работать на фабрике, растить детей: Веру (мать Любы, 1904 г.р.) и Олега. Дети к тому времени были уже подростками, людьми верующими. Олег Матвеевич уже взрослым алтарничал в Холуйском храме.

Когда храм в Старой Юже закрыли, Любке всего-то было лет 10–11, и обстановку в церкви она помнит только в общих чертах. Осталось одно впечатление, что в храме было очень красиво, много старинных икон и прекрасное пение хора. Храм был для неё свой, родной, потому что в хоре участвовали двоюродные сёстры бабушки – старые девы Баландины: Нюра и Мария. Дело в том, что со временем в Южу перебрались с Дона разные родственники – бабушкин брат Баландин Ефим Ефимович (около 1920 г.), и их упомянутые двоюродные сестры Баландины Мария и Анна Фёдоровны (в 1928 г.). Ефим Ефимович отличался грамотностью, и его послали в Шую на обучение

на руководящую должность. Но он поступил в какое-то духовное учебное заведение и вскоре вернулся священником, стал служить в Холуйской церкви. У Ефима был сын Сергей, который на фронте Отечественной войны потерял ногу. Он тоже прислуживал в Холуйском храме. А сёстры Баландины, как выше было сказано, пели в церковном хоре в Старой Юже. Они ради Бога сохраняли себя в девстве, целиком посвятив свою жизнь церкви и молитве. Ещё у них была младшая сестра Аньютка, которая долгое время работала в няньках у отца настоятеля (имени священника не помнит, дом его был напротив церкви). Мать девиц Баландиных Аполлинария Баландина умерла в 1937 году, вот их и подкармливали при храме. После закрытия храма в 1939 году священник уехал, вероятно, в Нижний Ландех, с его семьей уехала и Аньютка. Вернулась она в Южу в конце 50-х годов, уже в зрелом возрасте, замуж так и не вышла, всю себя посвятив Богу, а батюшка из Ландеха её не забывал и высыпал ей каждый месяц немногих денег. Аньютка скончалась в середине 90-х годов.

Любовь Владимировна вспоминает ещё одного человека, трудившегося при храме – это уборщица и сторож Пенишева Маруся (1903 г.р.). Она жила всё время при храме в церковной сторожке. Она осталась после смерти матери сиротой, батюшка из жалости пустил её жить при храме, и она так и осталась жить при церкви до самого её закрытия, помогала, чем могла. Маруся всегда пускала к себе в сторожку на ночлег паломников, приходивших поговорить и причаститься в Южу из дальних деревень. После закрытия храма она продолжала жить в сторожке, и только после окончания войны, уже наверное в 50-е годы, власти её из сторожки выселили и устроили там кооперативный магазин. Маруся осталась жить в Старой Юже, жила в крошечном домишке о двух оконцах неподалёку за храмом. Скончалась в начале 90-х годов.

Ещё при храме работала некая старая женщина Ниура. После закрытия храма она хранила церковные ключи. Когда большевики потребовали у неё выдать ключи, чтобы разорить храм, она отказалась это сделать. За сопротивление власти её посадили, и она больше не вернулась, умерла в заключении.

Любовь Владимировна помнит, как снимали церковные колокола, было это в страшные годы Отечественной войны, примерно в 1942 году. Вообще звон в Юже был сильный, один колокол был очень большой. В иные дни южский звон слышали в Нижнем Ландехе. По распоряжению властей 4 мужиков поднялись на площадку звона, разобрали под колоколами перекрытия и размотали цепи, которыми колокола прикреплялись к балкам. Сбрасывали прямо по шахте колокольни. Падая на землю, колокола разбивались. Запомнились старинные буквы и кресты, отлитые на стенках колокола. Осколки погрузили на грузовики и отвезли, видимо, на переплавку для нужд фронта.

В начале 50-х площадка перед храмом стала излюбленным местом гуляний молодёжи. На площади у храма допоздна горел фонарь, единственный в округе, и под его светом собирался весь «цвет» Старой Южи, пели, играли, общались. В храме к тому времени всё было разграблено, решётки на окнах выломаны с корнем. Рамы выставлены, двери сорваны или нараспашку. Растищены были не только утварь и иконы, но даже алтарные преграды и каркасы. Как-то, зайдя под колокольню у входа в трапезную часть церкви, Любка почувствовала какой-

то бугорок в земле, ковырнула ногой и наклонилась – это был медный крест, распятие, около 14 см длиной (очевидно, или осколок навершия хоругви или какого-нибудь кивота). Она бережно хранила его у себя в доме до самой старости, и на 210-летний юбилей Свято-Смоленского храма передала его Приходу.

5. Сальникова Татьяна Владимировна, 1924 г.р.

Проживает в Ставропольском крае.

Её дед по матери – Василий Никонович Починин был старостой (должность, напоминающая завхоза) Смоленской церкви в Старой Юже. Родился он в 60-е годы XIX века в д. Нефёдово. До первой мировой войны он был оfenей, ходил с товаром в Саратовскую губернию. Старостой храма стал после возвращения с первой мировой (германской) войны, будучи к тому времени дважды кавалером георгиевского креста. Его супругой была Мария Егоровна, урожд. Постнова, из той же дер. Нефёдово. У них было 6 детей: Василий, Фёдор, Михаил, Любовь, Анна и Варвара. Татьяна Владимировна помнит, как они тайно от учителей бегали в храм, потому что власти запрещали детям ходить в церковь, учителя за это сильно ругали. Василий Никонович прожил долгую жизнь, работал при церкви до глубокой старости. Только после кончины супруги (ок. 1938 года) он переехал на жительство к детям в дер. Реброво и тогда ушёл на покой. Скончался перед Великой Отечественной войной, в конце 40-го или начале 41-го года. Погребён на городском кладбище, могила не сохранилась.

7. Из дневника Трусова Ивана Петровича (дневник за 1965–1973 гг.)

Родился в 1892 г. в дер. Кожевниково Груздевской волости Вязниковского уезда, проживал в селе Старая Южа с 1938 г. При прочтении его записей необходимо учитывать его атеистическое мировоззрение, незнамство с подлинно церковной традицией и скептическое отношение к духовенству. Слова «бог», «библия» и т.п. оставляем со строчной буквой, как в оригинале, хотя это безграмотно.

(с.36) **Церковь.** Среди села Старая Южа стоит ещё церковь, но она закрыта в 1939 году. Закрыта она была с целью организовать в ней колхозный клуб, ясли, правление колхоза, но Исполком районного совета забрал её в бюджет района, и колхозу взять за себя было непосильно.

Некоторое время она стояла в бездействии, потом была продана райпотребсоюзу, который в ней устроил гараж и сырьевой склад кож. Осенью 1965 году в районе была организована «Машинно-мелиоративная станция», и церковь была передана ей. Сейчас в ней тоже гараж тракторов и кузница ММС.

Сейчас церковь в большом запустении. Стены снаружи облупились, колокольня тоже облупляется и облицовка обваливается. Кресты как на церкви, а также на колокольне до сих пор не сняты. Был разговор, что колокольню предполагалось летом 1965 года уронить, но пока это так и осталось предположением.

(с.47) За 50 лет советской власти многое изменилось и в быту, культуре, а главное изменился сам человек, изменились обряды, изменилось всё в жизни

людей.

Об обрядах прежде, т.е. 50 лет назад, и теперь, об актах рождения, бракосочетания, похоронах, праздниках следует несколько сказать.

Рождение: Родились люди всё также как и теперь, с той лишь разницей – теперь в больнице с врачами, а тогда в особенности в деревне сплошь и рядом в бане и со знахаркой бабушкой. Крещение обязательно у попа, имя ребёнка зависело сплошь не от родителей, а от попа, какие в этот день по (с.48) святым (библии) бывают святые именники. Слово именник осталось в употреблении у многих и теперь. Например, говорят: «Что это такая пирюшка у соседей?» «Мянины справляют». Как справляют, т.е. оформляют день рождения ребёнка теперь – общезвестно, только имя ребенка назвать, зависит целиком от родителей, да необязательно крестить. А ещё есть такое, что ташат и к попу, если где такой сохранился.

(с. 49) **Вот старая дореволюционная свадьба**, лет семьдесят назад. (с.53) Венчание происходило преимущественно в воскресенье, если рядом с воскресеньем случается другой какой праздник, то в тот день. В среду и пятницу поп не венчал, не говоря уже о постах. В день венчания примерно часов в 11 собираются все родные и приглашенные жениха, составляют поезд – кортеж. Летом – на тарантасах, а зимой на санках (каких теперь нет в обиходе). Когда поезд построился головой, куда надо ехать, дружка с иконой в руках обходит поезд кругом три раза и подает команду – с Богом, в путь! Поезд отправляется за невестой... Поезд отправляется в церковь совершать венчание, причём жених и невеста до церкви едут на разных лошадях, и только когда свахи собрали невесту к венцу окончательно, а это происходит в отдельном помещении или в сторожке при церкви, или в доме близ церкви у соседей, и тогда жених за руку ведёт свою невесту в церковь к венцу, к попу для бракосочетания.

На левой стороне церкви, т.е. в помещении, где происходит моление, устанавливается аналой или, по-теперешнему, трибуна, на которую кладётся инструмент, требуемый при венчании, крест, евангелие. В церковь тоже жених и невеста запросто не войдут – какая-то из свах, главная сваха, расстилает у анала белый платок, и тот, кто из сочетающихся первый вступит на платок, тот и будет верховодить в жизни. Но это не закон, а причуда, поверье.

(с. 56) **Религиозные праздники.** Справляют и религиозные праздники, и иногда целыми селениями, не только в деревнях, а и в городе, например: вот десятки улиц (кряж) за мостом озера Базаль, включая село Южу, празднуют Троицу (июнь месяц). Наверное, Троица для этого кряжа населения осталась как наследие от села Южа, т.к. земля этого кряжа принадлежала крестьянам Южи. Население, прилегающее к фабрике, празднует Успение. Откуда пришёл этот праздник, едва ли от самых старожилов кто сможет объяснить, ведь ранее, в давно прошедшие годы, т.е. до возникновения фабрики, на месте, которое принято называть «новая деревня», теперь ул. Революции, был лес, и никакой деревни (с.57) там не было. По всей вероятности, первый житель этой Новой деревни приехал из какой-то деревни этой округи, где был престольный праздник Успение. Часть населения этого большого кряжа празднует Преображение. Это – Преображенская слободка, здесь до возникновения фабрики тоже не

было никакого населённого пункта, был лес. Есть в этом кряже и ещё население, которое празднует Вознесение. Это – улица «Серп и молот», бывшая деревня Омелово, эта деревня существовала до революции.

Справляют эти праздники в большинстве своём люди по религиозности, а заодно с ними и более молодое поколение, но только уже не для бога, а для пьянства.

В деревнях района, конечно, религиозные предрассудки держатся ещё пока, но только как предрассудки, а веру в бога безусловно потеряли если не все, то многие. Молодёжь, конечно, в деле религии вовсе ничего не понимает и понимать не хочет, но на праздник гуляет. (с.58) В деревнях празднование религиозных праздников происходит и теперь по-старому, а праздников этих в деревнях много, например, начиная с весны: Троица, Духов день, Владимирская икона божьей Матери, Восьмая пятница, Боголюбовская, Петров день, Казанская икона божьей Матери, Ильин день, ранней весной Вознесенье. Смоленская, и так дальше к осени, Успение, Воздвижение, Казанская отечения, Покров и многие-многие другие. А празднуется каждой деревней или несколькими деревнями только один раз в году, но у некоторых два праздника, один с весны, другой осенью.

Библейские праздники, Покров, Рождество, Благовещение, Вербное воскресение, Пасха празднуются всеми православными верующими совместно, то есть повсеместно, в них ходят в гости только близко родные и для них не припасаются, как к престольному празднику, с яствами и вином.

Престольный праздник в дореволюционные годы проводился чинно и без большого пьянства. Родные издалека приезжают на лошадях со всей семьёй (если зять с детьми). Когда собирались все званые, садятся за чай и выпивают по две-три рюмочки. Чтобы вино пить из чайных стаканов – в то время было не слыхано. Даже гранёных стаканчиков, какие есть теперь, – не было в обиходе, рюмка несколько меньше теперешнего стаканчика. После чая мужчины и женщины, которые не заняты малыми детьми, выходят на заваленки или какую лужайку, и ведут беседу (с.59) о житии-бытии, обмениваются мнениями о урожае и т.д. Среди дня обед, обязательно из нескольких блюд. После чая идут на гулянье, если в деревне такое есть, а если нет, молодые уходят в недальнюю деревню, где есть гулянье. Драки во время гуляний почти исключаются или бывают очень редко. В конце гуляния, если это летом – собирается круг (основка), где поются протяжные песни. Песни пели без гармошки, игроков в то время было очень мало, да и гармошка была только тальянка, на ней выразительно, правильно не каждую песню можно было сыграть. После круга гости, если есть возможность, остаются ночевать, праздновался праздник обязательно два дня. Такая традиция осталась и до наших теперешних дней в такие праздники как 1–2 мая, Октябрьский. (с.60) В старину отгавивали друг у друга в престольные праздники. Такие празднества как крестины, именины, в те времена были доступны только некоторым, в крестьянстве такое – не знали, да если бы и знали, это было бы например, нашему отцу не по плечу.

(с.61) **О вере в бога и безверии.** Говорят, что теперь стали люди безбожниками, раньше – речь идет о дореволюционном времени – будто бы все свято верили в бога и свято выполняли все обряды церкви. Правда ли это?

Нет, не правда, не все верили в бога и в условии крестьянства, деревни, да и города. И теперь, вот уже проходит пятьдесят лет революции, и тоже не все не верят, даже и среди молодежи. Вообще-то, чтобы верить в бога, что-то нужно знать, и не верить – тоже что-то надо знать.

Вот в старое дореволюционное время с этим вопросом – верить или не верить – было трудно разобраться, особенно в деревнях, в глухи от городов, от уклада городской жизни. Теперь с этим вопросом легче добраться до истины, есть бог или нет его. Раньше было так, если и не ходил мужик в церковь, не спрашивал религиозных обрядов, таких, без которых можно обойтись, как исповедание и причащение, соседи знали, что сосед не ходит ни к обедне в церковь, в любой и большой религиозный праздник, не причащается, не исповедывается, но такого тогда не считали безбожником. А ведь таких было и среди мужиков много, тогда это непосещение церкви приписывали тому, что у него якобы не в чем было, (с.62) как говорили, выйти в люди. По моему, это было не так, просто мужик не признавал ни чёрта, ни бога, только это не выражалось в речах, в разговорах.

Мой отец Пётр Яковлевич был религиозным мужиком, он редкое воскресенье не был в церкви, а если по какой-либо причине не приходилось ему быть в церкви, то он во время обедни читал псалтирь, тихонько напевал псалмы, стихи, молился, и во все времена, как идет обедня, не ел, не ела и вся семья. Молился на сон грядущий, молился встав ото сна, когда, встав ото сна, будет умываться, умывальник перекрестит. Выйдя на улицу, как встанет ото сна – перекрестится на четыре стороны.

Нас детей – хотя силой не заставлял проделывать все это, но уже поскольку велось такое отцом, то и семья придерживалась некоторых положений. А вообще с жизнью, с достатком у отца что-то не ладилось, жил бедно, хотя и не был пьяницей, бог помогал ему за всё ему от отца дани – плохо. В последствии из нас вышли атеисты, нам что-то не привилось такое усердие к богу как отца.

*(с.63) **Несколько слов о исповеди и причащении**, когда такое было обязательным.*

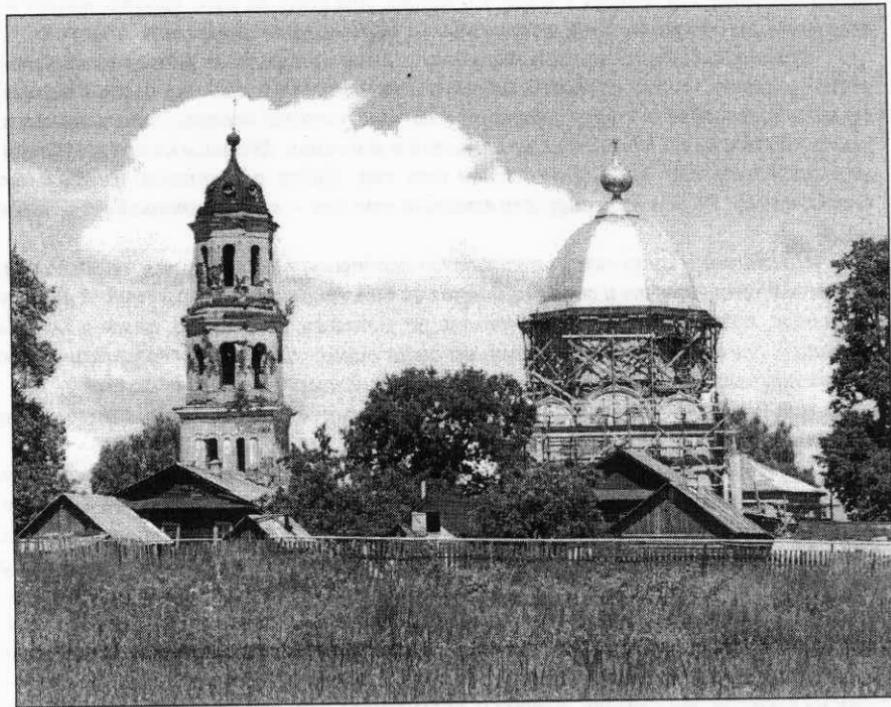
Обыкновенно, если человек не женится и не умирает, то и исповедь, как акт чего-то задерживающий, не обязательна. Но поп на Пасхе, когда обходит по домам с иконами и славит Пасху, всё равно возьмет деньги за исповедь за всех членов семьи, а такие данные о составе членов семьи у попа имеются. Имеется у него и такое за исповедь, не помню как дорого, примерно 2 или 3 копейки с души, при чём тут же напоминает, что у тебя такой-то член семьи на исповеди не был.

За Пасху у попа собиралась солидная сумма денег, с нашего дома платилось попу за Пасху вместе с исповедниками примерно тридцать копеек. Приход – так назывались те деревни, которые обслуживал поп, если два попа, то деревни распределялись между ними. Это и называлось приходом. У нашего попа было в приходе восемь деревень примерно сто домов с населением 300-350 душ. Сумма денег – тридцать-тридцать пять рублей, и с каждого дома взималось – каравай хлеба. Это примерно сто караваев, а караваи в ту пору были не то, что теперешняя буханка, чуть потяжелее.

Пасхальный доход, да и всякие доходы, делились с дьяконом, если такой имеется, и причтом – дьячок, пономарь. Но было у них установлено свыше, как

делить доходы: попу половину, дьякону – четвертину, а всему причту – что осталось.

(с.132) Село Старая Южа на декабрь 1971 г. Всего дворов село Старая Южа имеет 54. В селе имеются дома, построенные около 80 лет назад, таких домов 9. Старых дореволюционных фамилий село имеет только 6, проживающих в 22 домах. Это фамилии Москвинах – три дома, Смирновых – 7 домов, Галовых – 6 домов, Корышевых – два дома, Земцовых – два дома, Пыренковых – из всей фамилии в селе осталась одна Варвара Александровна, жена старшего брата из троих братьев. И последняя фамилия – Никольских, одна Нина Павловна Никольская, по роду Никольских не изменённая фамилия.

Свято-Смоленский храм.

Раздел 6.

К возрождению исторического самосознания

О.А.Кузнецова

Память – родина души

Взгляды студенческой молодёжи на проблемы малых городов и поселений Ивановского края

Судьба малых городов и поселений Ивановского края не оставляет равнодушными юношей и девушек самого различного социального положения и возраста. Закончив обучение в школе или других учебных заведениях, им предстоит сделать важный для себя выбор – где работать, жить, создавать семью. Главными критериями остаются – экономический и социально-культурный. Второй, по своему содержанию, касается важных духовно-личностных аспектов, определяющих внутреннюю комфортность. Речь идет о чувстве общности, которое связано с родителями, друзьями, знакомыми, краем, где рос, воспитывался, взросел молодой человек или девушка.

В условиях рыночной экономики, когда происходит перепрофилирование и сокращение промышленного производства, которое долгие годы выступало гарантом стабильности всех сфер жизни малых городов и поселений, ширится процесс духовно-нравственного опустошения, который принимает формы агрессивного или эгоцентричного поведения. Следовательно, крайне важно остановиться на обсуждении, наряду с экономическими вопросами, проблемы духовных ценностей, формирующих жизненные смыслы, поведенческие установки жителей периферии.

Нам бы хотелось выделить важную составляющую этой темы – историю малых городов и поселений, в которой отражена специфика культурной общности и её влияние на судьбы людей. Неоспоримо, что, для большинства из нас самосознание приходит через родное, хорошо знакомое. Следовательно, историческая судьба семьи, рода, людей, создававших данный край, даёт глубину понимания, как и зачем должен жить человек, где его окружают мифы, а где реальность.

Основной группой нашего исследования стала молодёжь, потенциал которой наиболее высок в профессиональном, культурном и гражданском плане, речь идет о студенчестве, т.е. о том резерве, которому предстоит строить новую жизнь. Следует отметить, что это слушатели различных форм обучения Ивановской государственной текстильной академии. Мы предложили им ряд заданий, на основе которых попытались выяснить, какими знаниями они владеют, как оценивают настоящее положение, что думают о будущем своей малой родины.

Среди предложенных тем были: «Историческое и современное «ли-

цо» города» (на примере конкретной территории), «Характеристика социокультурного пространства малых городов и поселений Ивановского края», «Культурное краеведение и его значение в формировании духовного мира современного человека», «Социальное самочувствие молодёжи и современность».

Мы разделили все полученные материалы по содержанию и стилю на три условные группы. Это работы, где преобладает стиль размышления, авторское видение и отношение к проблеме. Другая группа отличается исследовательской направленностью, стремлением проанализировать, обобщить полученные данные и сделать определённые выводы. Третья, и она была значительной по сравнению с первой и второй, представила формально изложенную информацию, механически копируя известные по истории края факты или статистические данные. Подводя итоги следует констатировать у некоторых авторов недостаточный опыт для выполнения такого типа заданий (1 курс), но можно подчеркнуть и низкую мотивацию отдельных студентов при подготовке данной работы. Качество и мотивация оказалось выше у тех автором, которые постоянно поддерживали связь со своей малой родиной и были ориентированы на возможное возвращение после окончания вуза домой. В тоже время, пассивной позиции была у тех, кто сразу ассилировался в новом жизненном пространстве и изначально был настроен на поиски своего счастья в новом для него мире. В этом случае повторялась одна и та же мысль «зачем мне это нужно, я не могу ничего изменить», «и вообще там всё плохо». Причины таких настроений отражают результаты политики «шоковой терапии» 90-х годов радикально изменившей экономическую ситуацию в стране и разделивших общество на бедных и богатых, востребованных и не востребованных. В малых городах это привело к тому, что многие текстильщики и другие квалифицированные специалисты были вынуждены искать себе работу в других, экономически более благоприятных регионах. Все это породило определённый нигилизм к судьбе и будущему малых поселений и городов.

Интересным является факт, что большинство работ, написанных студентами заочной формы обучения, оказались более глубокими и осознанными. Например, Ерохиным Д., Пыжановым А. было подготовлено исследование, в котором представлен обзор публикаций в местной печати, посвящённых 75-летию Южского края. Среди них материалы, переданные городу О.Р.Ильиной, внучкой В.А.Балина о своих замечательных предках фабрикантах-меценатах Балиных (статья «Род Балиных», «Живая связь времён»). В статье «Пейзажный парк уникального ансамбля», молодых южских авторов Е.Хамовой, О. Плетюхиной представлен не только уникальный исторический материал о крупном парково-усадебном ансамбле А.Я.Балина в с. Преображенское, но и выражено огромное желание привлечь внимание всех жителей Южского района к судьбе этого культурно-исторического объекта.

Познавательная информация о исторических памятниках г.Южи нашла своё воплощение в такой привлекательной форме как «Фотография с историей». Снимок, представленный читателям – церковь Апостола Асигкрита и Богадельня при Южской фабрике Товарищества А.Я. Балина. Богадельня была построена

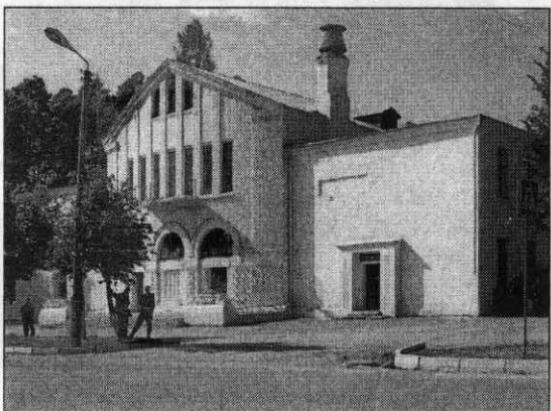
в 1894 году почётной гражданкой Иларией Николаевной Балиной в память умершего сына Леонида, для престарелых и больных рабочих и служащих фабрики. Помещение имело 14 больших и светлых комнат, в полу подвале – кухню. На втором этаже в 1895 г. была устроена церковь Апостола Асигкриста. К 1910 году к зданию богадельни стараниям Балиных была пристроена каменная колокольня. Храм стал двухпрестольным – второй престол во имя Вознесения Господня. В советское время храм был закрыт. Главка и колокольня разрушены. В настоящее время в здании находится школа № 6.

Таким образом, изучение истории края через средства массовой информации, по мнению авторов позволяют преодолеть информационные барьеры, формируют интерес, способствуют диалогу прошлого и настоящего.

Фабрикантам Балиным и их роли в становлении села в промышленный город посвящено ряд работ в т.ч. Леденцовой Л.Е., Ивановой О.Е. и др. Прошлое и настоящее в культурной жизни города рассмотрела Лебедева Н.Ю. на примере истории Народного дома, построенного в конце 1910 г. к 25-летию учреждения Товарищества А.Я.Балина для рабочих и служащих фабрики. Современный дом культуры и музей театра, расположенные в здание уже бывшего Народного дома, хранят память о лучших традициях названного объекта культуры. Это подтверждает тот факт, что местные жители знают свой край и имеют доступ к самым разным источникам его истории.

Исканию духовных ценностей посвящена работа Гущиной Е.А., которая изучает историю православного храма Смоленской иконы Божий Матери в Юже. Знания православной культуры в этом исследовании дополняются уважительным отношением к людям, сохранившим и пропагандирующими её.

Однако напомним, что многие представленные работы не состоялись как творческие или исследовательские, в силу того, что отношение авторов было формальным, безучастным, пассивным. Своё понимание отношения молодёжи к исторической судьбе своей малой родины высказала Березина М. «С горечью и сожалением большинству из нас приходиться признаться в том, что мы почти ничего не знаем о своих предках. А ведь человек, причём независимо от возраста, в принципе живёт своими воспоминаниями, памятью о прошлом. Это помогает почувствовать всю сложность жизни, поучиться на ошибках и достижениях старшего поколения».

Дом культуры в Юже (бывший Народный дом).

Район центральной жилой застройки г. Южа. (Фото из архива В. Клокова).

Таким образом, память не позволяет человеку быть бесчувственным, она обращена к совести, побуждает к действию и осмыслиению жизненного опыта. Конечно, горько, что многие памятники нашей истории навсегда утеряны из-за нехватки финансовых средств, пожаров и прочего, однако страшно другое, что оставшееся историческое наследие продолжает уничтожаться людьми, которые не видят и не понимают их культурную ценность. Сегодня понятие «ценность» у каждого своё. Поэтому понимание культурной общности не возможно без бережного отношения к историческому прошлому малых городов, которое по своей сути есть неповторимое творение человека.

свящ. Алексий Лихачёв

О праздновании 450-летия Южи

(программная записка)

По данной грамоте князей Пожарских Спасо-Евфимиеву Сузdalскому монастырю от 1556/57 года, за монастырём закреплялась «пустошь Клестовская... со всем угодьем в Белоусове... к Южскому рубежу лес и селища». Это – первое известное упоминание о Юже как «Южском рубеже» в письменных исторических источниках, и именно это упоминание должно служить точкой отсчёта исторического существования Южи.

С 14 сентября 2006 года по 13 сентября 2007 года – это тот промежуток, в который с исторической точностью может быть отпраздновано 450 летие нашего города, потому что на данной грамоте нет даты передачи, кроме означения года, который начинался 1 сентября по Юлианскому календарю. Сегодня, когда страна претерпевает нелёгкие изменения и, хотя с трудом, но возрождается историческое самосознание русского народа, особенно важно обратить внимание южского населения на эту юбилейную дату. Её празднование может привлечь серьёзное внимание и плодотворное участие всех передовых сил района. Тем более, что в ход запущена программа историко-туристического освоения края, и нам просто необходимо формировать у всех слоёв народа, а также администрации и общественности Ивановской области более серьёзное внимание к собственной истории и корням. В недалёком будущем внимание всей страны также может быть привлечено к нашему Южскому краю, так как в 2012 году исполнится 400 лет славному освободительному походу князя Д.М.Пожарского, который отправился в этот военный поход из своей родовой Мугреевской вотчины.

Программу празднования юбилея Южи не хотелось бы делать блитц-мероприятием. Наоборот, желательно объявить весь учебный сезон 2006/07 гг. юбилейным периодом, начать его празднование в сентябре 2006 года, и закончить к осени 2007 года, в полном соответствии с исторической правдой. За это время и можно было бы выполнить немаловажные воспитательные задачи по формированию исторического самосознания народа, и в особенности интеллигенции района и молодежи.

Празднование 450-летия Южи может быть хорошей почвой для реализации следующих культурно-воспитательных задач:

1. Формирования у молодых поколений уважительного отношения к малой родине, желания остаться жить и работать в родном крае;
2. Активизации и консолидации общественных сил и научных кадров района и области в деле изучения истории южских земель;
3. Создания теоретической базы для туристического интереса к Юже;
4. Подготовки к изданию серьёзных историко-научных работ по истории Южского края, как в стиле статей, так и «Летописи» района, а также рекламно-туристических изданий;
- 5) Создания инициативной группы по открытию на Южской земле историко-краеведческих музеев и экспозиций;
- 6) Подготовки общественного мнения и организационной базы празднования 400-летия освободительного подвига князя Д.М.Пожарского и К.З.Минина.

Подготовка к празднованию юбилея может проходить одновременно по трём направлениям:

- А. Научно-краеведческому (подготовка научных публикаций, конкурсы исторических и краеведческих работ, конкурсы проектов музеев и экспозиций).
- Б. Историко-общественному (популяризация истории района для разных слоёв населения, поддержка юбилейных инициатив на производстве и в хозяйстве, организация выставок и конкурсов во всех сферах работы учреждений

образования и культуры).

В. Культурно-массовому (разработка программ культурных юбилейных мероприятий во всех домах культуры района).

Наиболее целесообразно организация подготовки к юбилею может быть осуществлена при её разбивке **по секторам** (параллельно существующим структурам):

1. Общественный сектор (краеведческое общество, совет ветеранов, клубы, действующие при библиотеке и т.п.);
2. Сектор средств массовой информации (газета, радио, юбилейные листки, реклама, интернет);
3. Сектор образовательных учреждений (д/сады, школы, ДЮЦ, ПТУ, художественное училище);
4. Учреждений культуры (дом ремёсел, городские и сельские ДК);
5. Церковный сектор (приходы района);
6. Научный сектор (специалисты-историки, краеведы, архивисты Москвы, Иванова, Южи и др.);
7. Финансово-техническое обеспечение программы.

План подготовки юбилея по секторам

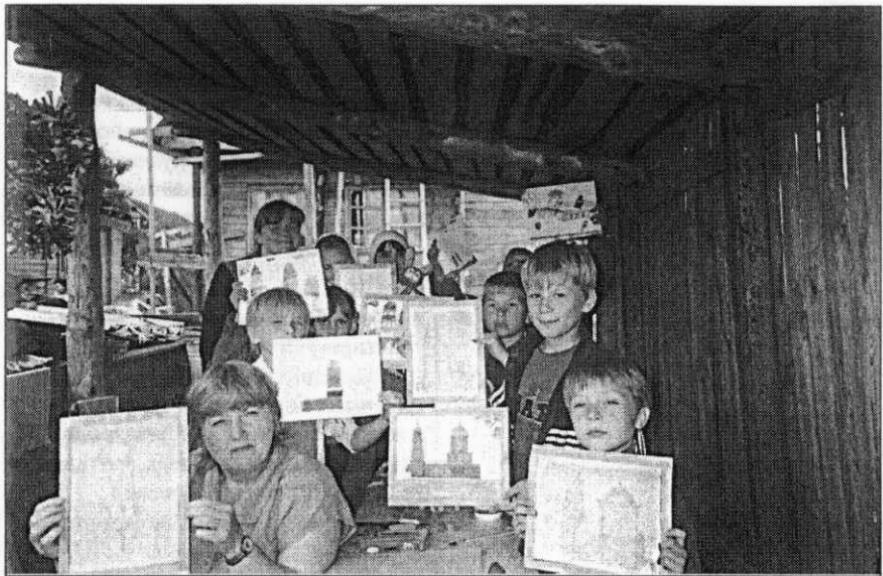
Сектор	Мероприятие
1. Школы, сады, образовательные учреждения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Семинар: Разработка и принятие историко-краеведческих программ по изучению древней (православной) культуры края. 2. Семинар: Разработка и утверждение плана мероприятий учреждений образования района по подготовке к юбилею. 3. Конкурсы детских творческих работ по номинациям:<ul style="list-style-type: none"> - архитектура родного края; - природа Южского края; - люди; - история родного края.

	<p>4. Открытые краеведческие чтения с конкурсом лучших работ по темам:</p> <ul style="list-style-type: none"> - некрополи района; - биография известных людей Южской земли; - история храмов района; - генеалогия славных родов. <p>Формы: сочинения, стихи, рисунки, поделки, фотоколлажи, постановки.</p>
	<p>5. Конкурс художественной самодеятельности на лучший историко-фольклорный сценарий в честь 450-летия.</p>
	<p>6. Трудовые акции учащихся к юбилею:</p> <ul style="list-style-type: none"> - лицо родной улицы; - история родной улицы (оформление стенда в каждом микрорайоне); - могилы предков; - помощь в возрождении исторического лица города.
	<p>7. Конкурс лучших исторических кабинетов (или школьных музеев), а также экспозиций-выставок в них на тему истории родного края.</p>
	<p>8. Семинар историков и организаторов детской работы: «Создание при краеведческом обществе археологического кружка» (оргпроблемы и перспективы).</p>
2. Церковный	<p>1. Подготовка информации по истории, работникам и служителям каждого храма, а также их современному состоянию.</p>

	<p>2. Семинар с обсуждением вопроса переиздания книги «Храмы Южского района» (уточнения).</p> <p>3. Поиск и подготовка к изданию церковно-приходских летописей других храмов.</p> <p>4. Семинар: проблемы восстановления и сохранения церковных кладбищ.</p> <p>5. Конференция: Белые пятна церковной истории края (разработка программы исследований).</p> <p>6. Семинар: Участие православных общин в общественных акциях и программах по подготовке к юбилею.</p>
3. Культурно-массовые мероприятия	<p>1. Семинар: Разработка клубных программ и сценария народных гуляний по 450-летию Южи (с условиями конкурса).</p> <p>2. Конкурс на лучший праздничный сценарий.</p> <p>3. Выставка-экспозиция народного творчества к 450-летию Южи.</p> <p>4. Народные гуляния.</p> <p>5. Семинар: Мероприятия библиотечного отдела в помощь празднования 450-летия райцентра (обсуждение программы выставок, экспозиций, лекционных программ и вечеров, открытых клубных заседаний).</p> <p>Конкурс среди библиотек района на лучшие: -выставочную экспозицию; - лекцию с обзором книг по истории района; - клубный вечер историко-краеведческого содержания</p>

4. Общественный	<p>1. Заседания (расширенные, с привлечением учёных) краеведческого общества на темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - «белые пятна» истории района; - проблемы создания музеев; - проблемы восстановления некрополей при храмах; - подготовка большой ЛЕТОПИСИ района. <p>2. Конференции (с обязательным участием учителей истории):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Краеведческие чтения (с научным обсуждением докладов и рекомендациями к публикаций); 2) Казанские краеведческие чтения 3) Историко-педагогическая (обсуждение вопросов изучения истории края в районе) <p>3. Заседания общества ветеранов:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Что ты сделал для увековечения памяти твоей родословной (обзор мемуаров); - Воспоминания о замечательных людях района (с аудиозаписью воспоминаний).
5. СМИ	<p>1. Рабочее совещание администрации, редакции, радиоузла:</p> <ul style="list-style-type: none"> - рекламная кампания к юбилею; - информационная поддержка мероприятий программы. <p>2. Создание творческой группы по снятию фильма о достопримечательностях района.</p> <p>3. Создание творческой группы по выпуску "Юбилейного листка" новостей (распространяется с газетой).</p>

Мы надеемся, что публикацию данной статьи читатель не расценит как дерзость, но воспримет как выраженные в программной форме мысли о том, как может быть организована важнейшая работа для формирования ценностного отношения к малой Родине, для возрождения интереса к прошлому своей земли. Мы надеемся, что каждый, кому не безразлична историческая память о земле

Детский летний лагерь при Свято-Смоленском храме.
После занятий художественной студии. Тето 2005 г.

предков, найдет в этой программе место для своего творческого участия в деле возрождения Южской земли, которое всегда начинается не с материального фактора, но с сердечного горения и вдохновленного этим разумного действия. Конечно же, при переводе программы из плоскости идей в плоскость реальной жизни обязательно требуется единое организующее начало, которое может взять на себя либо администрация Южского муниципального района, либо обладающая соответствующими полномочиями общественная организация.

Такой организацией может стать Культурно-просветительный центр, объединяющий лучших представителей молодёжи, учителей, интеллигенции и всех творческих людей района и всей Ивановской области. Если деятельность центра найдет себе место в деле подготовки 400-летия освободительного подвига нашего земляка князя Д.М.Пожарского, то такой центр хорошо бы и назвать этим именем: **Южский культурно-просветительный центр имени освободителя Отечества князя Д.М.Пожарского.**

Настоящий Центр может быть учреждён совместно педагогической общественностью Южского городского поселения, художниками п. Холуй, Ивановским областным отделением Фонда культуры и религиозной организацией Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии РПЦ – Приходом Смоленской иконы Божией Матери, в целях способствования делу воспитания молодого поколения в традициях исторического самосознания, патриотизма, преемства духовно-нравственных ценностей.

Центр будет осуществлять реализацию и поддержку программ, одобренных Советом Центра и связанных с повышением уровня культуры и нравственности,

возрождением исторического самосознания, формированием психологической готовности молодого поколения к созданию крепкой семьи, ведению здорового образа жизни и честному профессиональному труду. Свои программы центр реализует как самостоятельно, так и совместно с общественными и государственными образовательными учреждениями на основе системы договоров о сотрудничестве.

Основной задачей КПЦ является поддержка дела *воспитания детей и молодёжи в духе патриотизма и преданности национальной культуре, православной веры в сочетании с высоким уровнем образования и культуры, гражданских качеств личности, готовности честно и профессионально трудиться на родной земле*. Центр ориентирует на ведение здорового образа жизни, уважительное отношение к старшему поколению, национальным и церковным традициям, отечественной истории, на создание добной христианской семьи, рождение и воспитание детей, на активную общественно-полезную деятельность. Во всех своих программах Центр формирует нравственную и гражданственную жизненную позицию, способствует выработке таких качеств, как трудолюбие, терпение, настойчивость, исполнительность, послушание, сознательность, совестливость, честность, самоотверженность, любовь к Родине, верность своему семейному, профессиональному и гражданскому долгу.

Какими могут быть формы организации деятельности Центра? Предположительно, они видятся следующими:

1. Историко-краеведческий кабинет (может со временем перерасти в музей Д.М.Пожарского);
2. Открытый постоянно действующий лекторий;
3. Пункт помощи молодой семье;
4. Методкабинет военно-патриотического воспитания (с библиотекой и книжной лавкой);
5. Центр досуга с видеосалоном и детским безалкогольным кафе;
6. Опытная сельскохозяйственная станция с мастерскими;
7. Паломническое турбюро;
8. Печатный орган и Издательство.

Центр должен осуществлять материальную и методическую поддержку учителей, воспитателей, кружководов, реализующих следующие направления работы:

- 1) духовно-нравственное – через приобщение к церковным и народным традициям и святыням отечественной истории и культуры;
- 2) военно-патриотическое – через эффективную начальную военную подготовку, знание военной истории и овладение начальными навыками определённой военной специальности;
- 3) художественно-эстетическое – через организацию специальных музыкальных и художественных классов, пропаганду достижений Холуйского искусства, активное посещение выставок и музеев, концертов, организацию экскурсий по стране, личное участие воспитанников в художественной самодеятельности;
- 4) физическое – за счёт усвоения навыков здорового образа жизни,

Выступление участников детского крестного хода в Ходуе.
Воскресная школа Свято-Смольенского храма. Май 2002 г.

серьёзной физической подготовки, закалки, активных занятий в спортивных секциях;

5) трудовое – через формирование навыков хозяйствования в быту, формирования умений грамотно вести хозяйство.

Названные духовно-нравственные и гражданственные качества воспитанников и высокий уровень их образованности и культуры могут быть достигнуты лишь в процессе долговременного сотрудничества Центра с учительством, его творческими представителями, и с лучшими представителями районной общественности. С их помощью можно обсуждать вопрос создания на базе Центра общеобразовательных и профильных учебных заведений высокого уровня при сотрудничестве с Ивановским университетом и другими ВУЗами и научными учреждениями. В связи с этим при создании Устава Центра нужно закладывать возможность его участия в учредительстве целой сети учебных заведений разного уровня: детского сада; гимназии; лицея; экспериментальной площадки вузовского типа. Интересным шагом может стать совместное учредительство Центра с государственными и общественными учреждениями г. Москвы, с московскими государственными и негосударственными учебными заведениями разного уровня.

Создание образовательных учреждений на базе КПЦ. По мере развития структур КПЦ может учреждать или создавать свои образовательные отделения любого уровня, начиная от дошкольных и заканчивая учреждениями среднего

специального и высшего образования.

Подразделения создаются КПЦ по мере подбора кадров и приобретения необходимого для обеспечения целевой деятельности имущества. Достигая высокого уровня организации и успехов в своей хозяйственной деятельности, каждое из подразделений КПЦ может, при соответствующем решении Совета центра, получать статус самостоятельного юридического лица.

Формы сотрудничества с другими организациями.

Назначение сотрудничества. Культурно-просветительный центр создаётся, как выше сказано, в целях консолидации сил района в деле поддержки молодого поколения и молодых семей. В связи с этим КПЦ активно сотрудничает со всеми государственными и общественными структурами, деятельность которых направлена на воспитание, образование, трудоустройство и повышение культурного уровня молодёжи.

СКПР и его концепции. Совет по культурно-просветительной работе (СКПР) в лице Научного директора выдвигает концепции по работе с молодёжью и молодыми семьями, а также конкретные программы сотрудничества по каждому из направлений деятельности КПЦ.

Конкурсы и договора. Разработанные СКПР и утверждённые Советом центра программы (как в частности интеллектуальной, так и финансовой) публикуются для общественности района. Среди организаций, желающих сотрудничать в реализации программ, проводится конкурс на лучший диалог в сотрудничестве. По результатам конкурса Совет центра разрабатывает и принимает готовые договора о сотрудничестве.

Поддержка имеющихся программ. В лице своих работников, КПЦ принимает участие в создании или реализации районных, региональных и российских государственных или общественных программ поддержки молодого поколения, в лице Научного директора и других членов СКПР участвует в общественных советах и конференциях, посвященных проблеме.

Формы сотрудничества с образовательными учреждениями. КПЦ открыт для широкого сотрудничества с образовательными учреждениями. Формы такого сотрудничества могут быть самыми разными, начиная от дополнительного финансирования учителей и педагогов, чья деятельность находит поддержку Совета культурно-просветительной работы, от реализации программ КПЦ за отдельную плату учителями в своих учебных заведениях, до создания кружков и мастерских на своей базе, а также самостоятельных учебных учреждений любого уровня.

Приложение 1.

Публикация грамоты 1556/57 г.

Данная кн. Василия Ивановича, Ивана и Петра
Васильевичей, Фёдора и Ивана Ивановичей,
Тимофея Федоровича и Петра Борисовича
Пожарских
архимандриту Спасо-Евфимьеву монастыря
Михаилу
на пустошь Клестовскую.

Се яз, князь Василей княже Иванов сын Пожарской, да яз, князь Иван, да князь Петр княжи Васильевы дети Пожарского, да яз, князь Федор, да князь Иван княже Ивановы дети Пожарского, да яз, князь Тимофей княже Фёдоров сын Пожарского, да яз, князь Пётр княже Борисов сын Пожарского, дали есмя в дом всемилостивому Спасу в Ефимьев монастырь в Суздале архимариту Михаилу з братьею, или хто по нем иных архимарит будет, пустошь Клестовскую и з селици, и с лесом, куды коса и топор ходило, изстари потягло, и з бортным ухожеем, и со всем угодьем в Белоусове, что достало князю Данилу княже Семенову сыну Пожарского к Южскому рубежу лес и селища, и пустоши, Белоусовская выть. И мы дали по брате по своем по князе Даниле по княже Семенове сыне Пожарского и по его отце, и по матере, и по всех их родетелех.

И хто станетца в ту вотчину вступати ближнего роду нашего Пожарского, и ему дати за ту вотчину к Спасу в монастырь восемьдесят рублев денег.

А на то послуси: Фёдор Семёнов сын Муранов да Рахманин Ондреев сын Лужникова, да Олеша Козмин сын Охапкина, да Офонасей Карпов сын Васенина, да Захарья Филиппов сын.

А даную писал Гриша Стефанов сын Лихонина лета 7060 пятаго.

На обороте:

К сей даной князь Василей руку приложил.

К сей даной князь Пётр руку приложил.

К сей даной князь Пётр руку приложил.

Послух Фетъко руку приложил.

Послух Рахманин руку приложил.

Послух Алёша руку приложил.

Послух Офона руку приложил.

Послух Захарья руку приложил.

По сей даной мне, князю Петру, и моим детям до се вочиньни дела нет,

и руку приложил.

РГАДА. Ф.281. ГКЭ по Суздалю. №183/15111. Подлинник. 41.5x14.5

Приложение 2.

Выписка из писцовой книги Сузdalского уезда Стародуб-Ряполовского стана письма и меры Михаила Трусова и подьячего Фёдора Витовтова. 1628–1630 гг.

- Л.1024 За боярином за князем Дмитреем Михай
1024об. ловичем Пожарским отца его и деда родовая вотчина село Волосы-
нино, Мугреево тож, да к тому же селу припущен в пашню пустошь
Матвеивково на реке на Луху, а в селе церковь Николы
Чудотворца деревян вверх шатровой да в пределах Илья Пророк
да святых великих мученик благоверных князей русских Борис и
Глеб да Никита Переславский да мученик Христов Лумп да теплая
церковь
- 1025 Живоначальны Троицы древян клецки, в пределах Олекsei
митрополит Московский да преподобный Сергий Радонежский
чудотворец, а в церквях образы и свечи и книги и ризы и колокола и
сосуды церковные и всякая церковная строенье вотчинниково. А на
церковной земле двор поп Данило, двор поп Стефан, двор дьякон Иван,
двор другой дьякон Иван прозвище
- 1025об. Посник, двор дьячек Филиппко, двор пономарь Сергейко,
двор проскурница Еленица, да шесть дворов, а в них живут нищие,
питаются от церкви божии. Да бобыльских дворов: двор Тимошка
Иванов, двор Сергунка Михайлов...
- 1026 Да в селе же двор вотчинников боярина князя Дмитрея
Михайловича Пожарского, да люцких дворов: двор Лумпенко
Гаврилов, двор Мосейко Акатев. Да к селу Мугрееву припущена в
пашню пустошь, что была деревня Данилова... К селу же
- 1026об. Мугрееву деревень: деревня Одашева на реке на Лухи, а в ней
служных дворов: двор Федыка Семенов сын прозвище Шишко
Жеребцов, двор Семеика Федоров сын Иконник... Деревня
Боброво, а в ней крестьян: двор Онисимко Федоров сын Маринин,
двор Харитонко Матвеев, двор Кондрашко
- 1027 Левонтьев, да бобыльских дворов: двор Гаврилко Ортемьев, двор
Пронка Осипов, двор Илейка Яковлев, двор Елизарко Федоров,
двор пуст Михалка Безземянника, двор пуст Павлика Карпова. А
Михалко и Павлик сошли безвестно во РКЕ-м году...
- 1027 об. Деревня Онисимово, а в ней крестьян: двор Кондрашко Яковлев
с пасынком с Васкою, двор Наумко Ортемов да бобыльских
дворов двор Ерофеяко Молофеев, двор Савка Меркурьев, двор

- Степанко Кондратьев...
- Деревня Китанова, а в ней крестьян двор
- 1028 Михалко Яковлев с пасынком с Максимком, двор Тимонка Михайлов, двор Савка Михайлов, двор Федька Степанов, двор Петрушко Иванов сын. Старожильцов да бобыльских дворов двор Петрушка Сафонов сын Демидов, двор Лумпейко Микифоров, двор Савка Филимонов, двор Перфирка Истомин, двор Олферко Осипов, двор Васька Степанов, двор Огайонка Степанов...
- 1028об. Деревня Калинина, а в ней крестьян двор Еуфимко да Савка Кондратьевы дети Якунина, двор Дениска Федосьев сын Клюшников, да бобыльских дворов двор Купреянко Якимов прозвище Шибанко, двор Максимко Данилов, двор Федька Матвеев прозвище Сурнака
- 1029 з детьми, двор Митрофанко Фролов, двор Гаврилко Баулов, двор Мартынко Денисов...
Деревня Скоряково, а в ней крестьян двор Митрофанко Емельянов, двор Минка Емельянов, двор Кондрашка Осипов да бобыльских дворов двор Ивашка Семенов да вотчим ево Софронко Карпов...
- 1029об шол во РЛЕ-м году, двор Павлик Карпов, двор Офонка Зуев...
Деревня Настасино, что был починок Настасин, а в нем крестьян двор Гараска Микулин да бобыльских дворов двор Демка Степанов, двор Олешка Булыгин, двор Еустратко Фефилов...
- 1030 Деревня Сракина, а в ней крестьян двор Давыдка Ананин да бобыльских дворов двор Федька Корпов, двор Офонька Максимов...
Деревня Потанина, а в ней крестьянин двор Ки
- 1030об таико Еремеев да бобыльских дворов двор Онтонко Микитин, двор Обросимко Ионин, два двора пустых Васки Яковleva да Павлика Карпова, а Васка и Павлик сошли безвесно во 126-м году.
Деревня Ухолова, а в ней крестьян двор Фомка Алексеев да пле
- 1031 мянник ево Еремка, двор Федька Иванов, да бобыльских дворов Максимко Макковеев, двор Ивашка Алексеев, двор Ивашка Тимофеев, двор пуст Юрки Мокеева, Юрку убили черкасы в прошлом во 127-м году.
Деревня Максимово, а в ней двор крестьянин
- 1031об Дорофейко Микулин, двор бобыль Ивашка Васильев, двор бобыль Ивашка Иванов.
Деревня Мокеевская, а Ортемово тож, а в ней крестьян двор Васка Евсевьев сын Непоклонов, двор Ивашка Васильев, двор бобыль Савка Иванов.
- 1032 Деревня что была пустошь Холопово, а в ней двор крестьянин Петrushka Григорьев, двор бобыль Павлик Карпов, двор пуст Федотки Игнатева, шол во 136-м году.
Деревня Черемисинова

- 1032об а в ней крестьян двор Родка Ортемев, двор Фадейка Иванов з братьями с Фочкио да с Якимкою да з Гришкою, двор Обросимко Иванов, двор Ивашка Иванов да бобыльских дворов двор Овдокимко Корнилов, двор Павлик Корнилов, двор Якунка Григорьев, двор Ивашка Филипов, двор Петрушка Степанов з зятем с Онофрейком Игнатевым.
- 1033 Деревня Брыковка, а в ней двор крестьянин Сидорка Молофеев, двор бобыль Бориско Моковеев.
Деревня Березино, а в ней двор крестьянин Трофимко да Захарко
- 1033об Васильевы дети Гвоздева.
Деревня, что была пустошь Полунникова, Горохово тож, а в ней двор бобыль Микитка Дементьев.
- 1034 Деревня, что была пустошь Шестаковка, Хлестовская тож, а в ней двор крестьянин Лавушка Петров, двор бобыль Ларионка Юрин да брат ево Ортемко, двор бобыль Онкудинко Юрьев.
- 1034об Деревня Лихачовка, а в ней двор крестьянин Гришка Карпов, двор бобыль Пахомко Филипов, двор бобыль Ивашко Иванов.
Деревня, что была пустошь Федорково, Федоровская, Ивановская тож, а в ней двор крестьянин Кондрашко Яковлев сын прозвище Жук
- 1035 двор бобыль Вaska Мосеев, двор бобыль Сенка Мосеев.
Деревня, что была пустошь Шахматово, а в ней крестьян двор Гришка Ермолин, двор Ми
- 1035об. китка Григорьев, двор Онкудинко Аристов, двор Семейка Савельев, двор Тихонко Сергеев да пасынок ево Митька да бобыльских дворов двор Гаврилко Григорьев, двор Митька Микитин.
Деревня, что была пустошь Змеикино, а в ней двор крестьянин
- 1036 Офонка Овдокимов сын Маринин с сыном с Офонкою.
Деревня, что была пустошь Пятково, а в ней двор крестьянин Якунка Данилов з братьями с Левкою да с Івашкою да бобыльских дворов двор Якунка Дмитреева, двор Максимко Григорьев, двор Елизарко Данилов.
- 1036об Деревня, что была пустошь Костяево, а в ней крестьян двор Левка Семенов, двор Ондрюшка Ортемов да бобыльских дворов двор Перфирейко Якимов, двор Павелко Васильев, двор вдова Марица з детми.
- 1037 Деревня, что была пустошь Притыкино, а в ней двор крестьянин Акинка Ермолин з детми.
К селу ж Мургеееву пустошей: пустошь Опалиха Малая. Пустошь Раменье Великое Чернеевка тож.
- 1037об пустошь Жорновнихово. пустошь Горбуново. пустошь Савкино
- 1038 пустошь Козаково. пустошь Семеновская

- 1038об пустошь, что была деревня Каменная, пустошь, что была деревня
Клестовская, а Корнилово тож. пустошь, что была деревня
- 1039 Ошурково. пустошь, что была деревня Данилова. пустошь, что
был починок Бобурин, Корнилово тож.
- 1039 об Села ж Мугреева приселок Могучее, а в нем двор вотчинников
да деловых людей двор Трофимко Гарасимов, двор Куземко
Федоров да Мишка Алексеев, двор Ермолка Иванов.
К тому ж приселку
- 1040 Могучему деревень и починков: починок, что была деревня
Пол(т?)кино, а в нем двор крестьянин Еремейка Иванов, двор
бобыль Сенка Еремеев, двор бобыль Терешка Иванов, двор
бобыль Олешка Иванов.
Деревня Фомино, а в ней крестьян
- 1040об двор Ивашко Фролов, двор Ивашко Коновалов, двор бобыль
Кирюшка Михайлов..
Починок, что была пустошь Нестерово, а в нем живут
деловые люди боярские князя Дмитрия Михайловича Пожарского
двор Софонка Василев, двор Бориско Федоров.
- 1041 Деревня Голузино, а Опалиха Большая тож, а в ней двор
крестьянин Ивашко Демидов з детми. Деревня
- 1041об Косино, а в ней двор бобыль Ивашко Иванов с сыном. Деревня
Погорелицы, а в ней двор бобыль Ивашко Васильев, двор бобыль
Харка Григорев. Деревня Кропивное
- 1042 а в ней двор бобыль Никонко Борисов, двор бобыль Степанко
Иванов.
К приселку ж Могучему пустоши: пустошь, что была деревня
Внезево. пустошь, что была деревня Селище Степаново, а
Сумепово тож.
- 1042об Пустошь Иванинская. Пустошь Быкова.
- 1043 Пустошь Столбово. Пустошь Крюково. Пустошь Петрухино.
Пустошь Родивоново.
- 1043об Пустошь, что была деревня Высокое.

Ф.1209. Оп.1. Д.11320. Ч.II.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Историография.

Якушкины Г.Р. и М.М. Новые материалы по истории храмов Южского района.....	4
--	---

Раздел 2. Археология.

Е.Л.Костылева, А.В.Уткин. Древнейшие памятники археологии Южского района.....	7
---	---

И.Ю.Климаншёв. Глубокие корни (очерк археологических изысканий на озёрах Ламна и Святое, в бассейне р. Лух).....	9
--	---

Раздел 3. Средневековые.

В.А.Кирюхина. Подвиг добродетели и преодоление Смуты. О личности князя Д.М.Пожарского.....	20
--	----

Г.Р. Якушкин. Описание села Южа в писцовых и переписных книгах XVII в.	25
---	----

Раздел 4. Новая и Новейшая история.

Н.В.Фролов. Э.В.Фролова. Южа как поместичье владение в XVII-XIX веках.....	37
--	----

Е.В.Сметанин, составитель. Владимирское крестьянство и Владимирская деревня XVIII века в работах Л.В.Милова	49
---	----

К.Е.Балдин. Феномен фабричного посёлка в дореволюционной России на примере Южи.....	59
---	----

Раздел 5. Церковная история.

М.М. Якушкина, Г.Р. Якушкин. К истории храмов Южского района.....	66
---	----

Свящ. А.Е.Лихачёв. История Свято-Смоленского храма в XX веке по воспоминаниям старожилов.	73
--	----

Раздел 6. К возрождению исторического самосознания.

О.А. Кузнецова. К проблеме исторического сознания южских студентов.....	91
---	----

Свящ. А.Е.Лихачёв. О праздновании 450-летия первого упоминания Южи.....	94
---	----

Приложения.

Данная грамота братьев князей Пожарских Спасо-Евфимиеву монастырю на пустошь Клестовскую.....	104
---	-----

Выписка из писцовой книги Сузdalского уезда Стародуб-Ряполовского стана письма и меры Михаила Трусова и подьячего Фёдора Витовтова.....	105
---	-----

Сведения об авторах:

1. Балдин Кирилл Евгеньевич, д.и.н., зав. кафедрой отечественной истории ИвГУ, председатель Ивановского краеведческого общества.
2. Кирюхина Вера Александровна, г. Москва, Государственный исторический музей, научный сотрудник, организатор музея князя Д.М. Пожарского при гимназии СВАО.
3. Климанов Илья Юрьевич, г. Иваново, Станция юных туристов, н/с.
4. Костылёва Елена Леонидовна, к.и.н., доцент ИвГУ.
5. Кузнецова Ольга Алек., к.и.н., доцент кафедры философии, Ивановская государственная текстильная академия.
6. Священник Алексий Лихачёв, кандидат богословия, настоятель Свято-Смоленского храма в с. Старая Южа Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии РПЦ.
7. Сметанин Евгений Владимирович, г. Красноярск, преподаватель истории, выпускник ИвГУ.
8. Фролов Николай Владимирович, журналист, г. Ковров.
9. Фролова Элла Владимировна, Ковровский исторический музей, директор.
10. Якушкина Марина Михайловна, г. Москва, научный сотрудник ОПИ ГИМ.
11. Якушкин Геннадий Радикович, г. Москва, ведущий специалист отдела научной информации и публикации документов РГАДА.

Digitized by srujanika@gmail.com

ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 1. «К 450-летию Южи»

Редактор Т. В. Ефимова

Технический редактор А. А. Йоров

Компьютерная вёрстка Т.В. Ефимова, Е. А. Мареева
Фотографии из архивов Свято-Смоленского храма и В. Клокова,
С. Кондратьев,

Подписано в печать 03.07.2006 г.

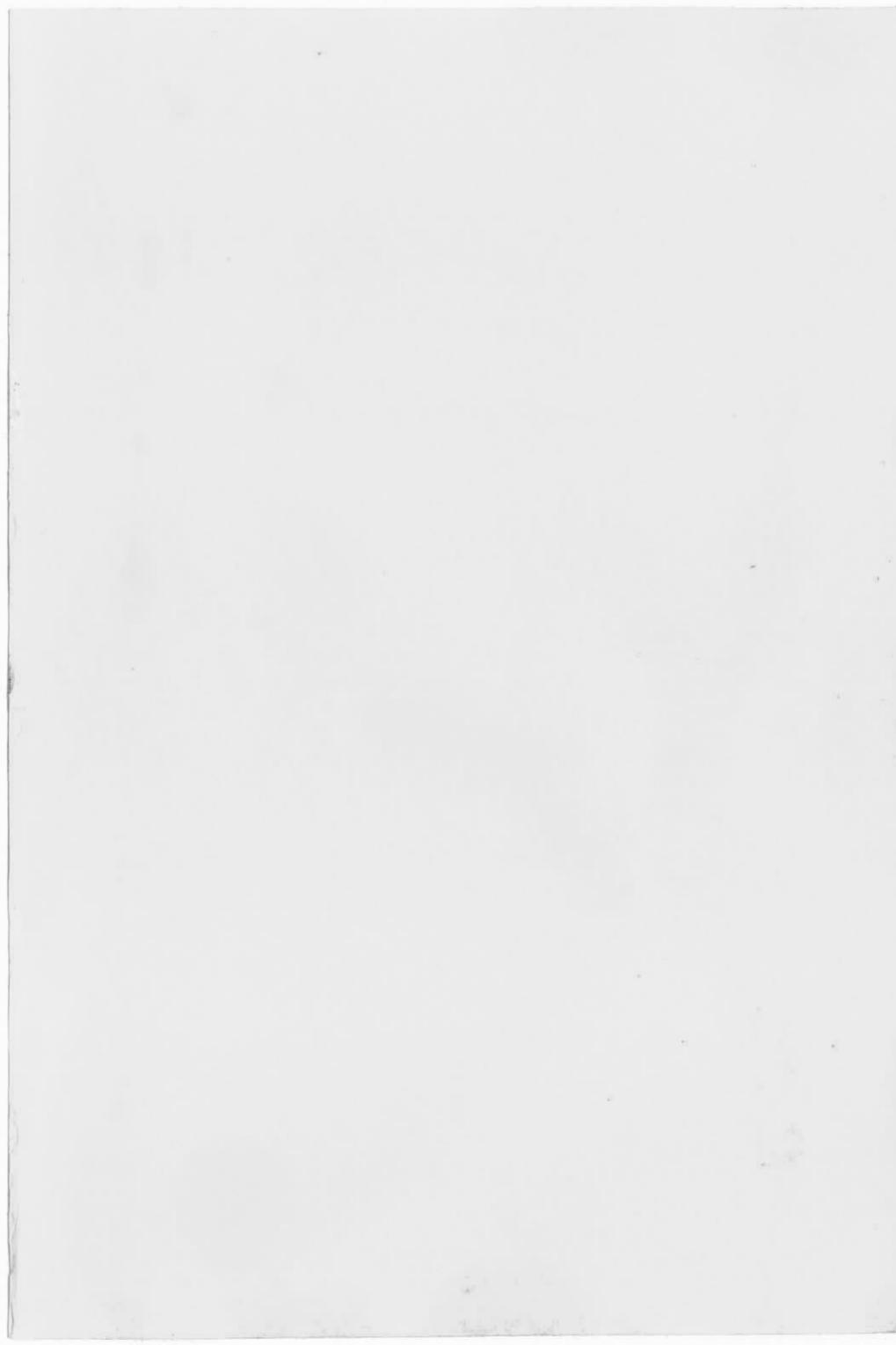
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «PetersburgC».

Печать офсетная. Тираж 450 экз.

Издательский дом «Референт»,
153000, Иваново, пр. Ленина, 20а.

Тел./факс: (4932) 41-31-42, e-mail: office@ivreferent.ru

Отпечатано в типографии Ивановского энергоколледжа.
153025, г. Иваново, ул. Ермака, 41

ИД «Референт»